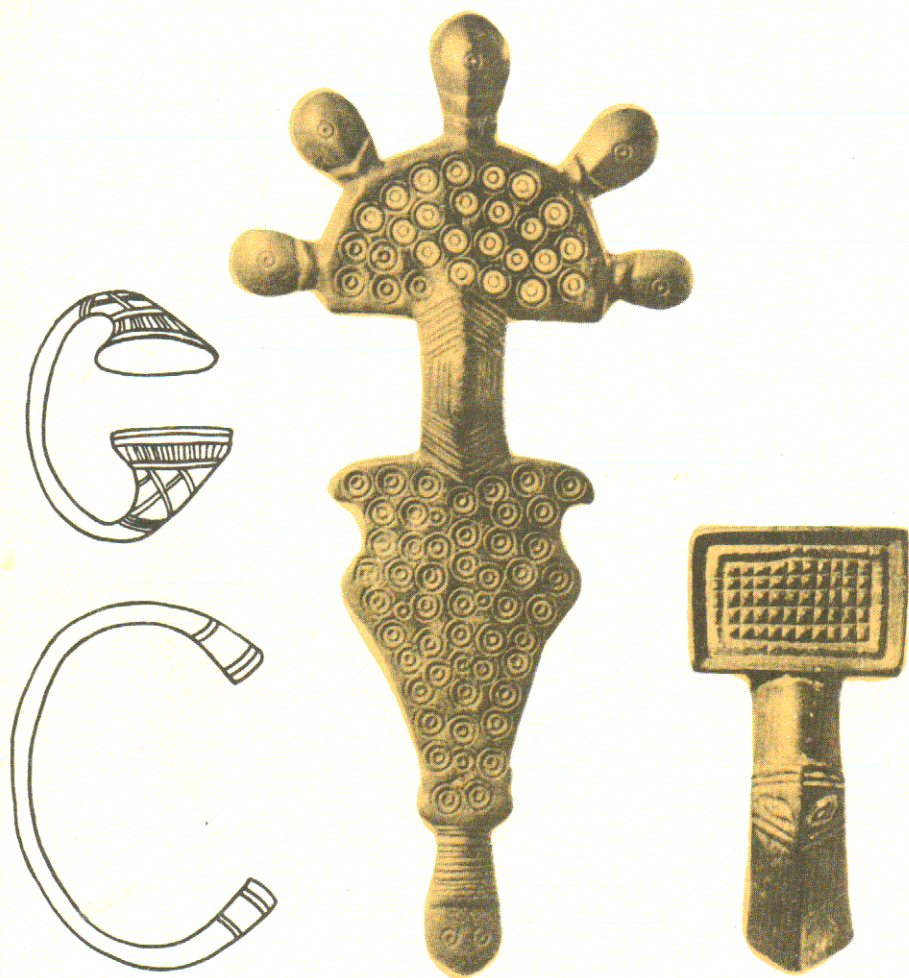

Е. А. ГОРЮНОВ

Ранние этапы
ИСТОРИИ
СЛАВЯН
Днепровского
Левобережья

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е. А. ГОРЮНОВ

РАННИЕ ЭТАПЫ
ИСТОРИИ СЛАВЯН
ДНЕПРОВСКОГО
ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Книга содержит разработку важнейших вопросов истории Днепровского Левобережья в период, к которому восходят истоки древнерусской государственности. Введен и источниковедчески проработан новый обширный археологический материал, составляющий фактическую основу работы.

Ответственный редактор
А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Г $\frac{10602-555}{042(02)-81}$ 113-81 0503000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к историческому прошлому Днепровского Левобережья, который возник еще в конце XIX—начале XX в., найдя яркое воплощение в трудах Д. Я. Самоквасова, П. В. Голубовского, Д. П. Багалея, В. Г. Ляскоронского, остается прочным и в наши дни. В немалой степени это вызвано прямой связью Левобережья с ранней историей славян, сложением Киевской Руси и образованием древнерусской народности.

Проблема становления государственности и зарождения феодализма у восточных славян решена в нашей науке в теоретическом плане, в то время как социально-экономическая основа, различные факторы, обусловившие ход исторического процесса, остаются во многом не изученными. Особенно это касается середины и третьей четверти I тыс. — того периода, к которому, судя по всему, восходят истоки Киевской Руси. К важнейшим событиям указанного времени, определившим исторические судьбы славян и других народов Европы, как известно, относятся нашествие кочевых орд (сначала гунны, затем авары), падение Западно-Римской империи, войны на Балканах. Прямое отношение к истории Левобережья имеют сложение Хазарского каганата и поражение болгар в борьбе с ним.

Все данные события не прошли для Левобережья бесследно, хотя действительное преломление каждого из них в истории края пока с достаточной достоверностью не установлено. До конца неясно даже, относится появление славян к востоку от Днепра к V—VII вв. либо другому времени, более раннему или, как считали И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов, более позднему. Решение проблематики, связанной с серединой и третьей четвертью I тыс. на Днепровском Левобережье¹, находится в прямой зависимости от состояния археологического изучения, тем более что письменные источники, лишенные конкретных сведений о данной поре в Поднепровье, мало чем могут помочь. Это стало очевидным далеко не сразу. Длительное время массовые памятники середины и третьей четверти I тыс. оставались здесь неизвестными, в связи с чем в литературе упорно держалось представление об особой исторической ситуации, сложившейся на Левобережье после вторжения гуннов, отсутствии там в ту пору оседлости. Предлагались и другие решения, но все они были построены лишь на априорных соображениях и анализе древностей, найденных случайно, таких как клады вещей и отдельные предметы. Положение стало обнадеживающим лишь в последние годы, когда многие уже смирились с лакуной в лесостепной полосе, отвечавшей послегуннскому времени, в Подесенье — периоде между юхновской культурой раннего железного века и достоверно славянской VIII—X вв.

Открытие массовых памятников середины и третьей четверти I тыс. на обширных пространствах Левобережья (от степного пограничья на юге до верховьев Десны на севере) трудно переоценить. В настоящее время в их изучении сделаны лишь первые шаги, что затрудняет исторические выводы. Чаще возможны лишь гипотезы, хотя и не лишенные объективной основы. На первом плане пока находятся чисто источниковедческие задачи, связанные как с систематизацией, анализом, классификацией накопленного материала, так и с поисками путей к решению спорных вопросов.

Во всем этом нельзя не видеть тот необходимый этап изучения, без преодоления которого невозможно правильное понимание исторического процесса в Поднепровье, и в частности на Левобережье. Историковедческим анализом во многом и определяется содержание выполненного исследования. В нем не обойдены и различные общие вопросы, нуждающиеся в дальнейшей разработке: о соотношении открытых культур, их этническом определении, сущности исторического процесса, проходившего в Поднепровье в I тыс., и др. В основу работы положены материалы раскопок и обследований, произведенных П. Н. Третьяковым в 60-е гг. и автором в 1968—1975 гг. Изучены также материалы архивов и фондов Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР, Государственного Эрмитажа, Курского областного историко-краеведческого музея. Структура настоящего издания обусловлена кругом привлекаемых памятников, отвечающих двум физико-природным зонам (лесной и лесостепной) с их различной изученностью, наконец, расхождениями как в историографии, так и в проблематике Подесенья, с одной стороны, и лесостепного Левобережья — с другой.

Работа состоит из трех глав. В первой даны развернутая характеристика и анализ основных компонентов материальной культуры III—VII вв. в Подесенье. Особое внимание уделяется жилищам и керамике. Определяются черты погребального обряда. Деснинские памятники датируются в литературе, как правило, суммарно, без учета типологических отличий. Одна из задач нашего исследования — разработка их временной шкалы на основе анализа керамических комплексов. В специальном разделе рассматриваются плохо освещенные в литературе темы: хозяйственная деятельность, общественные отношения в Подесенье III—VII вв.

Вторая глава содержит данные о памятниках середины и третьей четверти I тыс., известных в лесостепном Левобережье. Она включает характеристику памятников типа Курган-Азака и Сенчи и аргументацию того, что последние генетически связаны с колочинской культурой более поздней поры. Сделана попытка уточнить характер и хронологию памятников пеньковского типа и определить ту роль, которую сыграли в их формировании южные элементы.

В третьей главе рассматриваются вопросы этнической истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тыс. Важное место занимает выяснение соотношения памятников третьей четверти I тыс. с достоверной славянской культурой VIII—X вв.

Работу дополняют каталоги памятников середины и третьей четверти I тыс., материалы которых составили источниковедческую базу исследования.

Глава I

ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. В ПОДЕСЕНЬЕ

История исследований

В Подесенье массовые памятники III—VIII вв. становятся известными поздно — с конца 50-х гг. XX в. Одна из причин этого — отсутствие у них, несмотря на несомненное своеобразие, ярких черт, могущих сразу привлечь к себе внимание. Главное все же заключается в характере проводившихся исследований, как правило, отрывочных, имевших дело с узким кругом источников в основном времени Киевской Руси. Конечно, прежде всего это относится к дореволюционной археологии.

Начало археологических изысканий в Подесенье приходится на 70-е гг. XIX в. и связано с именем Д. Я. Самокварова. Последним особенно много сделано в отношении курганных древностей X—XIII вв., которые он приписывал летописным северянам.¹ Несколько позже раскопки курганов в Подесенье велись П. М. Еременко.² В 1873 и 1876 гг. на городище у с. Юхнова Новгород-Северского уезда Самоквасовым было начато изучение культуры раннего железного века,³ получившей позднее название «юхновская». В начале XX в. С. А. Гатцуком обследовались поселения так называемой роменской культуры второй половины VIII—X в., открытой тогда же Н. Е. Макаренко при работах в черте г. Ромны Полтавской губернии.⁴

Археологическая литература конца XIX—начала XX в. является в основном описательной. Некоторое значение сохраняют только немногие публикации, в том числе отдельные труды Д. Я. Самоквасова, и в частности его «Могильные древности Северянской Черниговщины». Среди памятников, описанных в последней работе, некоторые, судя по всему, относятся ко времени не позднее VII—первой половины VIII в. На это обратил внимание П. Н. Третьяков. К дороменскому времени, по его мнению, принадлежат отдельные погребения у с. Волокитина на р. Клевени, о чем говорит форма опубликованного Самоквасовым лепного сосуда, который служил урной.⁵ С меньшей вероятностью то же устанавливается им и для кургана у хут. Сетнова в среднем течении р. Сейма.⁶

Первые несомненные успехи в археологическом изучении Подесенья были достигнуты в конце 30-х и в послевоенные годы в связи с организацией М. В. Воеводским Деснинской комплексной экспедиции. Начав с изучения палеолита, экспедиция вскоре перешла к исследованию древностей и других эпох, в частности железного века. Некоторые итоги их опубли-

¹ Самоквасов Д. Я. 1) Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; 2) Могилы Русской земли. М., 1908; 3) Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917.

² Еременко П. М. Раскопки курганов и городищ Новозыбковского уезда. — ЗРАО, 1896, т. 8, вып. 1, 2.

³ См.: Трубникова Н. В. К вопросу о Юхновском городище. — ТГИМ, 1938, вып. 8, с. 123—128.

⁴ Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, 1907, вып. 22, с. 38—90.

⁵ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 255.

⁶ Там же.

кованы,⁷ В одной из работ было предложено деление железного века в Подесенье на три этапа: юхновский (IV в. до н. э.—II в. н. э.), к которому принадлежат исключительно городища; ромёнский (VII—IX вв.), для которого кроме городищ обычны еще и селища; древнерусский, поселения которого состоят «из городища-детинца и большого неукрепленного посада». К дороменской стадии Воеводский предположительно отнес лишь два селища: Авдеевское на р. Сейме и у с. Пушкари в уроч. Майдан, отметив, что у керамики того и другого поселения есть «черты, переходные между юхновской и роменской» посудой.⁸ В 60-е гг. было выяснено, что ранний слой поселения у с. Авдеева относится к III—IV вв. и не имеет никакой связи, даже просто хронологической, ни с юхновской, ни с роменской культурами.⁹ Время и характер второго памятника остаются неуточненными.¹⁰

Отсутствие памятников второй и третьей четверти I тыс. не помешало М. В. Воеводскому сделать вывод о преемственности культурного развития в Подесенье начиная с середины I тыс. до н. э. и до монголо-татарского нашествия.¹¹ Нужно сказать, что в 40-е и 50-е гг. подобные высказывания не были чем-то исключительным. Так, в 1946 г. П. Н. Третьяков писал, «что бассейны Десны и Сейма являлись центром роменских племен. . . здесь они сложились в процессе автохтонного развития, отсюда они начали расширять свою территорию на юг».¹² Мнение о местной, юхновской подоснове роменской культуры, хотя и не получившее широкого признания, держалось в литературе долго, вплоть до 60-х гг.¹³

С середины 50-х гг. лагуна между юхновской и роменской культурами стала постепенно заполняться, правда, пока главным образом на Брянщине. Заслуга в этом принадлежит прежде всего местным археологам-краеоведам Ф. М. Заверняеву и В. А. Падину. В 1955—1957 гг. Заверняевым было обнаружено несколько памятников I—II вв. на р. Судости (правый приток Десны), в том числе Почепское селище, давшее впоследствии название новой культуре.¹⁴ На основе своих открытий он произвел классификацию селищ бассейна р. Судости, которая отличалась от предложенной М. В. Воеводским тем, что выделялся новый культурный этап, отечающий времени «зарубинецких памятников, т. е. первым векам новой зры».¹⁵ Почти одновременно с почепскими в Подесенье были обнаружены и памятники последующего периода. В верховьях Десны их обследовала Л. В. Артишевская,¹⁶ а несколько позже — Ф. М. Заверняев и Е. А. Шмидт.¹⁷ Однако в 50-е гг. памятники второй и третьей четверти

⁷ Воеводский М. В. 1) Результаты работ Деснинской экспедиции. — КСИИМК, 1947, вып. 19, с. 45, 46; 2) Важнейшие итоги Деснинской экспедиции. — КСИИМК, 1948, вып. 20, с. 37 ел.; 3) Городища Верхней Десны. — КСИИМК, 1949, вып. 24, с. 67—77.

⁸ Воеводский М. В. Городища. . . , с. 77.

⁹ Ашихова А. Е. Авдеевское селище и могильник. — МИА, 1963, № 108, с. 68-84.

¹⁰ Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — РВД, 1974, с. 40.

¹¹ Воеводский М. В. Результаты работ. . . , с. 45 ел.

¹² Третьяков П. Н. Восточнославянские племена в свете исследований последних лет. — КСИИМК, 1946, вып. 13, с. 39—44.

¹³ См.: Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и датировка). — СА, 1963, № 3, с. 79—91.

¹⁴ В литературе деснинская культура I—II вв. фигурирует под двумя неравнозначными названиями: «почепская» и «поздnezарубинецкая», что отражает расхождение при решении вопроса о ее происхождении (см.: Третьяков П. Н. Финно-угры. . . , с. 228).

¹⁵ Заверняев Ф. М. 1) Селища бассейна р. Судости. — СА, 1960, № 3, с. 180—194; 2) Почепское селище первых веков н. э. — СА, 1960, № 4, с. 178—185.

¹⁶ Артишевская Л. В. Разведка в верховьях Десны. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 84—89.

¹⁷ Шмидт Е. А., Заверняев Ф. М. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. — В кн.: Матер. по изуч. Смолен. обл. Смоленск, 1959, вып. 3, с. 186—219.

I тыс. оставались еще единичными. Сведения о них не были отчетливыми, к тому же, как показали работы И. И. Ляпушкина в 1956 г., они не всегда являлись и достоверными.¹⁸

В конце 50—начале 60-х гг. были произведены первые раскопки новых памятников. Л. В. Артишевская исследовала могильник середины I тыс. у д. Кветуни Брянской области,¹⁹ В. А. Падин — могильник VI—VII вв. близ д. Усох и находящееся там же, недалеко от г. Трубчевска, городище Макча.²⁰ Благодаря их работам, а также раскопкам А. К. Амброза селища Белокаменка на окраине г. Брянска²¹ впервые были получены достоверные данные о древностях III—VII вв. в Подесенье. Начиная с 1961 г. в течение нескольких лет изучением памятников I тыс. на Брянщине и Черниговщине занимался П. Н. Третьяков. Его исследования принесли наиболее ощутимые результаты.²² В 60—70-е гг. небольшие работы на памятниках середины и третьей четверти I тыс. велись также Е. А. Горюновым,²³ Э. А. Сымоновичем,²⁴ О. Н. Мельниковской,²⁵ Е. В. Максимовым.²⁶

Как справедливо отмечал П. Н. Третьяков, исследования 50—60-х гг., осуществленные в Подесенье, «следует рассматривать лишь как начало изучения здесь древностей второй и третьей четверти I тыс.»²⁷ Они не охватили всего Подесенья. Кроме того, это были в основном разведочные работы, неполно раскрывшие особенности отдельных памятников, их временные отличия. К тому же по отношению к бассейну Десны и хронологическим рамкам заполняющейся лакуны число раскопанных памятников не выглядит особенно большим.

Все это и предопределило появление в литературе противоречивых суждений о характере рассматриваемых памятников, их происхождении, отношении к синхронным культурам других регионов, этнической атрибуции. Изучение данных вопросов во многом осложняется и почти полным отсутствием каких-либо других, и прежде всего письменных, источников о второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье.

Специальная литература, посвященная данной проблематике, невелика. В широком культурно-хронологическом аспекте деснинские древности второй и третьей четверти I тыс. впервые были рассмотрены А. К. Амбросом. Он попытался установить «культурную стратиграфию» Верхнего Подесенья для периода с IV—III вв. до н. э. по конец I тыс. н. э. С начальным ее этапом связан, по Амбросу, юхновский слой исследовавшегося им Полужского городища. В последующих трех этапах, как он считает, нашла отражение инфильтрация в Подесенье «каких-то групп населения из Среднего и, возможно, из Верхнего Поднепровья», вследствие чего здесь складывается на юхновской основе новая культура —

¹⁸ Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. верхнего течения р. Десны. — КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 81—86.

¹⁹ Артишевская Л. В. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. — МИА, 1963, № 108, с. 85-96.

²⁰ Падин В. А. 1) Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. — СА, 1960, № 3, с. 317—319; 2) Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — СА, 1969, № 4, с. 208—218.

²¹ Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. — СА, 1964, № 1, с. 70, 71.

²² Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 40—118.

²³ Горюнов Е. А. 1) Селище Целиков Бугор на Средней Десне. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 42—46; 2) Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине. — РВД, 1974, с. 119 ел.; 3) Древности I тыс. нижнего течения р. Снова. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 68—72.

²⁴ Сымонович Э. А. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 64—68.

²⁵ Мельниковская О. Н. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме. — АО 1968 г., М., 1969, с. 58, 59.

²⁶ Максимов Е. В., Терпловский Р. В. Поселения середины I тыс. н. э. близ Чернигова. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. 3, с. 59—60.

²⁷ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 44.

«почепская». В ней «пришлые» зарубинецкие элементы постепенно становятся основными. Конечная ее дата — рубеж II—III вв., а III—IV вв., как полагал тогда Амброз, представляет лауну — к этому времени относятся лишь вещи с эмалью, находимые случайно. Более «верхнему Пласту» в его «стратиграфии» соответствуют памятники, датируемые со ссылкой на находки в Усохе и Хохловом Вире V—VIII вв. Они «подстилают» роменскую культуру конца I тыс.²⁸

Схема культурного развития в Верхнем Подесенье, предложенная А. К. Амброзом еще в самом начале 60-х гг., ныне во многом устарела. Особенно это касается послепочепского этапа, для которого теперь известны памятники времени выемчатых эмалей. Типологически они несколько отличаются от более ранних, почепских, сохраняя вместе с тем отдельные черты последних. Вызывает сомнения трактовка Амброзом некоторых материалов почепской поры, равно как и построенная на этом версия о юхновском происхождении деснинской культуры I—II вв. Дело в том, что Амброз опирался на исследования всего двух поселений, одно из которых к тому же имеет хорошо выраженный юхновский слой. Оба они долговременные, т. е. такие, где, как известно, почти не бывает «чистых» комплексов. Углубленные в землю постройки на поселении у с. Синькова, которые Амброз считал хозяйственными, ничем не отличаются от жилищ, обычных для почепской культуры.²⁹ Они характерны и для более позднего времени в Подесенье. Их отличительные признаки — опорный столб в центре пола, срубная конструкция стен. Отсутствие очагов в синьковских постройках ничего не доказывает, ведь в данном случае речь может идти об обычных для этого времени открытых очагах, не имевших ни каменной обкладки, ни глиняного пода, следы которых можно обнаружить далеко не всегда. Кроме того, если землянки Синькова служили для хозяйственной надобности, то непонятно, каким образом и почему изменилась их функция в III—IV вв. или даже раньше, ибо жилища на селищах I—II вв. (Почепском, в уроч. Колодезный Бугор и др.) совершенно тождественны им. Скорее всего они представляют собой жилища, не имеющие отношения к юхновскому слою Синькова с его большими наземными столбовыми домами.

Суждения А. К. Амброза о сущности изменений в культуре Подесенья на рубеже новой эры и в более позднее время не получили общего признания. Решительно выступил против них П. Н. Третьяков. Этногенетическая концепция, выдвинутая им, во многом построена на последних достижениях в археологии Подесенья. С аргументацией и конкретизацией ее связано несколько работ Третьякова. Согласно им, культура I—II вв. в Подесенье является прямым продолжением зарубинецкой культуры славян. Последние были потеснены сюда в I в. сарматами, а позднее готами. Древности второй и третьей четверти I тыс. в Подесенье отражают дальнейшее развитие зарубинецкой культуры. Славянские черты, как считал Третьяков, особенно выражены в керамике, имеющей всегда примесь ребчатых форм, обычных для славянских древностей из числа так называемых пеньковских в Потясминье, на Южном Буге и в Молдавии. Деснинские и памятники середины и третьей четверти I тыс. на юге Верхнего Поднепровья, по мнению Третьякова, отличны от более северных аналогов Тушемли и Банцеровщины, генетически увязывающихся с балтской культурой предшествующей поры.³⁰

Основные положения этой концепции были признаны, в литературе спорными. И. И. Ляпушкин, в частности, отмечал, что деснинские и дру-

²⁸ Амброз А. К. К истории. . . , с. 56—71.

²⁹ Ср.: Заверняев Ф. М. Почепское селище. — МИА, 1969, № 160, с. 92—110, 116.

³⁰ Третьяков П. Н. 1) Финно-угры. . . ; 2) О древностях середины и третьей четверти I тыс. в южных частях Верхнего Поднепровья. — СА, 1965, № 4, с. 63—77; 3) Восточные славяне и балтийский субстрат. — СЭ, 1967, № 4, с. 110—118.

гие древности, трактуемые П. Н. Третьяковым как переходные между зарубинецкой и славянской («пражской») культурами третьей четверти I тыс., аморфны, поскольку достаточно не изучены. Кроме того, указывал Ляпушкин, в Среднем Поднепровье реберчатая керамика ни разу не встречена на однослойных, достоверно славянских памятниках и поэтому не может использоваться для показа связей южной славянской и деснинской культур того же времени. С точки зрения Ляпушкина, славяне появляются в Верхнем Поднепровье не раньше VIII в.³¹

И. П. Русанова и В. В. Седов полагают, что особых отличий между группами памятников третьей четверти I тыс., выделяемыми П. Н. Третьяковым для Верхнего Поднепровья, не существует. Не согласны они с Третьяковым и в том, что северная реберчатая керамика имеет те же признаки, что и так называемая пеньковская, и то же происхождение.³² Согласно Седову, деснинские древности середины и третьей четверти I тыс., как и все другие, известные для этого времени в Верхнем Поднепровье и Подвинье, оставлены балтами. Некоторые локальные черты первых свидетельствуют о переживании зарубинецких традиций, наследуемых почепской культурой. Последняя образуется при смешении местных юхновских племен (восточных балтов) с пришлыми зарубинецкими (западными балтами). Почепская культура датирована Седовым I—IV вв. В утверждении о балтской принадлежности зарубинецкой культуры и вместе с тем ее позднего, деснинского варианта Седов основывается на некоторых положениях, остающихся спорными. Это касается, в частности, его довода о сложении зарубинецкой культуры только за счет пришлых элементов, принадлежащих частью поморской, частью подклошевой культурам Повисленья, которые, кстати сказать, в этническом отношении надежно не определяются. Еще менее обоснованным является мнение о генетической связи зарубинецкой культуры с памятниками мощинского типа.³³

Балтская атрибуция В. В. Седовым деснинских древностей третьей четверти I тыс. доказывается их отношением к культуре предшествующей, а также и последующей поры — большей близостью к ранней и существенными отличиями от поздней, бесспорно славянской. Об этом же свидетельствует, как он полагает, и совпадение ареала балтских гидронимов с ареалом культуры Тушемли—Колочина.

Как и концепция П. Н. Третьякова, этногенетические построения В. В. Седова подверглись критике, правда, может быть, не во всем вполне объективной. Возражения касались как общих заключений о роли балт-

³¹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 1968, № 152, с. 8, 9.

³² Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 52, 53; Русанова И. Л. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 143—150. — В более поздней работе при определении степени общности материальной культуры Верхнего Поднепровья И. П. Русанова еще раз обратилась к керамическому материалу, разработав на основе особой методики его «единую типологию» (см.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 56—72). Всего ею отмечено семь типов верхнеднепровской керамики третьей четверти I тыс. Проследивая распространение каждого типа, Русанова пришла к выводу о едином характере керамических комплексов юга и севера Верхнего Поднепровья и о невозможности выделения локальных групп. На наш взгляд, при рассмотрении керамического материала она упустила один важный момент. Дело в том, что характер и своеобразие его в каждом конкретном случае устанавливаются без учета количественного распределения форм посуды на памятниках. Но такой подход неизбежно ведет к затушевыванию различий между памятниками, и его никак нельзя признать правильным. Небесспорна и сама «единая типология», ибо она фактически ограничена крайне малой выборкой лишь целых сосудов, известных по публикациям, часть которых несомненно даже не имеет отношения к третьей четверти I тыс. и принадлежит к киевскому кругу древностей.

³³ Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарскими и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. — СА, 1974, № 1, с. 245 сл.; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 60.

ского субстрата в славянском этногенезе, времени заселения славянами Верхнего Поднепровья, так и отдельных положений, ставших исходными для них.³⁴

Точка зрения, не совпадающая с рассмотренными, была высказана Э. А. Сымоновичем.³⁵ По его мнению, все древности третьей четверти I тыс., известные в Поднепровье в пределах лесной зоны, как северные, так и южные, дают «типологически близкие формы посуды». При этом памятники типа Корчак представляют своего рода промежуточное звено, связывающее воедино несколько обособленных культур данного времени в Поднепровье. Все они (корчакского, тушемлинского и пеньковского типов) принадлежат одной этнической общности — славянам. Локальные же черты объясняются отличиями в подоснове указанных культур, а также в размещении последних в разных физико-географических зонах. Доводы, приведенные Сымоновичем, не являются достаточными. Различия между такими памятниками, как Колочин и Корчак I, даже если принять во внимание только керамику, более существенны, чем это ему представляется.³⁶ Очевидно и то, что вопрос об этнической атрибуции локальных культур Поднепровья не может решаться без учета их отношения к достоверно славянской культуре VIII—X вв. Пока же только для одной из данных культур, а именно корчакской, можно признать доказанным «выход» к культуре последующей поры.

Говоря о противоречиях, возникших при изучении культур I тыс. в Верхнем Поднепровье, нельзя обойти и выводы, к которым пришел немецкий археолог И. Вернер.³⁷ Подобно В. В. Седову, И. П. Русановой и др., он считает, что памятники, сменившие почепские и другие в Верхнем Поднепровье, принадлежат к одной культуре, но расходится с ними в ее датировке и этническом определении. Культуру Колочина—Тушемли исследователь отнес ко времени выемчатых эмалей — III—V вв. На VI—VII вв., по его мнению, приходится хиатус, ибо «датируемых материалов» этого периода здесь нет. «Обезлюдение» на Севере в VI—VII вв. происходит в связи с переселением местных племен, в которых он видит славян, на юг — сначала в Среднее Поднепровье, а оттуда на Нижний Дунай и Балканы. С продвижением славян к югу Вернер связывает появление пеньковской культуры в Среднем Поднепровье, а также одновременной ей культуры Ипотешть—Кындешть в Мунтении и Молдове.

Эта гипотеза неприемлема уже в главной своей посылке. Третья четверть I тыс. в Подесенье, как и во всем Верхнем Поднепровье, вопреки мнению И. Вернера, — не хиатус, поскольку указанным временем надежно датируется по вещам ряд открытых здесь памятников: могильник Усох, где встречены пальчатая фибула и пряжка VI—VII вв., поселения Хохлов Вир и Владимирское с находками трехперых наконечников стрел второй половины VI—VII в. и др.³⁸ Кроме того, положение о единстве развития разных культур Поднепровья не доказано анализом их компонентов, а принято априори. Наконец, спорным является и мнение Вернера о культуре Ипотешть—Кындешть как чисто славянской. Предполагают,

³⁴ Артамонов М. И. 1) Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Вопросы всеобщей истории. Л., 1967, с. 29 ел.; 2) Некоторые вопросы. . . , с. 245—254; Поболь Л. Д. О некоторых спорных вопросах истории племен железного века Белоруссии. (По поводу рецензии В. В. Седова), — Acta Baltico-Slavica, 1969, t. 9, p. 269 sq.; Третьяков П. Н. У истоков. . . , с. 52—60; Сымонович Э. А. О связях степных и лесостепных раннеердневековых культур Поднепровья. — СА, 1966, № 3, с. 50, 51.

³⁵ Сымонович Э. А. О связях. . . , с. 39 сл.

³⁶ Русанова И. П. О керамике. . . , с. 148.

³⁷ Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов. — СА, 1972, № 4, с. 102—115.

³⁸ Падин В. А. 1) Раннеславянские поселения и могильник. . . , с. 317 ел.; 2) Древности VI—VII вв. н. а. в окрестностях Трубчевска. — РВД, 1974, с. 132—135, рис. 2, б.

что она была смешанной и на раннем этапе больше связанной с автохтонным дако-романским населением.³⁹

Признанием того, что «деснинские темь» пока во многом не разработаны, видимо, будет самым уместным закончить данный обзор. Особенно велики расхождения в этнических определениях и понимании хода и сущности этнокультурного развития, проходившего в Подесенье и во всем Верхнем Поднепровье в I тыс. Основная причина разногласий, как уже говорилось, заключается в отрывочности сведений о памятниках I тыс. в Подесенье. Положение с этим заметно выправилось лишь в самые последние годы, и здесь надо отдать должное П. Н. Третьякову. Собственно, благодаря широкому охвату исследований, выполненных им, и стала возможной настоящая работа, хотя она посвящена не только деснинским, но и более южным памятникам иного круга.

Топография, характер поселений

Ныне в Подесенье насчитывается свыше 60 памятников второй и третьей четверти I тыс. (рис. 1). Собранные сведения о распространении их далеко не исчерпывающие, ибо проводившиеся обследования были выборочными: охватили главным образом поречье Средней и Верхней Десны, причем преимущественно правый берег и лишь отдельные притоки. Больше всего памятников открыто в окрестностях г. Новгорода-Северского, а также на Десне между Брянском и Трубчевском, т. е. в местах многолетних работ П. Н. Третьякова и В. А. Падина. В нижнем течении Десны памятники указанного времени известны в основном по исследованиям Е. В. Максимова и Р. В. Терпиловского.⁴⁰

Для второй и третьей четверти I тыс. в Подесенье характерны небольшие неукрепленные поселения (селища) и бескурганые могильники с погребениями, совершенными по обряду кремации, урновыми и безурновыми. Поселения, как правило, расположены в припойменных местах: на низких мысах и склонах первых террас, иногда на дюнах в пределах пойм. Оборонительные укрепления — рвы, валы — на однослойных памятниках III—VII вв. пока не обнаружены, не считая, может быть, поселения у д. Тихая Пристань на Брянщине. На другом городище в верховьях Десны — Владимирском, где открыты слои разных культур (не только VI—VII вв.), — также не произведено работ, позволивших выяснить время сооружения вала.⁴¹ Считается, что укрепления имелись на селище Макча, но не сохранились.⁴² Однако и это поселение не однослойное. К тому же, как отмечает П. Н. Третьяков, на нем встречены «остатки жилищ-землянок, таких же, какие обычны для неукрепленных поселений».⁴³ У городищ-убежищ, известных на соседней Смоленщине, есть кольцевой вал, вдоль которого располагаются наземные постройки столбовой конструкции, примыкающие одна к другой. Середина их не застраивалась. С напольной стороны поселения нередко обнесены еще тремя-четырьмя рядами валов и рвов. Типичными для смоленских городищ являются круглые святилища.⁴⁴ Подобные по устройству городища открыты и в Белоруссии, а также в Припятском Полесье,⁴⁵ причем некоторые из них, например

³⁹ Kurnatowska Z. Die «Slaveni» im Lichte der archaologischen Quellen, — AP, 1974, t. 15, p. 55, 56.

⁴⁰ Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселение середины I тыс. . . с. 59, 60; Горюнов Е. А. Древности I тыс. . . с. 68—72.

⁴¹ Артишевская Л. В. Разведка. . . с. 84, 88, 89.

⁴² Падин В. А. Раскопки поселения. . . с. 208 сл.

⁴³ Третьяков П. Н. Древности. . . с. 51.

⁴⁴ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

⁴⁵ Сымонович 9. А. Городище Колонии I на Гомельщине. — МИА, 1963, № 108, с. 97—137; Русанова И. Л. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. E-32, с. 9.

Колочин I, относятся к культуре, бесспорно родственной деснинской середины I тыс.

Поселения нередко располагаются довольно кучно, образуя как бы гнезда. Число находящихся недалеко друг от друга селищ бывает различным, иногда шесть—восемь. Так, на р. Смячи только в нижнем ее течении известно шесть селищ, датируемых второй и третьей четвертью I тыс., на другом небольшом притоке Десны — р. Малотечке — восемь, в низовьях р. Снова находится «гнездо» из пяти, если не больше, селищ. Расстояние между селищами от 200—300 м до 3 км. На Малотечке некоторые из них разделены лишь узкой поймой.

«Гнезда» из нескольких близких друг другу по времени селищ характерны не только для Подесенья. Их образуют и славянские селища VI—VII вв., обнаруженные И. П. Русановой на Житомирщине, И. А. Рафаловичем в Молдавии, В. Д. Бараном в Верхнем Поднестровье и Западной Вольни.⁴⁶

Существует мнение, что такое расположение поселений обусловлено социально-экономическими причинами. П. Н. Третьяков видел их в переходе от родовых связей к территориальным. Исходя из топографии и размеров деснинских селищ, он полагал, что каждое из них представляет собой хозяйственный двор одной или двух патриархальных общин, ведущих нераздельное хозяйство. Несколько же дворов представляло собой село того времени, принадлежавшее «складывающейся территориальной общине».⁴⁷

С мнением П. Н. Третьякова о структуре поселений III—VII вв. в Подесенья можно было бы согласиться, если бы оно опиралось на конкретные примеры, а также на достаточно точные датировки, из которых следовало бы, что те или другие «гнезда» состоят именно из одновременных селищ. Между тем деснинские памятники, как правило, датированы им суммарно — второй или третьей четвертью I тыс. Действительные же их даты несомненно много уже. Они лишь колеблются в названных пределах, не всегда совпадая друг с другом. Это хорошо видно из отличий в типологии встречаемой керамики (см. с. 20, рис. 4). Кроме того, та структура поселений, которая предполагалась Третьяковым, скорее может быть объяснена преобладанием не родовых или переходных связей, а территориальных, возникающих, как известно, при действии вполне определенных факторов, таких как развитие плужного земледелия и ремесел, зарождение товарного производства и т. п. Но этого уровня социально-экономического развития деснинское население в третьей четверти I тыс., не говоря уже о более раннем времени, явно не достигло, в чем, собственно, был убежден и сам Третьяков.

Появление «гнезд», состоящих из поселений, несколько различных во времени, скорее всего связано с непрочной оседлостью, обусловленной экстенсивным ведением хозяйства, и прежде всего широким применением подсечного земледелия, полностью отвечавшего природной среде Подесенья. Известно, что именно эта форма земледелия господствовала в течение I тыс. в лесной зоне Восточной Европы. Она не потеряла своего значения и позже, когда прочно утвердилось пашенное земледелие.⁴⁸ Последнее, как отмечал В. П. Петров, не смогло окончательно вытеснить подсечное, продолжавшее существовать как в переходных формах подсечно-пашенного, так и архаичного беспашенного вплоть до конца XIX—на-

⁴⁶ Русанова И. П. Славянские древности. . . , с. 9; Рафалович И. Л. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 6; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 13 сл.

⁴⁷ Третьяков П. Н. 1) Древности. . . , с. 54, 55; 2) Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тыс. н. э. — СА, 1974, № 2, с. 81 сл.

⁴⁸ Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — ИГАИМК, 1932, т. 14, вып. 7, с. 1—39; Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968, с. 7 сл.

чала XX в.⁴⁹ Каким было земледелие в дороменскую пору в Подесенье, показывает и открытие подсечного поля в пойме Десны под Трубчевском вблизи селища, датированного серединой I тыс.

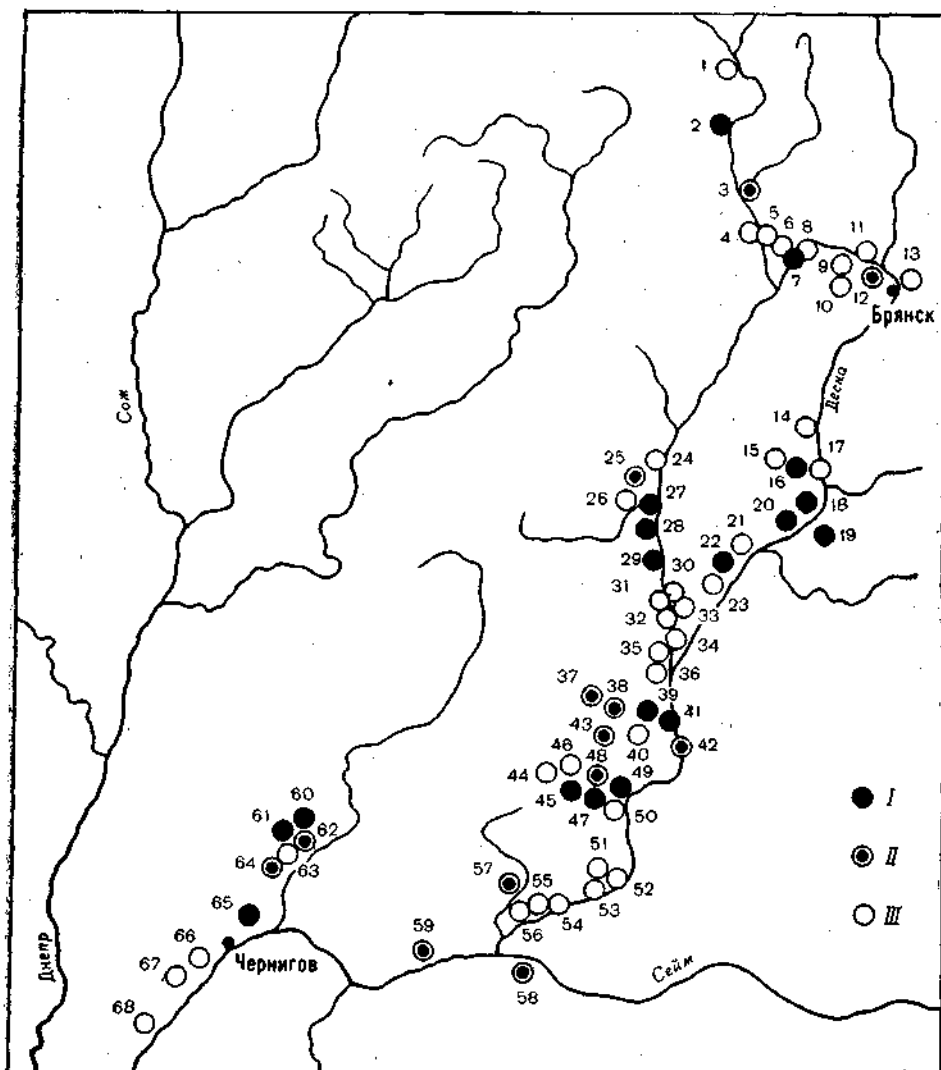

Рис. 1. Размещение памятников III—первой половины VIII в. в поречье Десны.

I — памятники III—начала V в.; II — памятники третьей четверти I тыс. н. э.; III — памятники, требующие хронологического уточнения. 1 — Тихая Пристань; 2 — Владимировна; 3 — Жуковка; 4, 5 — Речица; 6 — Чернетово—Бетово; 7 — Смольянь; 8 — Большевик; 9—11 — Хотылево; 12 — Голяше; 13 — Белокаменка; 14 — Уручье—Рясное; 15 — Уты; 16 — Мансурово; 17 — Ивановское; 18 — Усох; 19 — Хохлов Вир; 20 — Макча; 21 — Прорва; 22 — Кветунь; 23 — Витимля; 24 — Юдиново; 25, 26 — Телящевка; 27 — Посудичи; 28 — Яковлевичи; 29 — Суворово; 30 — Марковск; 31 — Сопачи; 32—34 — Гремяч; 35 — Камень; 36 — Пушкари; 37 — Смяч; 38 — Смяч—Мамекин; 39 — Лесконоги; 40 — Колодезный Бугор; 41 — Целиков Бугор; 42 — Бирин; 43 — Форостовичи; 44 — Стахорщина; 45 — Заярье; 45А — хут. Самоквасова; 47 — Левкин Бугор; 48 — Лавриков Лес; 49 — Стрелица; 50 — восточная окраина с. Кудлаевка; 51 — Черешенки; 52, 53 — Вишенки; 54, 55 — Конятин; 56 — Спасское; 57 — Киреевка; 58 — Долинское; 59 — Максаки; 60 — Ровчак; 61, 62 — Макишин; 63 — Седнев; 64 — Клочков; 65 — Ульяновка; 66 — Шестовица; 67 — Слабино; 68 — Моровск.

Подсечное хозяйство всегда вело к непрочной оседлости. С ним связано и долгое сохранение таких пережиточных явлений, как большая патриархальная семья. В условиях подсечного земледелия обычной формой

⁴⁹ Петров В. Л. Подсечное земледелие, с. 13.

поселения в XVIII—XIX вв. являлся починок с малым числом домов.⁶⁰ Деснинские поселения второй и третьей четверти I тыс. по общему характеру стоят близко к нему. Они небольшие. Занимая мысы и склоны, ограниченные оврагами, поселения приобретают естественные границы, которые непереступают. Площадь их обычно не превышает 0.4—0.5 га. Культурный слой не бывает сколько-нибудь значительным. Его толщина лишь в редких случаях больше 0.2—0.3 м. Чаще же он выражен лишь в местах жилищ, тогда как на остальной площади селищ едва заметен или даже полностью отсутствует. Там, где ведется пахота и нет прочного дернового покрова, культурные наслоения переотложены и занимают лишь узкую полосу вдоль нижнего края склонов, а нередко и совсем не сохраняются. Они бедны находками. Как правило, это почти исключительно обломки керамики, встречаемые вокруг жилищ и в их заполнении. Поселения, конечно, не принадлежат к числу долговременных. В пользу этого говорит и свободное расположение на них жилищ и хозяйственных сооружений. Ни на одном из исследованных памятников не обнаружены нарушенные одно другим жилища. Для долговременных же поселений такие случаи типичны, примером чего являются роменские городища в том же Днепровском Левобережье.⁶¹

Поселения рассматриваемой поры в Подесенье полностью не раскапывались. Все же, учитывая их небольшие размеры, можно с уверенностью сказать, что число жилищ на них было близким к шести—восемью. Для поселений, вскрытых широко, это подтверждается соотношением общей их площади и раскопанной.

Вывод о неполной оседлости в Подесенье в III—VII вв. находит подтверждение и в раскопках тех, пока единичных могильников указанного времени, которые здесь известны. Лучшее сохранившийся — Усохский — представлен всего 18 погребениями.⁵² Конечно, было бы неверным не учитывать того, что все открытые могильники оказались сильно разрушенными. Однако в действительности они, как показывают полевые наблюдения, не были крупными, что делает более вероятным узкий временной интервал между «нижними» и «верхними» захоронениями.

Деснинские поселения III—VII вв. по топографии, размерам и характеру культурного слоя близко напоминают достоверные памятники славян VI—VII вв. в междуречье Днепра и Западного Буга, равно как и более южные того же времени, именуемые пеньковскими. Первые, корчакские, согласно И. П. Русановой, «почти не имеют культурного слоя — его мощность 20 см», и он беден находками. Размеры поселений: «100—200 м в длину при 30—60 м в ширину».⁵³ Пеньковские поселения идентичны им. Как пишет Д. Т. Березовец, они по существу лишены культурного слоя. На каждом «одновременно существовало по 3—6 жилищ. . . Поселения не только малолюдны, но и очень недолговечны».⁵⁴

Указывая на те же черты поселений VI—VII вв. в Молдавии, И. А. Рафалович полагал, что они связаны «с интенсивным продвижением славян к Дунаю и на Балканы».⁵⁶ Однако исследователь не учитывал того, что особенности поселений третьей четверти I тыс., на которых он основывается, характерны не только для Молдавии, но и для других территорий, причем и таких, как Подесенье, намного удаленных от нее. Скорее всего причина недолговечности поселений трех смежных культур — пеньковской, корчакской и «северной» — заключается прежде всего в близости уровней социально-экономического развития племен, оставивших их,

⁵⁰ Там же, с. 13—17, 208.

⁵¹ Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—IX вв. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 3-13.

⁵² Падин В. А. Древности VI—VII вв. . . , с. 132—135.

⁵³ Русанова И. П. Славянские древности. . . , с. 8.

⁵⁴ Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, 1963, №108, с. 187 сл.

⁵⁵ Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. . . , с. 7.

в единственно возможном в то время экстенсивном характере хозяйства. Конкретные же формы последнего, очевидно, не были повсеместно одинаковыми, находясь в зависимости от тех или иных природных условий, культурных влияний, традиций и пр.

О связи характера поселений ранних славян с родом занятий, а не продвижением на юг убеждает и сообщение Прокопия, согласно которому "живут они (славяне и анты. — *Е.Г.*) в жалких жилищах на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства".⁵⁶ Конечно, это свидетельство, касаясь прежде всего южных групп славян, обосновавшихся в Подунавье, мало что доказывает в отношении населения Верхнего Поднепровья. И все же тот факт, что оно вполне согласуется со всем, что известно о поселениях VI—VII вв. в Поднепровье, как бесспорно славянских, так и этнически надежно не определяемых, не может быть случайным.

Керамика, хронология

Хронологический аспект в археологическом изучении всегда был и будет одним из основных, поскольку именно он ведет к правильному пониманию исторического процесса, когда бы и где бы он ни проходил. Что касается деснинских древностей второй и третьей четверти I тыс., то их хронология, как относительная, так и абсолютная, по существу не разрабатывалась. Предлагаемые датировки, особенно для памятников, на которых не найдены определяющие вещи, суммарны и не имеют достаточной аргументации. Они строятся на самых общих типологических признаках встречаемой посуды, кстати сказать, еще никем четко не классифицированной даже на отдельных памятниках. Вследствие широких датировок древности, не отличающиеся единообразием, нередко оказываются принадлежащими к одному времени.

По В. В. Седову, древности дороманского времени в Верхнем Поднепровье делятся на две хронологические группы: почепскую I—IV вв. и «балтскую» третьей четверти I тыс.⁵⁷ И. П. Русанова, выделяя для Поднепровья локальные группы памятников и относя к одной из них (тушемлинской) ряд деснинских селищ, датирует ее опять же суммарно третьей четвертью I тыс.⁵⁸ И. Вернер склоняется к тому, что «датируемый материал VI—VII вв.» в Верхнем Поднепровье отсутствует. Это, по его мнению, нашло бы свое объяснение в том случае, если признать обезлюдение данной территории начиная с примерно 500 г.⁵⁹ И. И. Ляпушкин относил деснинские древности послепочепской поры к IV —(VII)VIII вв., полагая, что точнее их время пока не может быть определено.⁶⁰ Датировки, предложенные П. Н. Третьяковым, также зачастую очень условны.⁶¹

Трудности, возникшие при разработке хронологии, во многом связаны с тем, что исследовались главным образом поселения, для которых, как выяснилось, характерны небольшие размеры и бедный находками культурный слой. Кроме керамики встречаются только ножи, шилья и очень редко украшения и другие вещи, имеющие более или менее узкие даты. Аналогом деснинских селищ в этом отношении являются раннеславянские памятники корчакского типа, при датировке которых основными стали типологические отличия найденной в них керамики. Лишь поздние комплексы (VIII—X вв.) И. П. Русанова датирует по некоторым вещам.⁶²

⁵⁶ *Прокопий из Кесарии*. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 297.

⁵⁷ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 42—53.

⁵⁸ *Русанова И. П.* О керамике. . . , с. 143, 150.

⁵⁹ *Вернер И.* К происхождению. . . , с. 113.

⁶⁰ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы. . . , с. 8, 9.

⁶¹ *Третьяков П. Н.* Древности. . . , с. 46—48.

⁶² *Русанова И. П.* Славянские древности. . . , с. 17—22.

Общие хронологические рамки рассматриваемых древностей соответствуют III—середине VIII в. Нижняя их граница в известной мере определяется датировкой, принятой для почепских памятников. Согласно А. К. Амброзу, последние доживают до конца II в. и не переходят в III в. «Или в это время (III в. — Е. Г.) изменяется культура, — пишет он, — или же их существование прекращается по неизвестной нам причине».⁶³ Хронология почепских древностей устанавливается Амброзом по находкам фибул позднелатенской схемы со сплошным пластинчатым приемником, исходными формами которых не без основания считаются «воинские» и проволочные одночастные подвязные фибулы. В почепском слое Синьковского поселения найдена глазчатая фибула основной серии I—II вв.⁶⁴

Следует сказать, что иногда в литературе в качестве основного критерия почепской или послепочепской атрибуции памятников выступает лишь датировка. Но поскольку речь идет о древностях, типологически близких друг другу, их разграничение, видимо, должно строиться на другой, более надежной основе, и прежде всего на сравнительном анализе определяющих компонентов.

На смену памятникам третьей четверти I тыс. в Подесенье приходит роменская культура, для которой принята та же датировка, что и для соседней салтовской, хронологически лучше определяемой, с которой, судя по ряду признаков, она находилась в контакте.⁶⁵ Хронология последней недавно была уточнена С. А. Плетневой. Наиболее ранние комплексы этой культуры, по ее мнению, не идут глубже середины VIII в.⁶⁶ Если это так, то нет видимых оснований считать нижней датой роменской культуры время более раннее, чем середина VIII в. Правда, существует предположение, впервые высказанное Д. Т. Березовцом, что роменская культура вырастает на основе древностей так называемого волынцевского типа, представляющих самостоятельный, более ранний этап славянской культуры VI (VII)—VIII вв.⁶⁷ Однако этой точке зрения противостоит другая, развернутая в работах И. И. Ляпушкина, который, как нам кажется, стоит ближе к истине, особенно в хронологических определениях.⁶⁸

Итак, общая длина шкалы хронологии древностей, именуемых по-разному: послепочепскими или дороменскими, скорее всего соответствует времени между началом III и серединой VIII в. Соотношение памятников ограниченных этими датами, может быть установлено из сравнительного анализа комплексов керамики. Возможности такого изучения для решения подобной задачи раскрыты И. П. Русановой на материалах поселений корчакского типа. Правда, она оперирует отдельными полными комплексами (Корчак I, VII и IX), которые содержат большое число сосудов, дающих весь профиль.⁶⁹ Для деснинских памятников, исследованных хуже, классификация керамики по формам, дальнейшие подсчеты, корреляция не могут не быть более условными.

Анализ целесообразнее начать с общей характеристики керамики. Вся она сделана от руки, в ленточной технике, из плохо промешанной глины с примесью шамота, песка и лишь изредка дресвы. Зерна отошачивающей примеси — от едва различимых до крупных (3—4 мм). Ширина лент 3—5 см. Поверхность керамики бугристая и шероховатая, со следами небрежного сглаживания, намного реже она гладкая. Подлощенной керамики крайне

⁶³ Амброз А. К. К истории. . . , с. 70.

⁶⁴ Там же, рис. 7, 15.

⁶⁵ Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. — СА, 1947, т. 11, с. 121—136.

⁶⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 135—143.

⁶⁷ Березовець Д. Т. 1) Дослідження на території Путивльського району Сумської області. — АП, 1952, т. 3, с. 242—250; 2) Северяне. Автореф. канд. дис. М., 1969, с. 6—18.

⁶⁸ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. — СА, 1959, т. 29—30, с. 58—83.

⁶⁹ Русанова И. П. Славянские древности. . . , с. 17—22.

мало. Цвет в изломах различный: от серого до коричневатого. Нередки двух- и трехцветные изломы. Последние свойственны толстым днищам. В целом же керамика обожжена хорошо. Венчики ровные по толщине или несколько утончаются к краю, который бывает как скругленным, так и срезанным. Толщина стенок от 0.4 до 1.5 см. Днища плоские, с закраиной и без нее. Встречаются следы различных подсыпок, обычно шамота или песка. Иногда днища имеют снаружи плоские кольцевые утолщения, связанные, очевидно, с оформлением их края. Орнамента на керамике почти

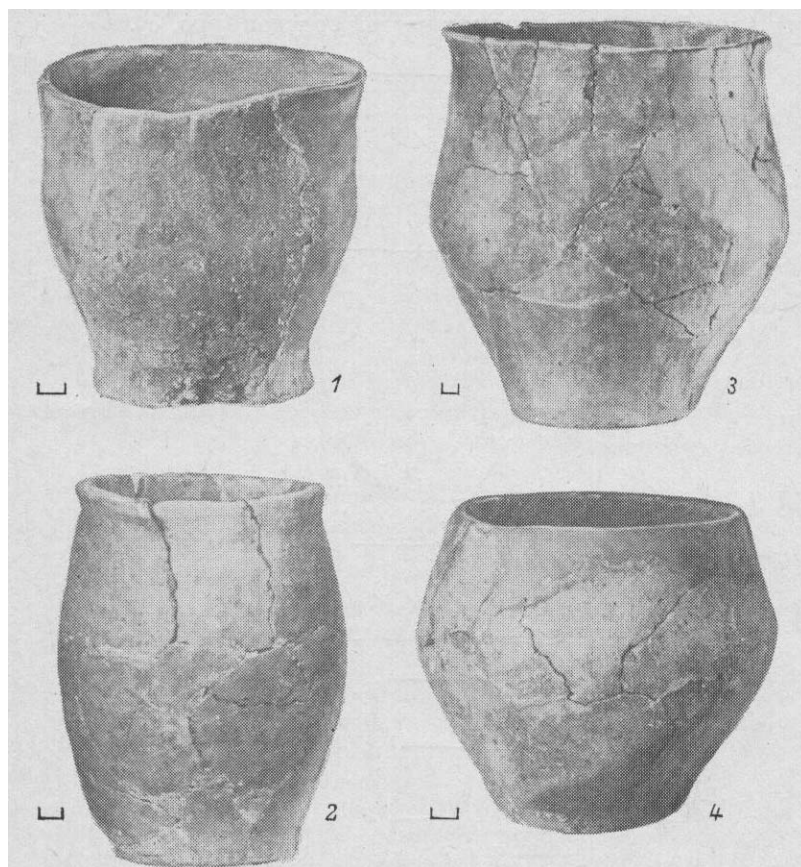

Рис. 2. Лепные сосуды.

1 — Чудатово (I—II вв. н. о.); 2 — Лавриков Лес; 3 — Колодезный Бугор (жил. 1); 4 — Целиков Бугор (жил. 2).

нет. Лишь единичные венчики отдельных комплексов украшены по краю насечками или редкими округлыми ямками. В двух случаях обнаружен продолговатый налеп (Заярье, Ровчак), в одном — налепной валик, покрытый насечками (Ровчак). В зависимости от назначения сосудов колеблются их размеры. Особенно крупные, с диаметром горла более 30 см, возможно, являлись зерновиками. Постоянно встречаются и миниатюрные сосудики тех же форм, что и массовая кухонная посуда. Вероятно, это были детские игрушки. Основные формы представлены корчагами, горшками, сковородками с низким бортиком и так называемыми дисками, служившими, видимо, крышками. Миски всегда единичны.

Используемые для сравнения формы сосудов выделены при классификации керамики девяти поселений. Семь из них находятся в среднем течении Десны в районе Новгорода-Северского и Сосницы: Лавриков Лес, Стрелица, Заярье на р. Малотечке, вблизи Дехтяревки и Кудлаевки, Фостровичи на р. Роме, Целиков Бугор в устье р. Смячи, Вишенки и, нако-

нец, Киреевка на р. Убеди под Сосницей. Два других — Посудичи в среднем течении р. Судости и Смольянь на правом берегу Десны, около г. Брянска. Поселения, о которых идет речь, исследовались в 1962—1970 гг. Деснинским отрядом Института археологии АН СССР, которым руководил П. Н. Третьяков.

Всего можно назвать девять видов сосудов, каждый из которых дает серии хотя бы в одном из комплексов и найден по меньшей мере на двух памятниках. Некоторые виды имеют варианты. В связи с тем что полные формы единичны (рис. 2), за критерий деления керамики взяты в основном различия в профилировке верхних частей сосудов (рис. 3).

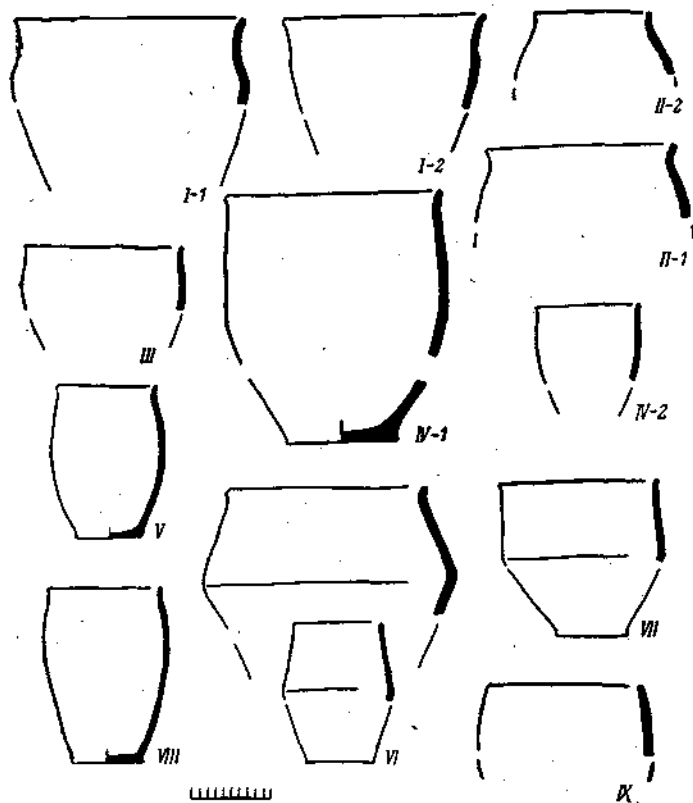

Рис. 3. Виды и варианты лепной керамики деснинских памятников III—VII вв.

Римские цифры — вид; арабские — варианты.

Вид I — раскрытые сосуды с высокой шейкой. Венчик слабо отогнут наружу, его край скруглен или срезан. Форма тулова коническая. По характеру верхней части сосуды этого вида распадаются на два основных варианта. К первому относятся сосуды с пологими, скругленными плечиками, ко второму — более раскрытые сосуды с угловатым изгибом плечиков. Сосуды I вида нередко имеют большие размеры (диаметр горла до 30—40 см).

Вид II — выпуклобокие горшки, суженные к горлу, с наибольшим расширением в средней части. Для этого вида также выделяются два варианта. Первый — сосуды с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком и низкой шейкой. Край венчика скруглен, иногда украшен косыми насечками. Диаметр венчика колеблется в пределах от 16 до 25 см, но чаще не превышает 20 см. Второй вариант составляют горшки с более суженным горлом. Венчики короткие, вертикальные или чуть скошенные наружу,

с уплощенным или скругленным краем. Размеры те же, что и у сосудов первого варианта.

Вид III — широко раскрытые горшки с едва намеченной шейкой и хорошо выраженными плечиками, имеющими плавный изгиб. Венчик короткий, слегка отогнутый наружу, со скругленным или срезанным краем, иногда покрытым косыми насечками. Диаметр горла от 14 до 24 см.

Вид IV — сосуды с широким, нечетко выделенным горлом и выпуклыми боками (тюльпановидные). Они делятся на два варианта: крупные толстостенные сосуды с несколько суженной верхней частью диаметром от 26 до 40 см; небольшие горшки с раскрытым, едва суженным горлом, которые отличаются более вытянутыми пропорциями. У сосудов второго варианта выражена шейка. Наибольший диаметр, как правило, приходится на верхнюю треть высоты, тогда как у сосудов первого варианта — на ее середину. Соотношение между ним и высотой примерно 1 : 1.5. Диаметр венчика от 12—14 до 20—22 см.

Вид V — горшки баночной формы, максимальный диаметр которых в полтора-два раза меньше высоты и приходится на ее середину, а диаметры горла и дна равны или почти равны друг другу. Диаметр горла 12—16 см.

Вид VI — сосуды с биконическим туловом, имеющие самые разные размеры. Ребро, как правило, находится на середине высоты. Его образует резкий (реже — плавный) изгиб стенок. Венчики прямые, невыделенные или короткие, отогнутые наружу, диаметром от 14—16 до 35—40 см.

Вид VII — горшки цилиндрико-конической формы. Изгиб стенок находится в средней части, имеет обычно вид хорошо выраженного ребра. Венчики прямые, невыделенные или короткие, отогнутые наружу, диаметром от 14—16 до 25—30 см.

Вид VIII — небольшие горшки вытянутых пропорций, с коротким вертикальным или слабо отогнутым наружу венчиком и пологими плечиками. Максимальный диаметр приходится на верхнюю треть сосудов. Диаметр венчика 12—16 см.

Вид IX — горшки баночной формы с загнутым внутрь краем, невыраженным венчиком. Диаметр венчика 16—22 см.⁷⁰

Из приведенной нами таблицы (рис. 4) видно, что сосуды VII—IX видов связываются только с теми комплексами, которым почти или совсем несвойственны сосуды I и III видов, а также первого варианта II вида. Последние представлены главным образом на трех памятниках: Лавриков Лес, Киреевка и Форостовичи. На тех же памятниках, а также на селище Вишенки многочисленны сосуды первого варианта IV вида, тогда как на всех других они единичны. Здесь преимущество получили иные формы: в Целиковом Бугре и Смольяни — сосуды второго варианта IV вида, а также сосуды VII вида; в Заярье — сосуды VI и VII видов и, кроме того, второго варианта II вида. Эти формы не являются ведущими в Лавриковом Лесе, Киреевке и Форостовичах. Таким образом, коррелирование позволяет разделить анализируемые древности на две группы. В первую входят Лавриков Лес, Киреевка и Форостовичи, во вторую — остальные памятники, за исключением селища Вишенки, где отчетливо выделяется лишь один вид сосудов — четвертый, в двух своих вариантах. Между группами нет резкого различия, ибо имеется ряд форм, которые присущи, хотя и в неодинаковой степени, той или другой. Это позволяет говорить о единстве развития обеих групп.

Различия между группами касаются не только выделенных видов, но и других признаков керамики: размеров сосудов, форм днищ и т. д. Так,

⁷⁰ Кроме перечисленных видов могут быть выделены и другие, но лишь как индивидуальные, поскольку представлены единичными венчиками в одном или двух, но не больше, комплексах. С данным аспектом анализа керамики они не связаны и поэтому не рассматриваются. Характеристика сковородок, «дисков» и мисок содержится в работе П. Н. Третьякова; на ее иллюстрациях — образцы наиболее выразительной керамики (см.: Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 63—68).

крупные сосуды с диаметром горла более 24 см, днищ — 13—16 см преобладают только в комплексах первой группы: на селищах Лавриков Лес и Киреевка. В Форостовичах они также многочисленны, хотя и не составляют относительного большинства, как, впрочем, и сосуды меньших размеров. Второй группе более свойственны сосуды средних размеров с диаметром горла 15—19 или 20—24 см, днищ — 9—12 см. Статистический анализ форм также показывает различия между группами. Если в первой численный перевес получили днища без характерного выступа по краю, то в комплексах второй группы всегда больше днищ с закраиной. Следы подсыпки шамота и, реже, песка обычны для посуды обеих групп, но, в комплексах

Район	Памятники	Виды и варианты керамики											
		I-1	II-1	III	IV-1	II-2	V	VI	IV-2	I-2	VII	VIII	IX
Сред. Десна	Лавриков Лес	•••••	•••••		•••••	••	•••••	••	•••••				
	Киреевка		•••••		•••••		•	••	•••••				
	Форостовичи	•	••	•••••	•••••	•••••	•	••	••	•••••			
	Вишенки				•••••					••			
	Целиков бугор (жил.1)				••		••	•••	•••••	•	•••••	•	••
	Заярье				••	•••••	•••	•••••	•••••	•••••	•	•••••	•••••
	Стрелица (жил.2)				•	•			•••••		•••••	•••	
Верх. Десна	Посудичи			••	•••••	••	•••••	••		•	•••••		
	Смоляно				••	••	•••••	•••••	•••••	•	•••••		•••••

Рис. 4. Распределение видов и вариантов сосудов на деснинских памятниках.

первой они встречаются примерно в два раза чаще. Толщина днищ в последних в большинстве случаев равна или несколько меньше толщины стенок сосудов. В керамике второй группы основную часть составляют массивные днища, имеющие большую, чем стенки, толщину. Далее, у сосудов обеих групп внутренний переход от днища к стенкам нередко бывает угловатым, резким, но для комплексов первой группы он отмечается несколько чаще. Наконец, для керамики первой группы типичны короткие, чуть отогнутые венчики с утонченным краем. В комплексах второй группы почти у одной трети сосудов горло не выделено и имеет ровный по толщине венчик.

Таким образом, как совстречаемость форм, так и статистический анализ некоторых признаков керамики позволяют говорить о двух группах деснинских памятников послепочепской поры (рис. 5).

Более ранней из выделяемых групп памятников является первая. Абсолютная датировка ее устанавливается по находке в одном из жилищ поселения Лавриков Лес Т-образной подвязной фибулы (рис. 13, 13). Дата фибулы — вторая половина III—IV в.⁷¹ Из Киреевки происходит обломок такой же фибулы. На селище Лавриков Лес, кроме того, встречена железная булава с кольцевидной головкой, а в Киреевке — посоховидная булава. Они аналогичны булавам прибалтийских древностей III—IV вв.⁷² На тех же селищах найдены архаического вида ножи с гор-

⁷¹ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 46, 47, 108, рис. 23, 11.

⁷² Шноре Э., Циммерман И. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). — In: Pronksiajast varase feodalismi. Tallin, 1966, s. 179.

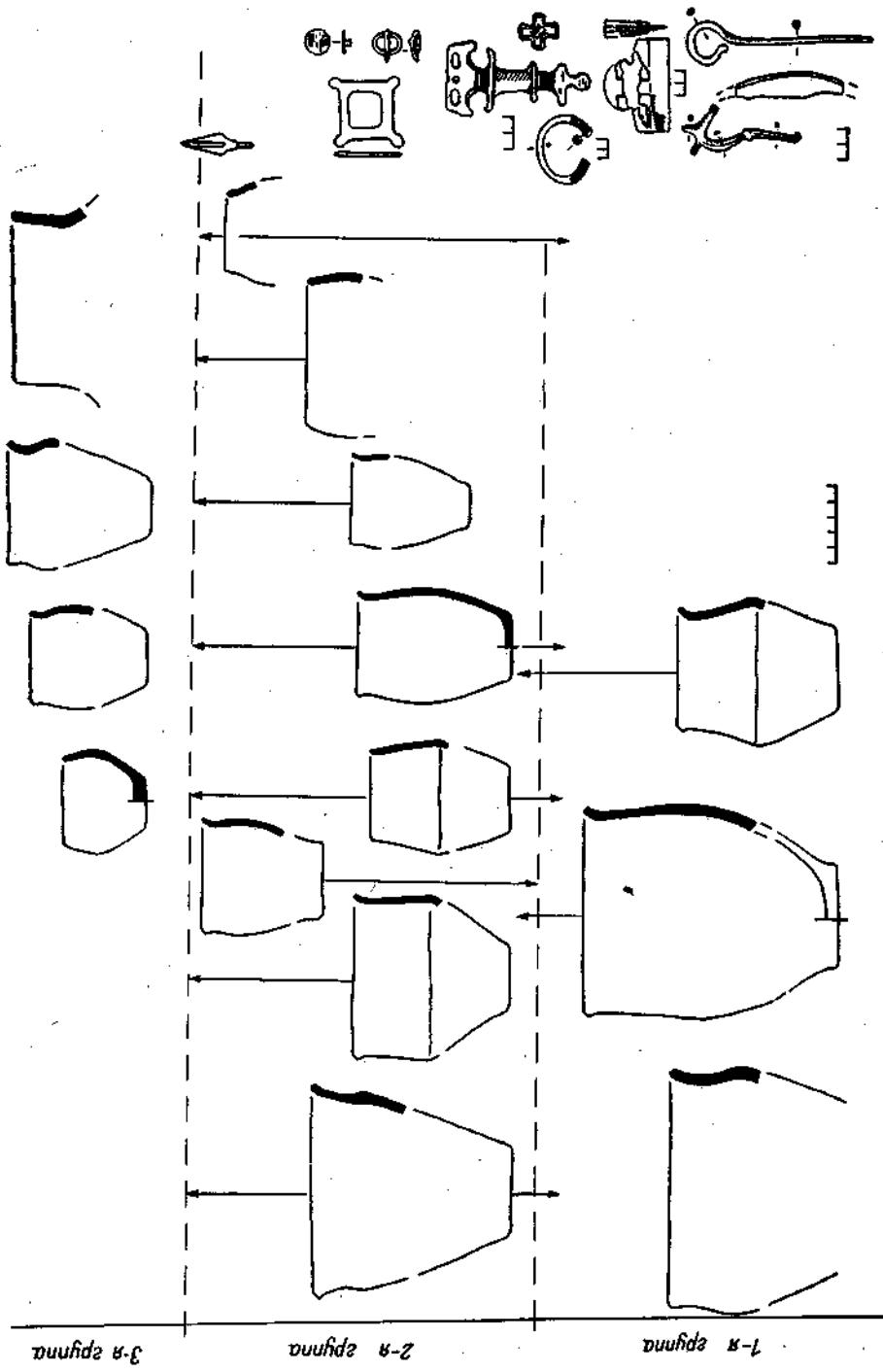

Рис. 5. Схема развития деснинской легкой керамики во второй и третьей четверти I тыс. н. э.

батой спинкой. Если эти селища могут быть датированы III—IV вв., то комплекс Форостовичей, типологически теснее их связанный со второй группой, следует отнести к несколько более позднему времени. Общими хронологическими рамками первой группы, по-видимому, нужно считать III—начало V в. С ней могут быть сопоставлены некоторые другие селища из числа обследованных Деснинским отрядом: Загребелье, у с. Ключкова⁷³ и др.

Вторую группу древностей следует датировать в пределах от конца IV до VII в. Абсолютная хронология ее определяется по нескольким находкам. В раннем комплексе Целикова Бугра (жил. 1) имеется бронзовая квадратная пряжка с округлыми выступами по углам. По аналогиям она датируется V—VIII вв.⁷⁴ В могильнике, связанном с этим поселением,

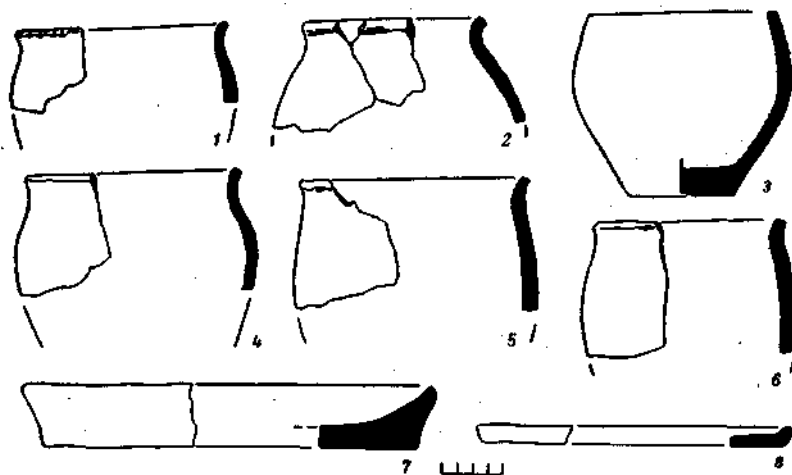

Рис. 6. Керамика деснинских памятников третьей группы.

1, 3, 6—8 — Целиков Бугор (жил. 2 и 3); 2, 5 — Макишин; 4 — Стрелица (жил. 1).

найлены железные пряжка и бляшка конца IV—VI в. (рис. 14, 13, 14). Бронзовая пластинка с решетчатым орнаментом, датируемая А. К. Амброзом VI в., встречена в Посудичах (рис. 14, 15).⁷⁵ Дата селища Смольянь, по результатам радиоуглеродного анализа, — конец VI—VII в.

Судя по керамике и датирующим вещам, во вторую группу входят могильник у д. Кветуни⁷⁶ и селище Ульяновка.⁷⁷ Сюда же могут быть отнесены могильник Усох, давший несколько вещей VI—VII вв., поселения Левкин Бугор, Ровчак, Хохлов Вир, Яковлевичи и некоторые иные с керамикой характерных для данной группы форм. Из селища Хохлов Вир происходит трехлопастный наконечник стрелы с уступом при переходе острия в черешок (рис. 14, 5).⁷⁸

С отдельными поселениями как первой, так и второй групп связываются находки гончарной керамики Черняховского типа.

⁷³ Материалы разведок П. Н. Третьякова за 1967, 1968, 1970 гг. (ЛОИА).

⁷⁴ Багаев М. X., Виноградов В. Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой. — КСИА, 1972, вып. 132, с. 85, рис. 4, 4.

⁷⁵ Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. — МИА, 1970, № 176, с. 73.

⁷⁶ Артишевская Л. В. Могильник. . . , с. 85—96, рис. 3, 6.

⁷⁷ Терпиловский Р. В. Новые памятники III—V вв. н. э. в Черниговском Подесенье. — В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 123—141, рис. 3; 4, 3, 5, 6, 9, 10, 13.

⁷⁸ Падин В. А. Раннеславянские поселения и могильник. . . , рис. 2, 7; Сымонович Э. А. Поселения VI—VII вв. . . , с. 64—66; Горюнов Е. А. Древности I тыс. . . , с. 70, 71.

К VII—первой половине VIII в. относится третья группа памятников, включающая селища Целиков Бугор (жил. 2 и 3), Стрелица (жил. 1), Макишин и, может быть, Макча.⁷⁹ От сравнительного анализа их керамики пришлось отказаться вследствие того, что этот материал скуден. Однако он явно диссонирует с тем, что определяет специфику керамики первой и второй групп. Так, здесь налицо формы несвойственные обеим группам (рис. 6). Среди них обращают на себя внимание горшки с хорошо выраженными плечиками и шейкой, отогнутым наружу венчиком. По профилировке и общим пропорциям они близки сосудам роменской культуры. Венчики, как правило, имеют уплощенный, а не скругленный край, как это характерно для посуды других групп. Края сосудов в отдельных случаях украшены ямками. У днищ нет закраин, а некоторые из них несут отпечатки оси ручного гончарного круга. В керамике третьей группы представлены сковородки не только с низким, но и высоким бортиком (рис. 6, 7). Наконец, поздний комплекс Целикова Бугра (полуземлянки 2 и 3) содержит обломки гончарной «салтоидной» посуды VII—VIII вв.

Отличия третьей группы от двух других видны не только в керамике. На поселениях третьей группы открыты полуземляночные жилища с печами в углу. Последние имеют мало общего с жилищами более раннего времени, для которых характерны опорный столб в центре и расположенный поблизости от него открытый очаг.

Итак, сравнительное изучение керамики нескольких исследованных памятников Подесенья позволяет выделить ряд форм сосудов, выступающих в различных комплексах в разных, более или менее устойчивых сочетаниях. Совстречаемость этих форм показывает, что данные памятники делятся на две временные группы. Исходя из находок датирующих вещей первую группу можно отнести к III—началу V в., вторую — к концу IV—VII в. Еще одна группа памятников, VII—первой половины VIII в., пока определена лишь в самых общих чертах. Для отдельных памятников можно указать даты более узкие, чем в целом для группы, к которой они относятся. Вопреки мнению И. Вернера,⁸⁰ в Подесенье известны памятники, датирующиеся VI—VII вв. как по типологии керамики, так и по некоторым вещам. Вместе с тем нельзя не признать, что вопрос о хронологии деснинских древностей нуждается в дальнейшей разработке с учетом новых комплексов керамики, полученных при раскопках.

Жилища, хозяйственные сооружения

3 изучении жилищ одним из основных аспектов является выяснение действия тех факторов, которыми определяются их черты, — этнической традиции, характера семейных отношений, природных условий и пр. Жилища известны для всех трех этапов деснинской культуры III—первой половины VIII в. Они обнаружены на 14 поселениях этого времени. Общее их число — 29 (табл. 1).

Различия между памятниками первой и второй групп, заметные в керамике, при сравнении жилищ не ощутимы. Ранние жилища идентичны более поздним по размерам, плановой схеме, конструкции. Те, и другие полуземляночные, опущенные в землю на 0.3—0.6 м, в плане близкие к квадрату, с опорным столбом в центре пола, открытым очагом. Длина стен жилищ колеблется от 2.4 до 4.8 м, чаще — около 4 м. Площадь 6.5—23 м², в среднем 14—16 м². Большинство жилищ ориентировано по странам света. Пол ровный, земляной, без следов обмазки глиной. Очаги только открытые; небольшие углистые пятна на полу — все, что в лучшем случае

⁷⁹ Горюнов Е. А. Селище Целиков Бугор. . . , с. 42—46; Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 110—112; Падин В. А. Раскопки поселения. . . , с. 208 ел.

⁸⁰ Вернер И. К происхождению. . . , с. 113.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЛИЩ НА ДЕСНИНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Поселение	Жилища			Слои, не связанные с жилищами
	III—нач. V в.	кон. IV— VII в.	VII—перв. пол. VIII в.	
Лавриков Лес	5	—	—	XVII—XVIII вв.
Форостовичи	3	—	—	Позднее средневековье
Устье р. Гасомы	2*	—	—	Неолит, рубеж—начало н. э., VIII—X вв.
Киреевка	1	—	—	—
Белокаменка	1*	—	—	?
Ульяновка	—	3	—	—
Мансурово	—	1*	—	—
Ровчак	—	1	—	—
Левкин Бугор	—	1	—	XVII—XVIII вв.
Заярье	—	1	—	—
Колодезный Бугор	—	1*	—	Эпоха бронзы, I—II вв.
Смольянь	—	4 (5?)	—	I—II вв.
Стрелица	—	1	1	Неолит
Целиков Бугор	—	1	2	Эпоха бронзы, I—II вв. (?)
Итого. . . .	12	14	3	

Примечание. Звездочкой (*) отмечены жилища, хронология которых требует уточнения.

от них сохраняется. Лишь в отдельных жилищах некоторых поселений (Смольянь, Мансурово) встречены очаги с подом, выстланном обломками керамики. На двух поселениях, датируемых V—VII вв. (Заярье, Ровчак), обнаружены углубленные очаги (рис. 7, 2, 5). На селище Ровчак очажная яма с обожженными докрасна стенками находилась всего в 0,2 м от опорного столба в центре пола. Ее диаметр 0,46 м, глубина 0,15 м. В Заярье такой же очаг обнаружен примерно посередине расстояния между центральным столбом и южной стеной жилища. Он имел размеры 0,6х0,75 м, глубину 0,15 м от уровня пола. Под его был покрыт углисто-золистой массой. Что касается других поселений, то и на них очаги обычно расположены в южной половине жилищ, ближе к центральному столбу. Следовательно, есть все основания говорить об устойчивой планировке жилищ дороменской поры.

В ряде жилищ встречены кроме центральной и другие ямы от столбов. Одни столбы, видимо, связаны с внутренним устройством жилищ, другие поддерживали перекрытия. Столбы по периметру основания, как правило, единичные, иногда вообще отсутствуют. Можно думать, что последние не составляли основы стен, а применялись для их укрепления. Конструкция же стен чаще была срубной. Столбовая техника если и распространялась, то несомненно много меньше. Она прослежена на селище Белокаменка, где вел раскопки А. К. Амбров (рис. 7, 4).⁸¹ Плетневые стены, обмазанные глиной, на столбах как будто имели жилища Смольяни.⁸²

Преобладающую конструкцию кровли назвать трудно. Как полагает Э. А. Сымонович, жилище на селище Левкин Бугор и подобное ему возле городища Колочин I имели шатровую кровлю.⁸³ По мнению П. Н. Третьякова, перекрытие большинства деснинских жилищ с центральным столбом было четырехскатным.⁸⁴

Если же обратиться к материалам этнографии, то они показывают применение разной конструкции кровли («на столбах» или «на сохах»), в том

⁸¹ Амбров А. К. К истории. . . , с. 70.

⁸² Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 61.

⁸³ Сымонович Э. А. Поселения VI—VII вв. . . , с. 64.

⁸⁴ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 60.

числе и двухскатной.⁸⁵ Это отмечает О. Н. Мельниковская при анализе жилищ милоградской культуры Южной Белоруссии, также зачастую имевших кровлю «на столбах». В отличие от деснинских, более поздних, у них были еще и боковые опорные столбы, стоявшие против центрального, что свидетельствует о преобладании здесь двухскатной коньковой кровли.⁸⁶

Из большого числа жилищ второй четверти и середины I тыс. в Подесенье лишь одно, открытое на селище Левкин Бугор, имеет достоверно определяемый вход. Он обозначен небольшим выступом в юго-восточном углу жи-

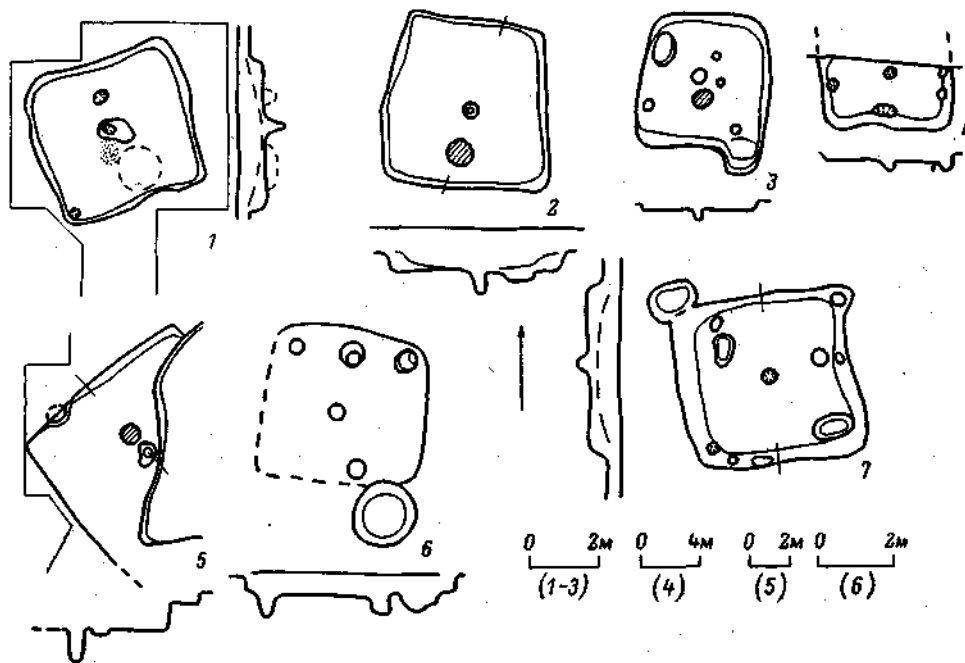

Рис. 7. Деснинские жилища середины I тыс.

1 — Стрелица (жил. 2); 2 — Загарье; 3 — Левкин Бугор; 4 — Белокаменка; 5 — Ровчак;
6 — Целиков Бугор (жил. 1); 7 — Колодезный Бугор (жил. 2).

лища. Однако нередко место входа с той или другой долей вероятности может быть установлено по микрорельефу поселений. У жилищ, углубленных неодинаково по своему периметру, вход, очевидно, располагался с той стороны, где пол залегает ближе к древней дневной поверхности или, как например у жилищ Смольяни, на одном с нею уровне. Такие жилища характерны для поселений, занимающих склоны террас, понижающиеся к реке мысы. Обычно это склоны, обращенные к югу. Южным, видимо, чаще всего был и вход в жилище. Б. Крюгер, говоря об этой особенности славянских жилищ VI—VII вв., открытых им на селище Дессау-Мозигкау (ГДР), указывает, что при южных входах жилища могли лучше обогреваться и освещаться солнцем.⁸⁷

Хозяйственные ямы в пределах жилищ встречаются крайне редко, причем не всегда можно быть уверенным в том, что они имеют отношение к жилищам. В отдельных случаях, например на селищах Стрелица, Форостовичи, они явно другого времени, чем жилища, хотя и обнаружены в их полу. Те же из ям, которые несомненно принадлежат жилищам, размерами

⁸⁵ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, с. 99.

⁸⁶ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке М., 1967, с. 38.

⁸⁷ Krüger B. Dessau-Mosigkau. Berlin, 1967, S. 16—42.

меньше, чем обычные ямы-погребя. Кроме того, они всегда вплотную примыкают к одной из стен жилища.

Итак, для III—VII вв. в Подесенье характерны жилища, опущенные в землю на 0.3—0.6 м, в плане близкие к квадрату, срубной и столбовой конструкции. Они имеют опорный столб в центре, поддерживающий перекрытие, и расположенный на некотором расстоянии от него открытый очаг. Планировка жилищ, несмотря на встречающиеся отклонения, в общем была устойчивой. Очаг находился между одной из стен и столбом в центре, чаще — в южной половине жилища. Скорее всего более или менее устойчивым по отношению к очагу было и место входа.⁸⁸

Ямы-погребя выявлены на всех поселениях рассматриваемого времени, подвергавшихся раскопкам. Как правило, они располагаются скудно, ближе к пойме, без достоверной связи с тем или другим жилищем. Если размеры ям несколько колеблются, то форма их обычно выдержана. В большинстве они округлые в плане, диаметром от 0.6 до 1.5 м, глубиной 0.4—0.8 м. Попадаются ямы, расширяющиеся книзу на 0.1—0.4 м (колокол овидные). На селище Вишенки открыты две ямы полусферической формы, твердо, правда, не датируемые. О перекрытиях ям-погребов ничего определенного сказать нельзя. Встречаемые иногда возле погребов ямки «от столбов или жердей, стоявших не вертикально, а с наклоном внутрь»,⁸⁹ возможно, не имеют отношения к перекрытиям, т. е. случайны. Это касается и более крупных столбовых ям, также крайне редких, которые, как полагает П. Н. Третьяков, принадлежали навесам над погребями. Неубедительно и мнение о том, что отдельные жилые «землянки» со временем превращались в хозяйственные и внутри их выкапывались ямы-погребя.⁹⁰ Оно пока не находит подтверждения в стратиграфических наблюдениях.

К VII—первой половине VIII в. относятся отдельные жилища, по конструкции и планировке тождественные известным в достоверно славянской культуре второй половины I тыс. как в том же Подесенье, так и далеко за его пределами. Бесспорно более поздними, чем рассмотренные выше, хотя и явно дороманского времени, являются всего три жилища, два из которых открыты на селище Целиков Бугор (рис. 8, 1, 2), а третье — в уроч. Стрелица у с. Дехтяревка (рис. 8, 3). В отличие от жилищ III—VII вв., в плане приближающихся к квадрату, они прямоугольные и имеют не открытые очаги, а печи. Отсутствует в них и центральный столб, что позволяет предполагать иное устройство перекрытия. Зато по конструкции стен жилища VII—первой половины VIII в. такие же, как и более ранние. То, что это так, следует из наблюдений, полученных при исследовании двух погибших от пожара жилищ-полуземлянок на селище Целиков Бугор на левом берегу р. Смячи, в самом ее устье. Сохранились нижние

⁸⁸ В первом номере журнала «Советская археология» за 1979 г. опубликованы статьи И. К. Фролова «О домостроительстве первой половины I тыс. н. э. на территории Подесенья и Поочья» (с. 63—72) и Г. Н. Пронина «Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа» (с. 47—62), где утверждается, что в Подесенье в почепское и последующее время, вплоть до VII в., господствовали не жилища-полуземлянки, а большие наземные дома, имеющие прототипы в местной культуре раннего железного века. В своем заключении авторы, однако, основываются на спорных допущениях и произвольной реконструкции жилищ отдельных поселений. Так, явно абсурдной является предложенная ими реконструкция жилищ Смольяни. Последние располагаются на склоне отрога коренного берега, и уже поэтому естественно, что у них были углубленные основания, при которых только и возможен горизонтальный пол. Кроме того, в расположении столбовых ям на раскопе в Смольяни нет сколько-нибудь выраженной систематичности, допускающей такую реконструкцию, и с ними не связаны развалы полубоженной глины от стен, подобные наблюдавшимся в границах жилищ, вчерченных П. Н. Третьяковым. Сомнительна и реконструкция жил. 2 Колодезного Бугра. К предполагаемой системе столбовых ям этого жилища Фроловым и Прониным отнесен ряд несомненных хозяйственных ям-погребов, причем, судя по керамике из их заполнения, разного времени. По форме, размерам и характеру заполнения они аналогичны известным на поселениях I тыс. Подесенья и других регионов.

⁸⁹ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 63.

⁹⁰ Там же, с. 55—63.

горелые венцы срубов этих жилищ (4X3 м). Стены были рублены в лапу из сосновых бревен толщиной около 15—18 см. В углу жилищ, в одном случае южном, в другом — восточном, находились развалы печей, сложенных из крупных кусков железной руды и небольших камней. Внешние размеры лучше сохранившейся печи жилища 2 — 1.2x0.9 м. Под ее земляной, устроенный на уровне пола (рис. 9, 1). Угол сруба, который занимала печь, подмазан глиной. Пол обоих жилищ ровный, со следами глиняной подмазки. На полу и в заполнении жилищ встречаются остатки сгоревшей кровли, судя по расположению дерева, двухскатной.

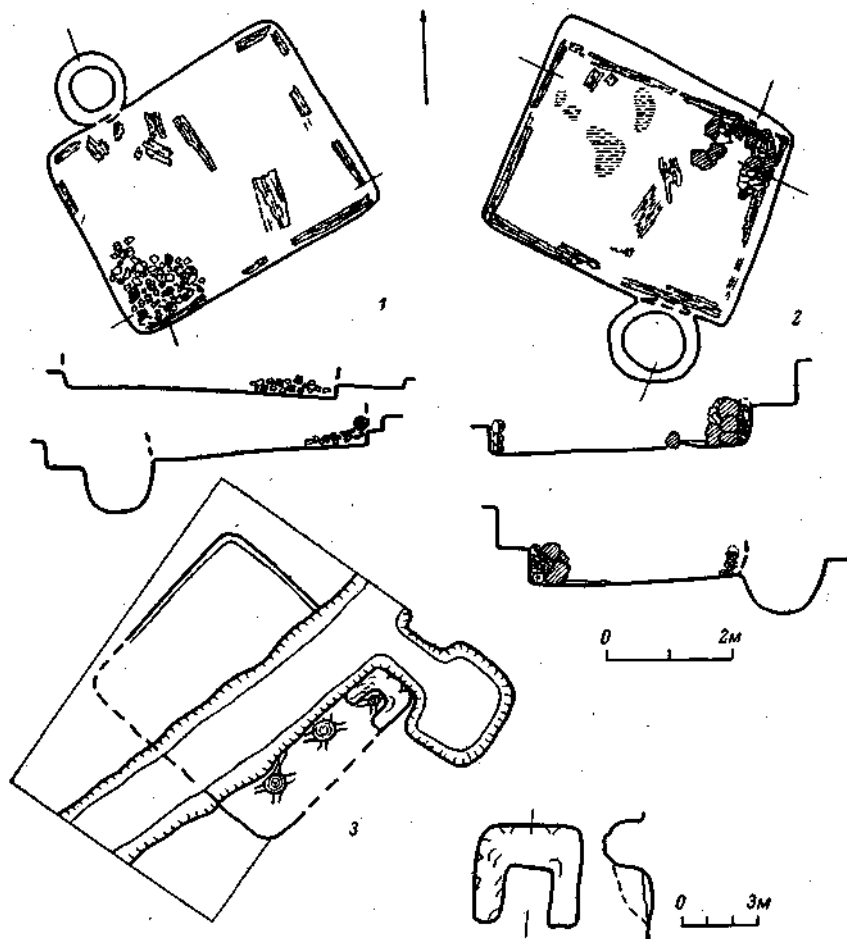

Рис. 8. Деснинские жилища третьей хронологической группы.
1, 2 — Целиков Бугор; 3 — Стрелица.

Печь хорошо сохранилась и в жилище Стрелицы. Однако здесь она слеплена из глины, в плане квадратная, со сторонами около 1 м. Под углублен ниже пола на 0.08—0.1 м. Свод печи и частично стенки были сооружены из глиняных валиков и конусов. Конструкция стен жилища с печью осталась невыясненной.⁹¹

С чем связана смена к исходу третьей четверти I тыс. одних жилищ, квадратных, с опорным столбом в центре и открытым очагом, другими, с печью в углу, пока сказать трудно. По мнению П. Н. Третьякова, жилища «более совершенной конструкции» (с двухскатной крышей и печью в углу) в Подесенье «появились не сразу». Об этом, как он полагает, можно

⁹¹ Третьяков П. Н. Древности. . ., с. 110—112.

судить по тому, что на некоторых поселениях обнаружены «оба типа жилищ-землянок, старый и новый». Среди таких поселений им названы Смольянь, Стрелица и Целиков Бугор. Однако жилища двух последних датируются разным временем, на что указывает, в частности, типология найденной в них керамики. Поздние комплексы представлены рядом форм,

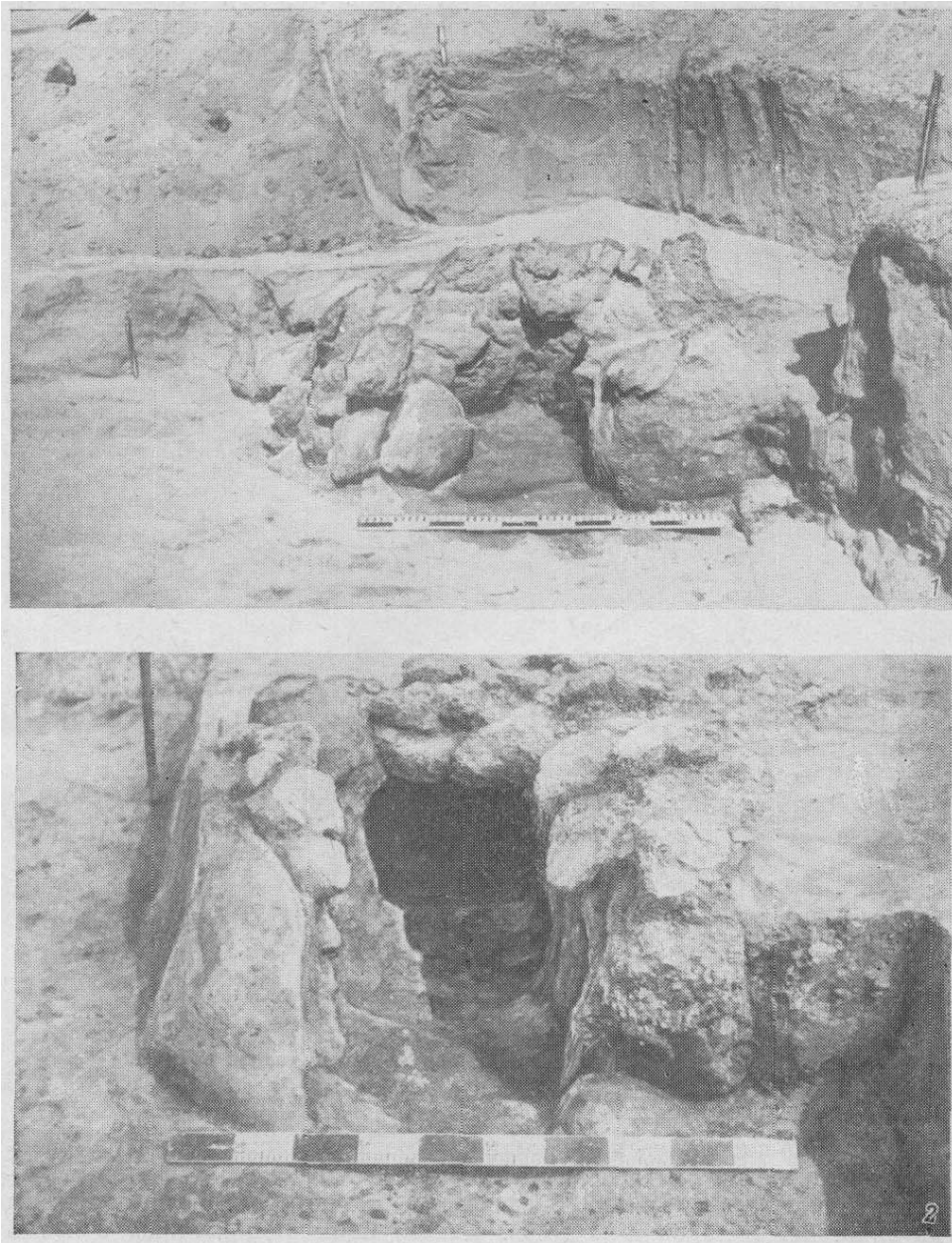

Рис. 9. Печи.

1 — Целиков Бугор (жил. 2); 2 — Хитцы (жил. XII).

ни разу не встреченных в жилищах с центральным столбом тех же и других поселений. Особенно заметен контраст в керамике жилищ Целикова Бугра. Так, в жил. 2, с печью, найдены обломки сковородки с высоким бортиком, горшка с отпечатком на днище оси гончарного круга, привозной «салтоидной» керамики. В жил. 1, без печи, со столбом в центре, ничего этого нет,

хотя отсюда происходит много больше керамики, чем из двух других полуземлянок, вместе взятых: 235 обломков против 53 из жил. 2 и 31 из жил. 3. За всем этим несомненно стоят временные различия между двумя основными комплексами селища, причем достаточно отчетливые, чтобы с ними не считаться. То же относится и к жилищам Стрелицы, которые, впрочем, и Третьяков не считает одновременными.⁹² Мало убеждает и ссылка на исследования в Смольяни, хотя четыре обнаруженных здесь жилища, видимо, принадлежат к одному времени. Они сильно разрушены, но контуры их оснований все же удалось установить. В одном из жилищ, по Третьякову, очаг располагался в центре, рядом со столбовой ямой; в трех других — в углу. «Возможно, это были остатки не очагов, а сильно разрушенных печей». В одном из жилищ с печью «имелась центральная столбовая яма».⁹³

Устанавливаемая П. Н. Третьяковым эволюция жилищ Смольяни, каждое из которых якобы имело особенности, присущие только ему, не бесспорна уже потому, что она не находит подтверждения в исследованиях других поселений того же времени в Подесенье. Кроме того, трудно понять, как вообще такой последовательный переход от одной формы к другой мог получить отражение в четырех жилищах одного недолговременного поселения. Да и так ли уж надежно определяется характер жилищ Смольяни, как думал Третьяков, если в них обнаружены не отчетливые остатки очагов, а бесформенные «скопления полуобожженной глины (но не печины)», такой, какая могла относиться и к стенам жилищ. Ведь в жил. 1, где «очаг располагался в центре», глина определенно связывается со стенами. В жил. 2, как указывается в отчете и видно на чертежах, «развалы. . . пода очага» находились в «западной и центральной частях», а не в его углу. Еще одно жилище (4) нарушено двумя большими ямами, из которых одна приходится на угол с предполагаемой печью.⁹⁴ Все это мало согласуется с заключением Третьякова и уж во всяком случае не позволяет считать его единственно возможным.

Могильники

В Подесенье известны пока единичные бескурганые могильники III—VII вв., к тому же, как правило, сильно разрушенные. Их всего четыре, не считая отдельных погребений, датируемых предположительно, без достаточных оснований. Так, не то к почепскому, не то к последующему времени относятся погребения, случайно открытые у с. Пироговка на левом берегу Десны.⁹⁵ Такими же неясными по времени и характеру оказались и «захоронения», разведанные В. А. Падиным в окрестностях г. Трубчевска. Поблизости от уроч. Макча по дороге в с. Верхние Городцы им обнаружено несколько небольших ям с углистым заполнением. Наряду с округлыми ямами диаметром до 0.6 м, глубиной 0.2—1.35 м встречены мелкие, вытянутые, без четкого контура. Пережженные кости, причем лишь единичные, были всего в двух-трех ямах. Найденная керамика, по определению Падина, частью гончарная древнерусская, частью же роменская и дороменская. Большинство ям Падин не считает погребальными, справедливо связывая их «с какой-то иной деятельностью насельников Макчи».⁹⁸

⁹² Там же, с. 112.

⁹³ Там же, с. 61, 75-85.

⁹⁴ Третьяков П. Н. 1) Отчет об археологических исследованиях в Черниговской области в 1962 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 120; 2) то же, 1963 г. — Там же, № 113.

⁹⁵ Кухаренко Ю. В. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. — МИА. 1959, № 70, с. 31; Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 70.

⁹⁶ Падин В. А. Отчет об археологических работах, произведенных в Трубчевском районе в 1957 г. — Арх. ИА АН СССР, р-1, № 1503.

Еще более аморфны погребения, открытые П. Н. Третьяковым на берегу Десны под Новгородом-Северским к востоку от селища Целиков Бугор. Это лишь отдельные пережженные кости, попадающиеся на поверхности дюны в сыпучем песке. Мало что можно сказать и о погребениях возле селища Стрелица на мысу надпойменной террасы правого берега р. Десны. Они также полностью разрушены и не имеют точной даты.⁹⁷ Наконец, не все ясно с известным могильником середины I тыс. около д. Кветуни (уроч. Дуля). Среди его погребений Л. В. Артишевская различает бескурганые и курганные. Первые, за исключением одного, перекрытого полой кургана I, обнаружены в нескольких траншеях (2, 6—8), заложенных в северной части урочища. В предварительной публикации, появившейся еще до окончания исследований, об этих погребениях сказано очень немногое. Большое представление о них дает отчетная документация за 1958 г.⁹⁸ Ознакомление с ней показывает, что характер открытых комплексов вовсе не является ясным, каким он изображен в статье. Более того, некоторые наблюдения, приведенные Артишевской в отчете, говорят против отождествления всех их без исключения с ямными погребениями.

В публикации говорится, что погребения «совершались в ямах, круглых или овальных в плане, размером от 80 см до 1 м при глубине от 40 до 60 см». Пережженные кости встречались вместе с золой и углями. Тут же попадались отдельные обломки керамики. Отмечается, что некоторые ямы были без костей. По отчету же Л. В. Артишевской выходит, что большинство ям имело размер, превышающий 0.8—1 м, причем иногда намного. Так, у ямы 5 в траншее 2 он достигает 2.1 X 2 м, а у ямы А в траншее 8 — 2.4 X 1.4 м. Уже это заставляет недоумевать, ибо размер погребальных ям, известных для того же времени в Верхнем Поднепровье и за его пределами, всегда много меньше — обычно около 0.5—0.7 м. Существенно и то, что пережженные кости найдены не в большинстве, а меньше чем в половине ям: в 13 из 31 открытых в траншеях 2, 6 и 8, причем во всех случаях их оказалось «очень мало». Не во всех ямах было углистое заполнение; в некоторых обнаружены лишь тонкие углистые прослойки, покрывавшие дно, что позволяет видеть в них скорее ямы-погребца, типичные для селищ середины I тыс. Да и форма отдельных ям — колоколовидная (!) — соответствует именно последним (табл. 2).

Грунтовые захоронения Кветуни во многом напоминают ямы, обнаруженные В. А. Падиным вблизи Макчи, из которых лишь одну-две можно считать погребениями, да и то не без риска ошибиться.

В 1961—1963 гг., когда в указанной уже части урочища Л. В. Артишевской велись дополнительные работы, был обнаружен еще ряд ям, во всем идентичных открытым ранее. Вместе с тем здесь прослежен культурный слой, правда, очень тонкий, толщиной всего 0.1—0.15 м, местами стратиграфически почти невыраженный. Ямы имели углистое заполнение или гумусное серое, но, главное, во всех них не было пережженных костей. Некоторые из ям отличались большими размерами: 1.8x1.7, 1.5x1.3 м и т. п. В культурном слое встречена железная подвязная фибула второй половины III—IV в.⁹⁹

В литературе принято то определение памятника, которое дано Л. В. Артишевской, хотя были голоса и против него.¹⁰⁰ О Кветуни немало написано П. Н. Третьяковым, работавшим здесь в 1963 г. Его, однако,

⁹⁷ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 71.

⁹⁸ Артишевская Л. В. 1) Могильник. . . , с. 85—96; 2) Отчет о полевой работе Деснинского отряда Верхне-Днепровской экспедиции в 1958 г. — Арх. ИА АН СССР, р-1, 1958, № 1821.

⁹⁹ Третьяков П. Н. Отчет об археологических исследованиях в Брянской области в 1963 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 113.

¹⁰⁰ Амброз А. К. Сектор славяно-русской археологии в 1960 г. — КСИА, 1962, вып. 90, с. 8, 9. — Сомнения в правильности этого определения устно высказывал и И. И. Ляпушкин.

ХАРАКТЕРИСТИКА «ЯМНЫХ» ПОГРЕБЕНИЙ КВЕТУНИ

Граншея	№ ямы	Размеры ямы (в м)	Костные остатки (по определениям Л. В. Артишевской)
2 (4×39 м)	1	1.25×1.2, глуб. 0.5	«В небольшом количестве»
	2	0.95×0.75, глуб. 0.4	«Две кальцинированные кости»
	3	Глуб. 0.5	Отсутствуют
	4	?	»
	5	2.1×2, глуб. 0.3	»
	6	?	«Кальцинированные кости»
	7	1.1×0.9, глуб. 0.5	«Несколько костей»
	8	Диам. 0.8—0.85, глуб. 0.4	«Одна кальцинированная косточка»
	9	1.3×1.2, глуб. 0.4	Отсутствуют
6 (4×6 м)	10	0.95×0.9, глуб. 0.3	»
	1	1.9×1.7, глуб. 0.17	»
7 (4×8 м)	2	0.7×0.9, глуб. до 0.18	»
	1	1.2×1.05, глуб. 0.6	»
	2	Диам. 0.8, глуб. 0.2	»
	3	1.05×0.9, глуб. 0.4	»
	4	Диам. 1.2, глуб. 0.6	«Несколько мелких костей»
8 (4×40 м)	5	1.65×1.2, глуб. 0.4	Отсутствуют
	1	?	?
	2	Диам. 1.25, глуб. 0.5	Отсутствуют
	3	Глуб. 0.08	»
	4	Глуб. 0.3	»
	5	Глуб. 0.5	«Две кальцинированные косточки»
	6 (?)	1.3×0.8	?
	7	Диам. 1.2, глуб. 0.6	«Несколько кальцинированных косточек»
	8	1.15×1, глуб. 0.5	«Несколько мелких костей»
	А	2.4×1.4, глуб. 0.5	«Одна кальцинированная кость»
	Б	1.2×1.1, глуб. 0.3	Отсутствуют
В	1.2×0.9, глуб. 0.8	»	
Г	1.2×1, глуб. 0.8	«Отдельные кальцинированные кости»	
Д	Диам. 1, глуб. 0.6	«Одна кальцинированная кость»	
Е	1.4×1.1	«Восемь обломков кальцинированных костей»	

трудно понять. Одинаковые во всем ямы, открытые Артишевской возле северной группы курганов, в одном случае он рассматривает как погребальные, в другом — относит к разрушенному селищу. В то же время, полагая, что в Кветуни представлены различные по характеру комплексы¹⁰¹ Третьяков, видимо, прав. Во всяком случае для такого утверждения есть все основания.

Погребения под курганными насыпями в том же уроч. Дуля, согласно Л. В. Артишевской, также совершались по обряду кремации на стороне. Насыпи округлые, низкие, диаметром от 7 до 12 м, высотой 0.3—0.8 м. Они образуют две группы: северную и южную. К V—VII вв. Артишевская относит захоронения на горизонте и в небольших ямах под насыпью. Кроме пережженных костей они включали золу и угли, а также обломки преднамеренно разбитых сосудов. Насыпи содержали от двух до семи погребений, считая отдельные впускные в центре кургана, прямо под дерном. В трех случаях погребения были урновыми. Из погребений происходят датирующие их бронзовые перекладчатые фибулы (целая и обломок), пряжка, крестообразная бляшка с эмалью.

При характеристике обряда Л. В. Артишевской не учтены некоторые моменты.¹⁰¹ Представляется существенным, что все те курганы (I, VI и др.),

¹⁰¹ Артишевская Л. В. Отчет о полевой работе Деснинского отряда Верхне-Днепровской экспедиции. - Арх. ИА АН СССР, р-1, 1957, № 1656; 1958, № 1821; 1959, № 2220 (далее — Отчет за 1957 г. и т. д.).

в которых оказалось особенно много (до 6—7) «одновременных захоронений» в ямах ниже горизонта, находятся в северной группе. Только здесь встречены «очажки из принесенной со стороны печины, на которых сжигали зерна» злаков. Во всех без исключения насыпях этой группы вне связи с определенными погребениями попадались и просто отдельные куски обожженной глины, обломки глиняной посуды. В кургане III найдены кости животных. Все эти «элементы обряда» прослежены лишь в северной группе, в южной же они отсутствовали, что, конечно, не является случайностью. Можно думать, что курганы северной группы сооружены на месте поселения более раннего времени, другими словами, насыпаны из культурного слоя. Это тем более вероятно, что в северной части урочища, там, где располагается данная группа, как уже говорилось, в 1961—1963 гг. был обнаружен культурный слой IV и, может быть, V вв. Не исключено, что отдельные ямы, вскрытые под насыпями, принадлежат не погребениям, как полагает Л. В. Артишевская, а связаны с селищем. По форме и размерам многие из них не отличаются от обычных для поселений середины I тыс. хозяйственных ям и к тому же не содержат пережженных костей. В то же время захоронения, рассматриваемые Артишевской как впускные, поздние, в каких-то исследованных ею курганах, возможно, были основными. Курганы с подчас единственным урновым погребением, помещенным в центре, в верхней части, хорошо известны в Верхнем Поднепровье (Гнездово и др.).¹⁰² Правда, подобные погребения в Кветуни единичны.

Датируя нижний рубеж Кветуни V в., Л. В. Артишевская, видимо, также допускает ошибку, ибо перекладчатая фибула и бляшка с эмалью (рис. 12, 4—6) отвечают кругу древностей, лежащих в пределах III—первой половины IV в.,¹⁰³ а не V—VI вв., как она полагает. Ко второй половине III—IV в. относится фибула из раскопок 1963 г.¹⁰⁴

С большей достоверностью, хотя и крайне скупо, отрывочно, особенности погребального обряда в Подесенье в III—VII вв. раскрыли исследования трех других могильников. Все три бескурганные, с сожжением, совершенным на стороне. Самым ранним является могильник на дюне в пойме р. Убеди возле с. Киреевка, расположенный к западу от одновременного селища. Он разрушен выдувами. При обследовании его, проведенном П. Н. Третьяковым, вскрыто пять безурновых погребений с некоторыми различиями, в которых можно видеть вариации обряда. Они находились в ямах, в плане близких к овальным, размерами 0.85x0.5 (погр. 1), 1x0.56 (2), 0.65x0.45 (3), 1.6x0.8 м (4), и в одной округлой диаметром 0.3—0.4 м (погр. 5). Глубина ям до 0.35 м. В трех погребениях (1, 2, 5) пережженные кости оказались перемешанными с углем, в двух других — тщательно очищенными от него. В одном погребении (1) встречены вещи, побывавшие в огне: обломок массивного браслета из бронзы, бронзовая трапециевидная подвеска с колечком для подвешивания, маленькое глиняное пряслице. Погр. 1—3 находились в 2—4 м друг от друга. Погр. 4 и 5 располагались далеко в стороне, причем первое перекрывало второе. В 6 м от них обнаружена небольшая яма, заполненная обломками лепных сосудов. Она безусловно связана с погребальным обрядом, точнее — с какими-то ритуальными действиями, сопровождавшими его. Характер керамики, а также тип подвески из

¹⁰² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы. . . , с. 112.

¹⁰³ Моога Н. Zur Frage der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks. — SMYA, 1934, N. 40, s. 74—90; Корзухина Г. Ф. Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э. Докл. на засед. Ленингр. секции Учен. совета ИА АН СССР 17 дек. 1969 г. — Арх. ЛОИА, к. п. 1962/49 (1).

¹⁰⁴ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 46, рис. 2, 5. — А. К. Амброзом такие фибулы отнесены к первой серии второй подгруппы подвязных фибул (см.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 57 ел.).

погр. 1, равно как и топография всего комплекса, позволяют соотнести последний с селищем III—IV вв. на той же дюнной гряде.¹⁰⁵

Нетрудно назвать селища, которым сопутствуют и два других могильника: один на дюне в устье р. Смячи под Новгородом-Северским, второй у с. Усох выше г. Трубчевска по течению Десны.¹⁰⁶ Первый, к сожалению, также оказался разрушенным, о чем можно судить по отдельным скоплениям пережженных костей, встречающихся в обнажении дюны; от него сохранилось лишь пять погребений. Обряд — сожжение на стороне с помещением останков в небольшие ямы вместе с золой и углями погребального костра. В двух погребениях (1 и 5) кроме останков человека оказались кости лошади и собаки. Ямы в плане округлые диаметром около 0.6 м (1 и 5) и овальные; размеры их 0.6x0.37, 0.55x0.4 и 0.7x0.4 м, глубина до 0.3 м. Найдены отдельные обломки керамики, а из вещей — железные пряжка с длинным язычком и круглая бляшка с насечками по краю. Дата погребений — середина I тыс. (рис. 14, 13, 14).

Могильник у с. Усох в отличие от предыдущих, занимающих дюны, располагается на пологом склоне коренного берега Десны. Он нарушен распашкой, но сохранился лучше, видимо, благодаря иной топографии. Кроме погребений, представленных ссыпанными на дно ям пережженными костями, на нем обнаружены и урновые захоронения. Среди 18 открытых погребений таких было три. Урнами служили обычные горшки. Ямы в большинстве округлые; их диаметр от 0.3 до 0.7 м, глубина до 0.4 м. Пережженные кости, перемешанные с золой и углями, в одних погребениях полностью заполняют яму, в других — лишь частично. Урновые захоронения также содержат не очищенные от углей останки. В ряде погребений встречены мелкие обломки керамики, различные вещи, побывавшие в огне, в том числе датирующие. Можно выделить группы, состоящие из двух—четырех погребений. Дата могильника, по В. А. Падину, — VI—VII вв.

Пока трудно говорить о хронологических или каких-то других модификациях обряда погребения в Подесенье III—VII вв. (табл. 3). Возможны лишь некоторые общие заключения. В частности, можно полагать, что в Подесенье в это время были распространены бескурганые погребения с сожжениями. Безурновые погребения резко преобладали над урновыми. Те и другие совершались в небольших ямах, округлых или овальных. В погребения клались вещи, сохранившиеся при сожжении. В отдель-

Таблица 3

Могильник	Всего площадь (в м ²)	Погребения		Кости человека		Кости животных	Обломки керамики	Сосуды-приставки	Различные вещи	Хронологические рамки
		безурновые	урновые	неочищенные	очищенные					
Усох	200	15	3	18	—	?	6	1	6	VI—VII вв.
В устье р. Смячи	430	5 (?)	?	5	—	2	2	—	1	V—VI вв.
Киреевка	Около 100	5	—	3	2	—	—	—	1	III—IV вв.
Кветуль	372	+	—	+	—	?	+	—	+	IV (?)—VI вв.

Примечание. Для Кветули учтены данные раскопок только 1958 г. Знак плюс (+) — наличие погребений с отмеченными признаками.

¹⁰⁵ Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 113—116.

¹⁰⁶ Горюнов Е. А. Некоторые древности. . . , с. 119—121; Падин В. А. 1) Раннеславянские поселения и могильник. . . , с. 317 сл.; 2) Древности VI—VII вв. . . . с. 132—134.

ных случаях ритуал включал сожжение на одном костре с умершим жертвенных животных. Пережженные кости ссыпались на дно ямы или в урны тщательно очищенными от золы и углей или вместе с последними. Наконец, среди погребений нет явно выраженных бедных и богатых, что, возможно, свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь значительного имущественного расслоения населения Подесенья.

Хозяйство и общественные отношения

В хозяйстве деснинского населения в середине и третьей четверти I тыс. ведущее положение бесспорно занимало земледелие. Несколько меньшее значение, но отнюдь не подсобное, как это иногда считается, видимо, имело скотоводство. Априори можно допустить, что дополнением к земледелию и скотоводству служили охота, рыбная ловля и другие промыслы.

Деснинские поселения не были специфически земледельческими, что видно уже по расположению их в низинах, на границе с поймой рек, там, где имеются широкие луговые угодья. Они известны и в местах, малопригодных для земледелия. Так, например, поселения, открытые в устье р. Смячи, находятся на дюнах в окружении болотистой поймы, изрезанной старицами Десны и Смячи. Впрочем, пойма реки в то время несомненно использовалась не только для выпасов. Она возделывалась под пашню, о чем говорит открытие пойменного подсечного поля по соседству с селищем середины I тыс. в уроч. Прорва у г. Трубчевска.¹⁰⁷ Как отмечает В. В. Седов, «приречные земли» в древнерусское время обрабатывались под пашню на Смоленщине, что связано с повышенным плодородием пойменных почв.¹⁰⁸

Земледелие существовало в форме подсеки, что определялось, во-первых, природными условиями Подесенья, во-вторых, сравнительно низким уровнем развития производительных сил. Пашенное земледелие становится преобладающим в лесной зоне начиная с роменского времени. Об этом говорят изменения в топографии поселений, резкое увеличение их размеров. В роменской культуре известны железные сошники, в более ранних материалах в Подесенье не встречающиеся. Последнее обстоятельство может служить еще одним косвенным подтверждением того, что в III—VII вв. там господствовало подсечное земледелие, ибо «плуг для подсеки не нужен».¹⁰⁹ Для обработки земли использовалась, вероятнее всего, суковатка, которая, как показывают материалы этнографии, всегда связана с подсечным земледелием.¹¹⁰ Урожаи злаковых культур убирались с помощью железных серпов, о чем свидетельствуют находки в Кветуни и Ульяновке.¹¹¹ Серпы, видимо, применялись для заготовки на зиму корма скоту. О земледелии как основном занятии населения можно судить и по отдельным находкам зерен злаков (Кветунь), а также керамики с отпечатками зерен пшеницы и проса (Форостовичи, Левкин Бугор, Лавриков Лес, Посудичи и др.).

Анализ костных остатков с деснинских поселений III—VII вв. показывает численное преобладание костей домашних животных, в основном крупного рогатого скота. Нередки и кости свиньи, лошади, мелкого рогатого скота.¹¹² Можно полагать, что основу скотоводства составляло раз-

¹⁰⁷ Падин В. А. Раскопки поселения. ..., с. 208 ел.

¹⁰⁸ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII—XV вв.). — МИА, 1960, № 92, с. 8—14.

¹⁰⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1939, с. 38.

¹⁰⁰ Супинский А. К. К истории земледелия на Русском Севере. — СЭ, 1949, № 2, с. 138-141.

¹¹¹ Артишевская Л. В. Отчет за 1957 г., л. 8; Терпилооский Р. В. Новые памятники, рис. 4, 25.

¹¹² Третьяков П. Н. Древности. ..., с. 69, 70.

ведение крупного рогатого скота, использовавшегося в самых различных целях: для получения молока, мяса, кожи. Вероятно, он находил применение и как тяговая сила. Подобно земледелию, скотоводство носило экстенсивный характер. Кости диких животных на деснинских поселениях второй и третьей четверти I тыс. единичны и не дают ясного представления ни о фауне Подесенья, ни о характере охоты.

Как справедливо указывает Э. А. Сымонович, деснинское население в дороманское время вело натуральное хозяйство.¹¹³ Основные его занятия, те или другие промыслы носили патриархально-общинный характер. Такие промыслы, как железоделательный, кузнечный, обработка цветных металлов, вообще почти не представлены в материалах исследованных поселений.

Не без оснований считается, что на середину и третью четверть I тыс. в лесной зоне Восточной Европы приходится конечная стадия развития общинно-родового строя. Постепенное вытеснение подсечного земледелия пашенным, дальнейший рост скотоводства были той основой, на которой осуществлялся переход от родовой общины к соседской. Вероятнее всего, главной производственной ячейкой в это время являлась патриархально-семейная община, включавшая несколько парных семей. Можно согласиться с П. Н. Третьяковым в том, что поселения середины и третьей четверти I тыс. в Подесенье представляют собой единые хозяйственные «дворы».¹¹⁴ В пользу этого говорит размещение на поселениях жилищ и ям-хранилищ. Последние всегда располагаются обособленно и не связаны с определенными жилищами. В данном отношении поселения указанного периода заметно отличаются от древнерусских, бесспорно представляющих территориальную общину, т. е. «объединение не связанных родством малых семей, живущих в отдельных домах и ведущих свое отдельное хозяйство».¹¹⁵ Такая социальная организация, по мнению И. И. Ляпушкина, имела место на Новотроицком городище, где жилища и хозяйственные сооружения выступают как ряд связанных между собой комплексов («усадеб»)¹¹⁶ Для середины и третьей четверти I тыс. хозяйственное обособление малых семей не прослеживается. Следовательно, основной хозяйственной ячейкой в это время оставалась еще патриархальная община. Длительное переживание родовых связей в немалой степени обусловливалось господством подсечного земледелия, введение которого возможно только на коллективных началах.

Место деснинских памятников III—VIII вв. в «культурной стратиграфии» Верхнего и Среднего Поднепровья

В «культурной стратиграфии» Верхнего и Среднего Поднепровья деснинские памятники всех трех выделенных групп не занимают какого-то особого места. Наиболее ранние из них, III—начала V в., типологически связываются с древностями киевского типа, найденными В. Н. Даниленко еще в 50-х гг. на Киевщине, и типа Абидни (или позднезарубинецкими) в Юго-Восточной Белоруссии. Согласно Даниленко, в памятниках данного круга нашла продолжение «зарубинецко-корчеватовская линия развития».¹¹⁷ Того же взгляда придерживается Л. Д. Поболь, прямо назы-

¹¹³ *Сымонович Э. А.* Два ранньосередьовічних поселення на Чернігівщині. — СРС, 1969, с. 91.

¹¹⁴ *Третьяков П. Н.* Древности. . . , с. 54.

¹¹⁵ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, с. 224.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра. — КСИАУ, 1955, вып. 4, с. 27—29; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки кийівського типу. — Археологія, Київ, 1976, т. 19, с. 65—92.

вающий их позднезарубинецкими.¹¹⁸ Мнение это не лишено оснований, но нельзя не признать, что названные памятники повсеместно остаются плохо изученными и их основные черты еще не получили четкого определения.

Зарубинецкая культура III в. до н. э. — I в. н. э. и так называемая позднезарубинецкая II—V вв. в целом имеют различный характер. У первой он отчасти определяется связями с латенской и скифской культурами, античным Причерноморьем. Верхний ее рубеж — середина I в. — мало у кого вызывает сомнения. Название «позднезарубинецкие» вряд ли будет правомерным по отношению к памятникам II в., особенно из числа северных, деснинских, в которых выражены отдельные юхновские элементы. И уже совсем оно неприменимо к древностям III в. и более позднего времени, соответствующим новой исторической ситуации, которая складывается в Среднем Поднепровье в связи с передвижениями готов и других германских племен, тем более что культура III—V вв. в еще большей степени, чем предшествующая (II в.), отлична от собственно-зарубинецкой. Учитывая это, очевидно, правильнее будет называть памятники II (III)—V вв., в отдельных элементах близкие к зарубинецкой культуре, «киевскими», «типа Абидни», может быть, как-то иначе, но не позднезарубинецкими.¹¹⁹

В междуречье Днепра и Ирпеня ныне известно свыше 10 памятников II (III)—V вв., родственных деснинским того же времени. Самые южные из них находятся в Черняховском пограничье на рр. Стугне и Красной (притоки Днепра).¹²⁰ Это главным образом небольшие открытые поселения с разной топографией. Одни располагаются на плато высокого коренного берега реки, другие — в низких неприметных местах. Преобладают полуземляночные жилища, в целом одинаковые с деснинскими. На селищах Казаровичи, Обухов III обнаружены глиняные округлые очаги с вымосткой из керамики в основании.¹²¹ Такие очаги типичны и для черняховской культуры, но появление их здесь относится, возможно, еще ко II в. и, следовательно, не связано с ее влиянием. На селище у с. Новые Безрадици (уроч. Митьков Кут) В. Н. Даниленко открыл землянку с центральным столбом.¹²² Исследователь убежден в том, что это «дом мертвых», но вряд ли он прав. Землянка не отличается по характеру заполнения от жилищ. Углистое пятно на полу между опорным столбом в центре и одной из стен, в котором Даниленко видит захоронение, скорее всего является очажным. Остатки очагов в виде таких пятен вполне обычны для жилищ данного времени. Жилища с центральным столбом представлены на Киевщине и в более ранней культуре, к которой, видимо, восходят рассматриваемые нами памятники (Грини).¹²³ Встречаются они и южнее, на отдельных поселениях черняховской культуры.¹²⁴

В Белорусском Поднепровье поселения, во многом близкие деснинским III—начала V в., исследовались Л. Д. Поболем. Это селища Абидня, Тайманово, Красный Бор и др., относимые к позднезарубинецкой куль-

¹¹⁸ *Поболь Л. Д.* О некоторых спорных вопросах. ... с. 269—278.

¹¹⁹ Аналогичная точка зрения высказана В. В. Седовым (см.: *Седов В. В.* Реп. на кн.: *Поболь Л. Д., Митрофану А. Г.* Проблема расселения славян на территории Беларуси I тыс. н. э. (па археалагічных даных). — *Acta Baltico-Slavica*, 1969, t. 6, p. 265, 266).

¹²⁰ *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Горохоевский Е. А.* Нові пам'тки I тив' н. э. в Київському Подніпров'ї. — *Археологія*, Київ, 1975, т. 15, рис. 1.

¹²¹ Там же, с. 92, 93, рис. 4; *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева. — *РВД*, 1974, с. 18.

¹²² *Даниленко В. Я., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области. — *АИУ* 1965—1966 гг., Киев, 1967, с. 212, 213.

¹²³ *Максимов Е. А.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье. — *МИА*, 1969, № 160, с. 39 сл., рис. 1.

¹²⁴ *Симонович Е. О.* Порівняльне вивчення пам'яток черняхівської культур в районі м. Черкас. — *Археологія*, Київ, 1969, т. 22, с. 137—148.

туре II—V вв.¹²⁵ Отдельные селища были большими, тянувшимися на несколько сот метров. Таким, в частности, является Абидня на берегу р. Адаменки (приток Днепра). Но большинство по размерам не отличается от деснинских селищ III—начала V в. Среди жилищ, как показывают раскопки Абидни и Тайманова, преобладают полу земляночные, углубленные до 1 м, площадью от 8 до 24 м². В Абидне кроме 29 полуземляночных имеются и наземные жилища, подобные встречающимся на Киевщине. Очаги, как правило, открытые, иногда выложенные камнями. Центральный столб в жилищах отсутствует,¹²⁶ но, насколько это показательно для Юго-Восточной Белоруссии, сказать трудно, ибо к настоящему времени из поселений II—V вв. здесь исследовались по существу два: Абидня и Тайманово, причем и о них в литературе имеются лишь отрывочные сведения.

С культурой III—V вв. на Киевщине, в Южной Белоруссии и Подесенье тесно связан, по мнению П. И. Хавлюка, ряд селищ в бассейне Южного Буга.¹²⁷ Они датируются им по керамике, а также по двучленной арбалетной фибуле и проволочному браслету. Жилища исследовались на селище у с. Голики. Их четыре, и они принадлежат к типу полуземляночных. В трех оказались открытые очаги, в четвертом — печь, сложенная из камней. На Южном Буге известны и землянки с центральным столбом, но, возможно, более поздние. Они встречены на селище у с. Скибинцы. П. И. Хавлюк датирует селище V в., полагая, что к данному времени относятся найденные на нем пластины с изображением льва, браслет с утолщенными гранеными концами и другие вещи.¹²⁸ Однако эти украшения не могут считаться характерными только для V в. Судя по аналогиям, не менее вероятно датировка селища VI—VII вв.¹²⁹

Древности, близкие к деснинским III—начала V в., недавно открыты и в лесостепной полосе к востоку от Днепра — в Посеймье, в поречье Сулы и Псла. Несмотря на то что здесь они выступают во взаимодействии с Черняховскими, общие их черты с более северной культурой достаточно ощутимы. Они выражены и в жилищах. Так, на селище у с. Беседовка в верховьях Сулы Е. В. Махно обнаружен ряд углубленных жилищ. Одно, лучше других сохранившееся, имело центральный столб.¹³⁰ Из жилищ, открытых на долговременном поселении близ с. Хитцы на р. Удае (приток Сулы), наиболее ранние — полуземляночные с центральным столбом и открытым очагом (рис. 18). Такие же жилища известны и по исследованиям селища у с. Чернечина на р. Орели, которое С. П. Юренко и О. В. Сухобоков относят к позднезарубинецкой культуре.¹³¹ Несколько иной характер имело жилище II—начала III в. на селище у хут. Вовки на р. Групи (приток Пела). От него сохранился глинобитный пол, сооруженный на вымостке из керамики (рис. 10). Комплекс, к которому относится жилище, датируется по бронзовой двучленной фибуле западного типа (рис. 13, 3). Такие фибулы, видимо, обычны для подобных древностей.¹³²

¹²⁵ *Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 205—217; Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, ч. 1, с. 168—183.

¹²⁸ Очерки. ... с. 171.

¹²⁷ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 181—188.

¹²⁸ Там же, с. 188—193.

¹²⁹ Аналогии браслету см.: *Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavicius A.* Lietuvos archeologijos bruoza. Vilnius, 1961, pav. 248, 2, 3.

¹³⁰ *Махно б. В.* Раскопки на поселениях первой половины I тыс. н. э. в верхней течи Сулы. — АП, 1955, т. 5, с. 79—85.

¹³¹ *Юренко С. П., Сухобоков О. В.* Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской области. — АО 1974 г., М., 1975, с. 376, 377.

¹³² *Савчук А. П.* Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж. — МИА, 1969, № 160, рис. 1, 18; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, с. 149, табл. XI, 13.

Если обратиться к погребениям II (III)—V вв., известным на Киевщине и в Юго-Восточной Белоруссии, то нетрудно увидеть, что и они во многом аналогичны деснинским того же времени. В Киевском Полесье погребения исследовались около сел Нов. Безрадиичи и Казаровичи,¹³³ на Верхнем Днепре — в уроч. Абидня и близ с. Тайманова.¹³⁴ Тами здесь они бескурганые, с сожжениями. Захоронения совершались как в округлых, так и в овальных или удлинённых ямах. Интересно, что округлые ямы, как правило, небольшие, диаметром 0.5—0.8 м, тогда как среди овальных встречаются большие, иногда длиной до 2 м, такие, какие обычны

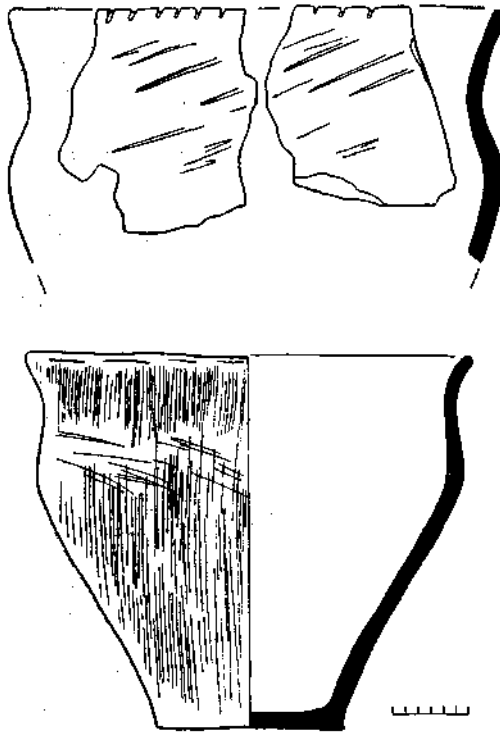

Рис. 10. Вовки. Керамика из вымостки пола жилища II—III вв.

для предшествующей поры. Захоронения в основном безурновые. Пережженные кости перемешаны с золой и углями, но изредка попадаются и очищенные. Вещи имеются далеко не в каждом погребении. Это ножи, пряслица, реже — фибулы и украшения. Нередки в погребениях обломки сосудов. Как отмечает Е. В. Максимов, число погребений на могильниках невелико, а расстояние между ними значительное — до 15 м.¹³⁵ Довольно однороден во всем ареале киевской культуры и керамический комплекс. В него входят корчаги, горшки, миски, сковородки с низким бортиком и так называемые диски. Керамика в основном лепная. Гончарная встречается крайне редко. Присутствие ее является обязательным лишь для наиболее южных памятников, соседящих или сосуществующих с черняховской культурой, для которой такая керамика типична. Однако и в этих древностях она всегда численно намного уступает лепной.

Лепная посуда почти сплошь грубая, с шероховатой и бугристой поверхностью, покрытой выступающими зернами примеси к глине (шамот или дресва). Преобладают «кухонные» горшки и крупные толстостенные сосуды — корчаги, называемые также зерновиками; керамики хорошей выделки, лощеной и подлощенной, очень мало. В отдельных комплексах ее вообще нет. Лощение наносилось главным образом на миски.¹³⁸ Орнамент характерен только для ранних комплексов. Это насечки и округлые ямки, которыми украшались края венчиков. Попадают и прочесы. В сравнительно ранних комплексах (II—III вв.) они сплошь покрывают сосуды, в более поздних встречаются лишь в виде отдельных полос. Керамика с прочесами Л. Д. Поболем найдена на многих селищах Юго-Восточной Белоруссии. В Абидне ее насчитывается до 10%.¹³⁷ В Поде-

¹³³ Даниленко В.Н., Дудкин В.П., Круц В.А. Археолого-магнитная разведка. . . , с. 212—214; Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник. . . , с. 11—21.

¹³⁴ Очерки. . . , с. 173—174.

¹³⁵ Максимов Е. В. Позднезарубинецкая культура (III—V вв. н. э.) на территории Украины. — В кн.: Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгр. славян. археол. М., 1975, с. 19.

¹³⁶ Там же, с. 18.

¹³⁷ Очерки. . . , с. 175.

сенье керамика с прочесами обнаружена на ряде селищ, но выразительна она лишь на селище Змеевка под Черниговом.¹³⁸ Есть она и на селище Вовки II—начала III в. в юго-восточном пограничье культуры (рис. 10), и в древностях Киевщины (Большая Салтановка, Казаровичи и др.).¹³⁹ В Южной Белоруссии и на Киевщине появление прочесов на посуде относится еще к зарубинецкому времени.¹⁴⁰

Из форм керамики как для Подесенья, так и для Юго-Восточной Белоруссии и Киевщины особенно характерны крупные сосуды — корчаги с широким устьем и высокой шейкой (I вид). Они представлены в комплексах Абидни, Тайманова, Казаровичей, Обухова II, III¹⁴¹ и др. (рис. И).

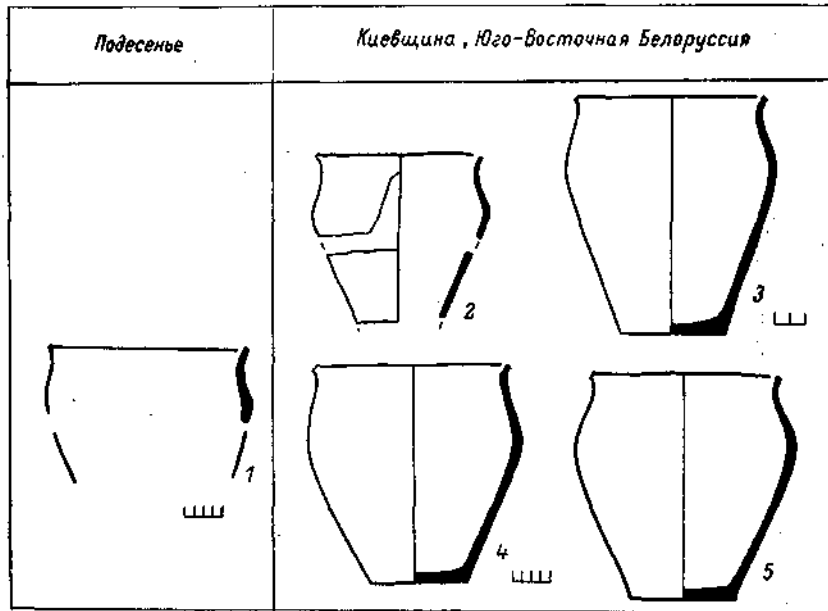

Рис. 11. Сосуды вида I с памятников Подесенья, Киевщины и Юго-Восточной Белоруссии.

1 — Лавриков Лес; 2 — Большая Салтановка; 3 — Абидня; 4, 5 — Обухов III.

Корчаги другого вида (IV-1) — выпуклобокие — также встречаются за пределами Подесенья.¹⁴² В том же кругу древностей находят ближайшие соответствия и горшки всех тех видов, которые являются основными в деснинской керамике III—начала V в.: III вида — раскрытые с едва намеченной шейкой и плавно изогнутым плечиком; II — округлобокие с узким горлом; V — с баночным туловом; VI вида — биконические. Для киевской культуры характерны так называемые выемчатые эмали (рис. 12, 1—4, 10—13). Ареал последних не ограничен Киевщиной, Белорусским Поднепровьем и бассейном р. Десны, а охватывает Восточную Прибалтику и среднюю полосу Восточной Европы, достигая на востоке Прикамья. Отдельные находки этих украшений известны в Швеции, Крыму, на Северном Кавказе и в других местах. Существует мнение,

¹³⁸ Горюнов Е. А. Древности I тыс. . . . , рис. 1, 7, 5, 9.

¹³⁹ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Новая находка блях с эмалями на Киевщине. — КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 145—149; Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник. . . , рис. 3, 1.

¹⁴⁰ Мельниковым О. Н. Племена Южной Белоруссии. . . , с. 159.

¹⁴¹ Побаль Л. Д. Пахавальны абрад плямён паўднёвай Беларусі у перыяд разлажэння першабытна-абшчыннага ладу (железны век). — Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1969, № 3, рис. 5, 1; Очерки. . . , рис. 62, 3; Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник. . . , рис. 3, 1.

¹⁴² Очерки. . . , рис. 62, 1.

что производство выемчатых эмалей, называемых иногда «варварскими», имеет прибалтийские корни. Оно обосновано Х. А. Моора, которому удалось показать, что выемчатые эмали появились сперва в Мазурии, в среде галиндских и судаво-ятвяжских племен, и что здесь в отличие от Поднепровья были распространены все их исходные формы.¹⁴³ Выемчатые эмали, согласно Моора, принадлежали в основном восточным балтам, от которых они и проникали к соседним финским и, по-видимому, некоторым славянским племенам. В этом к нему близко стоит и М. Ю. Брайчевский.¹⁴⁴ Мнение о прибалтийском происхождении выемчатых эмалей

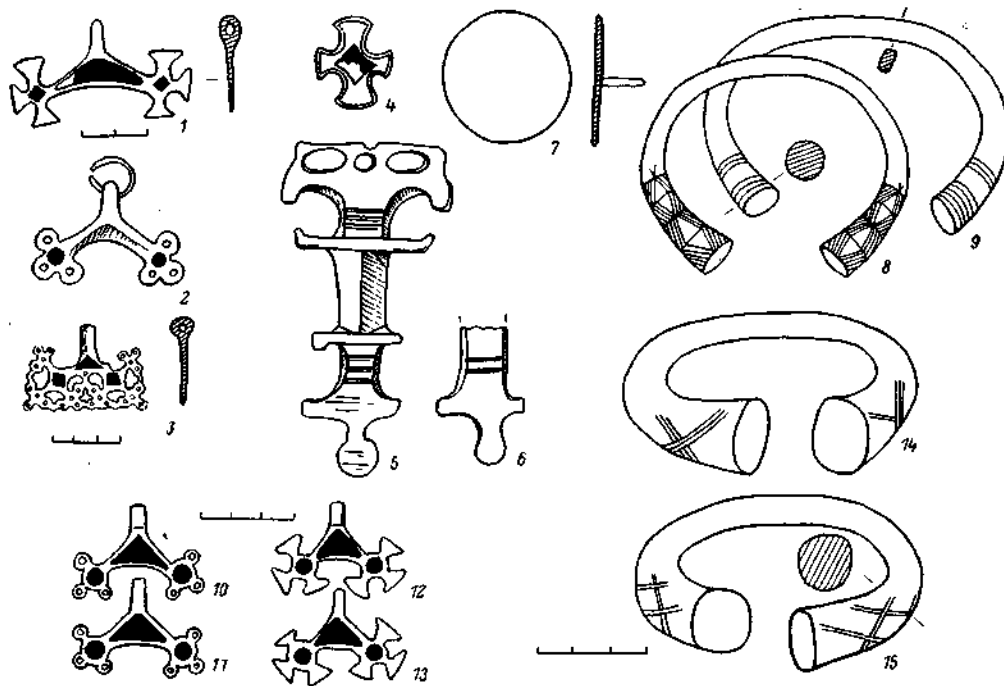

Рис. 12. Бронзовые украшения памятников второй четверти и середины I тыс. н. а.
1 — Казаровичи; 2 — Шмырево; 3 — Новые Безрадичи; 4—7 — Кветунь; 8 — Староселье; 9 —
Теляшевка; 10—13 — Абидня; 14, 15 — Шестовица.

разделяла Г. Ф. Корзухина.¹⁴⁵ Прибалтийские эмали и аналогичные им украшения из Поднепровья датируются II(III)—первой половиной VI в.¹⁴⁶ Особенно большой концентрацией эмалей отличается правый берег Днепра к югу от низовьев Ирпеня вплоть до Поросья. В последние годы эти украшения обнаружены здесь на ряде киевских поселений, в частности в Новых Безрадичах, Большой Салтановке, Хмельной и др. Можно полагать, что большинства эмалей на Среднем Днепре (из числа известных по случайным находкам) принадлежит киевской и раннеколячинской культурам, а не черняховской, как это пытались доказать М. Ю. Брайчевский и Е. В. Махно. Немало выемчатых эмалей, найденных случайно, происходит из Подесенья. Более чем вероятно, что и здесь они связаны с теми же

¹⁴³ Moora H. Zur Frage. . ., S. 74—90; Moora X. О древней территории расселения балтских племен. — СА, 1958. № 2, с. 27, 28.

¹⁴⁴ Брайчевский М. Ю. Біля джарел слов'янської державності. Київ, 1964, с. 170 сл.

¹⁴⁵ Корзухина, Г. Ф. Спорные вопросы. . .

¹⁴⁶ Moora H. Zur Frage. . ., S. 74—90; Kulikauskas Pr. Emaliutiejų dirbiniai Lietuvoje. Kaunas, 1941; Михельбертас М. М. Римские металлические предметы в Литве. — СА, 1965, № 3, с. 163—177; Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 217 сл.

культурами. Это подтверждается находками в Кветуни. Несколько эмалей, в том числе четыре лунницы и две круглые ажурные фибулы, обнаружены в Абидне. В ней встречены также тигли с накипью стекловидной массы, что позволяет говорить о местном изготовлении рассматриваемых украшений.

Между днепровскими и прибалтийскими эмальями имеются некоторые отличия. Так, для Поднепровья особенно характерны лунницы со сплошным щитком, нередко имеющие ажурные концы. В Прибалтике лунницы встречаются много реже. По подсчетам Л. Д. Поболя и Д. В. Наумова, здесь их найдено всего около 10.¹⁴⁷ Всем им свойствен не сплошной, а прорезной щиток. Отдельные локальные признаки эмалей выделены Б. А. Рыбаковым.¹⁴⁸

Для киевской культуры из вещей кроме эмалей характерны булавки, проволочные подвязные фибулы из бронзы и железа. На селище Абидня найдено до 10 подвязных фибул, а булавки разных видов здесь «исчисляются десятками».¹⁴⁹ Преобладают посоховидные, а также с кольцевидной головкой, т. е. такие, какие обнаружены на деснинских селищах Киреевка и Лавриков Лес. Булавки этих видов обычны в Верхнем Поднепровье, а также Восточной Прибалтике. В Верхнем Поднепровье они появляются еще в культурах раннего железного века: юхновской, днепро-двинской и др., которые признаны в литературе балтскими. Нередки они и в зарубинецких древностях, как западных, Припятского Полесья, так и восточных, днепровских. Булавки III — IV вв. имеют некоторые признаки, отличающие их от более ранних. Они, как правило, из железа, длиной не больше 10 см. Головное кольцо в сечении четырехугольное, диаметром 2—2,5 см.¹⁵⁰ Подвязные фибулы относятся к типам, широко представленным в черняховской культуре. Исключение составляют лишь некоторые, например двучленная прогнутая фибула первой серии и варианта конца II—III в. (по А. К. Амброзу) из Казаровичей, Т-образная фибула с шипом на головке из Лаврикова Леса (рис. 13, 1, 13).

Итак, можно утверждать, что памятники III—V вв. в Юго-Восточной Белоруссии, в бассейне Десны, на Киевщине родственны. Они выступают в сложном отношении к черняховской культуре. Пограничье этих двух культур, по сути дела, представляет собой контактную зону. Здесь встречаются очаги особой конструкции. Представлены гончарная керамика, фибулы, пряжки Черняховских типов.

Киевские древности в лесостепном Левобережье пока известны по разведочным обследованиям, не всегда дающим ясное представление об их времени, отдельных чертах. Временное соотношение этих древностей с черняховскими не совсем ясно. Одни из них несомненно синхронны черняховским. Другие, такие как селище Беседовка в верховьях Сулы, где найдена амфора конца II—первой половины III в., селище Вовки II — начала III в., видимо, не имели продолжительного контакта с черняховской культурой и в целом относятся к более раннему времени.¹⁵¹ Все это не позволяет с достаточной точностью определить границы той зоны, в которой происходило взаимодействие черняховской и киевской культур, но отнюдь не ставит под сомнение ее существование.

Еще менее отчетлива граница, отделяющая киевские памятники от других смежных культур: мощинской, или верхнеокской, III—VII вв., а также днепро-двинской и культуры штрихованной керамики позднего

¹⁴⁷ Поболь Л. Д., Наумов Д. В. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня.— В кн.: Докл. к XI конф. молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, с. 424.

¹⁴⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 46 ел.

¹⁴⁹ Очерки. . ., с. 175.

¹⁵⁰ Шноре Э., Циммерман И. Поселение и могильник. . ., с. 179.

¹⁵¹ Щукин М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура (хронологическое соотношение). Автореф. канд. дис. Л., 1971, с. 7.

этапа. Эти культуры выступают обособленными лишь в основных своих ареалах, тогда как для их периферии характерны древности с сочетанием разнородных элементов, из которых не всегда можно выделить главные и привнесенные.¹⁵²

Деснинские памятники второй группы должны быть отнесены к культуре так называемого колочинского типа, имеющей в целом тот же ареал, что и предшествующая ей киевская, на основе которой она складывается. Для этой культуры характерно преобладание открытых поселений. Топография их та же, что и у киевских, те же размеры. Не отличаются от более

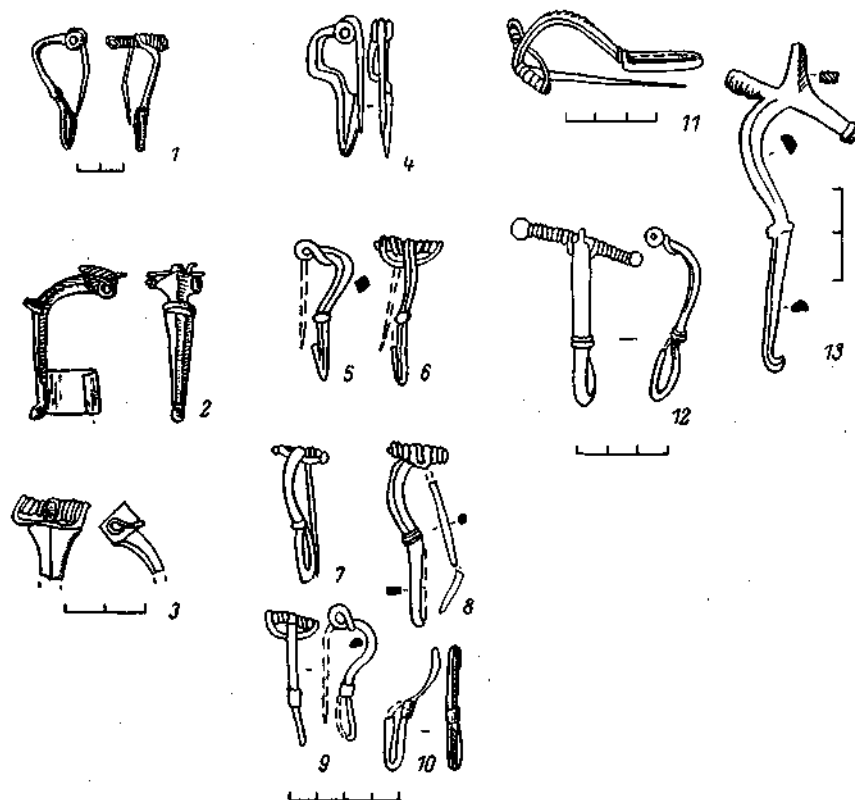

Рис. 13. Фибулы памятников киевского типа.

1 — Казаровичи; 2 — Пасишна; 3 — Вовки; 4—10 — Абидня; 11 — Жуковка; 12 — Кветуль; 13 — Лавриков Лес.

ранних и жилища — они полуземляночные, со сторонами 3—4 м, срубной и столбовой конструкции, с открытыми очагами, реже — печью. Мало меняется и погребальный обряд. В V—VII вв. остаются типичными ямные погребения с сожжениями, в урнах и без них. Правда, для этого времени известны и отдельные курганные погребения.¹⁵³ Из киевской культуры в колочинскую переходят выемчатые эмали, доживающие до середины VI в. В целом ее вещевой материал беден, как и киевский (рис. 14).

Отличия между вышеназванными культурами больше всего заметны в керамике. Анализ последней, однако, также не показывает нарушения культурного развития. Как уже отмечалось, деснинским комплексам конца IV—VII в. свойствен ряд форм, восходящих к местным более раннего времени. Это в первую очередь горшки с узким горлом и коротким венчиком, слегка наклоненным наружу (II вида), сосуды обоих вариантов

¹⁵² Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 18—48.

¹⁵³ Поболь Л. Д. О некоторых спорных вопросах. . . , с. 276.

IV вида (раскрытые, книзу сужающиеся), а также сковородки. Сосуды I вида, типичные для киевских древностей, найдены вместе с керамикой колочинских форм на селище Ульяновка под Черниговом. Это селище сближается с более ранними и по наличию Черняховского импорта.¹⁵⁴ Если на Киевщине колочинские памятники остаются почти неизвестными, то в Белорусском Поднепровье они исследовались не меньше, чем в Подесенье. Здесь находится полностью вскрытое городище Колочин I, давшее название культуре. В Подесенье и Юго-Восточной Белоруссии

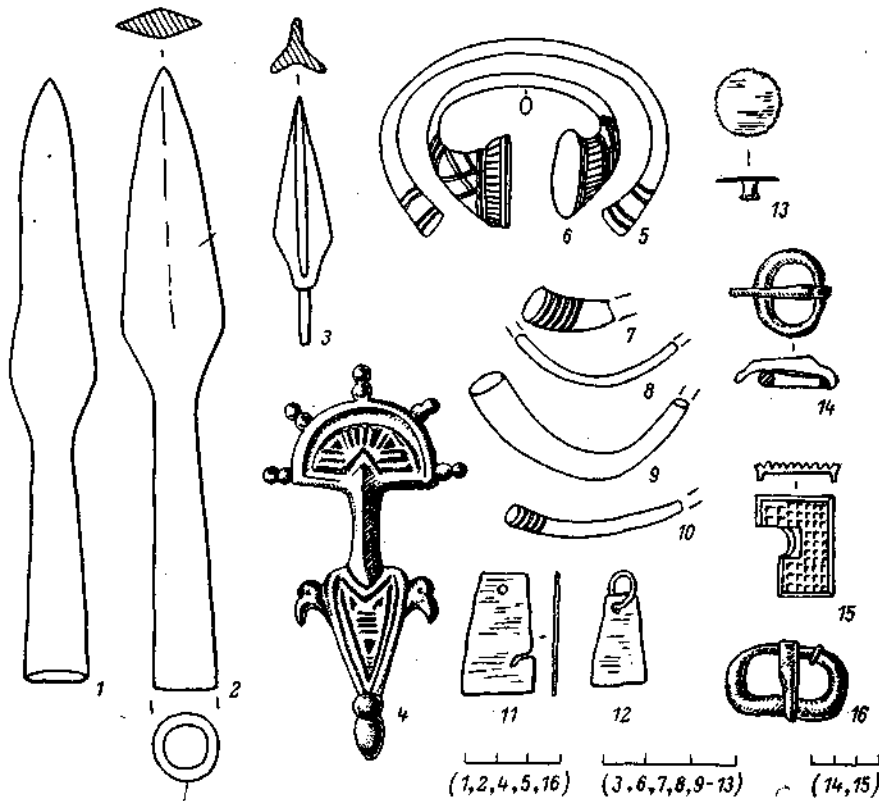

Рис. 14. Металлические вещи с памятников колочинского типа.

1, 2 — Княжий; 3 — Хохлов Вир; 4 — Казачья Локня; 5 — Большие Будки; 6 — S; 11 — Воробьевка 2; 7—9, 12, 16 — Лебяжье I; 10 — Усох; 13, 14 — могильник в устье р. Смячи; 15 — Посудичи.

данная культура обладает некоторыми особенностями. Для Подесенья характерны жилища-полуземлянки с центральным столбом, которые к западу от Днепра не получили широкого распространения. Вместе с тем в Подесенье не встречено наземных жилищ, отмеченных Л. Д. Поболем для отдельных селищ юга Белоруссии.¹⁵⁵ В отличие от последней на Десне отсутствуют укрепленные поселения, бесспорно относящиеся к середине и третьей четверти I тыс. Наконец, там и здесь некоторые различия, пусть незначительные, имеет керамика. В деснинских комплексах, в частности, сравнительно редки усеченно-конические горшки, но зато в них более многочисленны сковородки. Изгиб стенок (или ребро) на деснинских горшках чаще несколько скруглен. Горшки с резким перегибом тулова,

¹⁵⁴ Терпиловский Р. В. Новые памятники. . . , с. 123—141.

¹⁵⁵ Поболь Л. Д. Раннесредневековые древности Белоруссии (VI—IX вв. н. э.), — In: Berichte über den II Intern. Kongr. für slawische Archäol. Berlin, 1973, Bd III, S. 491-500.

подчеркнутым оттянутым валиком, которые обычны для Юго-Восточной Белоруссии, часто встречаются лишь на южных деснинских селищах, таких как Ульяновка.

На левом берегу Днепра колочинская культура заходит в полосу лесостепи. Самые восточные точки данной культуры расположены в Курском Посеймье: Лебяжье I, IV, Воробьевка 2, Колосовка и ряд других памятников, известных по раскопкам Ю. А. Липкинга и Э. А. Сымоновича. Не исключено, однако, что граница Колочина проходит не здесь, а гораздо восточнее. Об этом как будто говорят находки характерной керамики в с. Ярлукове на Верхнем Дону.¹⁵⁶

В поречье Сулы колочинские памятники обнаружены выше г. Лубны. В бассейне р. Пела обе культуры пока остаются территориально разомкнутыми. На р. Ворскле — еще одном крупном притоке Днепра — памятники V—VII вв. фактически неизвестны, но здесь и не было специальных обследований. На юго-западе смежной с колочинской является, как известно, корчакская культура, бесспорно оставленная славянами. Несомненно, что и с ней колочинская культура находилась во взаимосвязи. Контактная зона указанных культур, как полагает И. П. Русанова, проходит «по Припяти, в нижнем течении ее правых притоков (по рр. Стоход, Горынь, Случь, Уж), и по притокам Днепра — Тетереву и Ирпеню». Корчакской культуре в этом пограничье присущи отдельные колочинские (или, по Русановой, северные) элементы. Последние выражены главным образом в керамике, точнее — в ее формах, из которых особенно характерны тюльпановидные и ребристые горшки.¹⁵⁷ В то же время обычные для Корчака горшки вытянутых пропорций с наибольшим расширением в верхней трети представлены в ряде колочинских комплексов. При анализе деснинской керамики они выделены в особый вид (VIII). В Подесенье горшки такого вида обнаружены на селищах Заярье, Стрелица, Ровчак, Целиков Бугор и др. Не являются чуждыми сходные формы и для колочинских древностей юга и юго-востока Белоруссии (Тайманово, Нижняя Тошица, Добужа и др.).¹⁵⁸ Как в колочинские, так и в корчакские комплексы всегда входят сковородки. Общее между ними — и одинаковая орнаментация керамики, встречающаяся редко, но достаточно характерная по своим элементам, таким как валики, покрытые насечкой, под краем венчиков, продолговатые налесты. К этому можно добавить, что среди форм керамики тех и других комплексов всегда доминируют горшки, тогда как корчаги и миски единичны. Причем для горшков типичны вытянутые пропорции, что тоже служит общим признаком керамики обеих культур.

В настоящее время преждевременно утверждать, что сходство колочинской и корчакской культур, заметное, кстати сказать, не только в отдельных элементах керамики, но и в характере жилищ, особенностях погребального обряда, определяется их общими корнями, поскольку памятники, более ранние, чем Корчак, и генетически связанные с ним, остаются почти неизвестными в его ареале. Лишь на Западной Вольни и Верхнем Днестре В. Д. Бараном они обнаружены среди черняховской культуры.¹⁵⁹ Однако совершенно очевидно и то, что только диффузия, контакты не могли привести к столь выраженной типологической близости этих культур, прослеживаемой и вне контактной зоны.

Колочинская культура имеет общее и с памятниками Смоленщины, Северной Белоруссии, которые принято относить к типу верхних слоев

¹⁵⁶ Комаров К. И. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 47—49.

¹⁵⁷ Русанова И. П. Северные элементы на памятниках типа Корчак. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 5.

¹⁵⁸ Поболь Л. Д. 1) Раннесредневековые древности. . . , рис. 4, 4, 18; 2) О новых археологических памятниках БССР (VI—IX вв.). — В кн.: Славяните и средиземноморский свят VI—XI век. София, 1973, рис. 11, 29, 31.

¹⁵⁹ Баран В. Д. Ранні слов'яни. . . , с. 97—129.

Банцеровщины и Тушемли. Колочину I и другим городищам в Юго-Восточной Белоруссии свойственна обычная для последних кольцевая застройка. Но особенно много общего в их керамике. По мнению И. П. Русановой и В. В. Седова, сходство в керамике является настолько значительным, что позволяет говорить об единой для всего Верхнего Поднепровья культуре.¹⁶⁰ Против этого вывода, как известно, решительно выступал П. Н. Третьяков. Он считал, что в Верхнем Поднепровье в V—VII вв. существовали две различные по своим слагаемым и этнической атрибуции культуры: южная, развивающая зарубинецкие традиции, и северная, типа верхних слоев Банцеровщины и Тушемли, которая восходит к балтийским культурам — днепро-двинской и штрихованной керамики. Для первой («славянской») характерны полуземляночные жилища, тогда как для более северной — наземные дома столбовой конструкции. Кроме того, у балтов в отличие от славян «не было ям-погребов», а посуде, оставленной ими, несвойственны реберчатые профили.¹⁶¹ По мнению Русановой и Седова, эти доводы неубедительны. Как полагает Русанова, реберчатой керамики нет в Тушемле, потому что данное городище относится к IX, а не к VI—VIII вв., которыми можно бы датировать Колочин I с такой же керамикой.¹⁶²

В споре о степени близости древностей разных частей Верхнего Поднепровья более прав, видимо, П. Н. Третьяков. Вывод о единстве культуры середины и третьей четверти I тыс. в Верхнем Поднепровье был сделан еще в начале 60-х гг., когда изучение ее только началось. Он построен на самых общих наблюдениях, касающихся в основном керамики, без учета различий в хронологии, в субстрате сопоставляемых групп древностей. Объединение Колочина I с верхним слоем Тушемли вряд ли правомерно уже только из-за хронологического разрыва между ними, достигающего не менее трех столетий. Нижней границей древностей колочинского круга, вопреки мнению И. П. Русановой, не может считаться VI в., поскольку они отчасти синхронизируются с черняховской культурой III—начала V в. На раннеколочинских селищах лесостепного Левобережья — Сенча, Курган-Азак и др. — найдены обломки гончарной посуды Черняховского типа, амфор IV в. В Курган-Азаке при работах О. В. Сухобокова была встречена и подвязная фибула второй половины III—IV в. В пределах второй половины IV—начала V в. датируется селище «Ульяновка, имеющее колочинские черты. К V в. по находке фибулы «позднейшего арбалетного типа» В. Н. Даниленко отнесен колочинский комплекс Ходосовки.¹⁶³ Являясь в целом более ранними, колочинские древности и типологически отличаются от культуры типа верхнего слоя Тушемли. Обращает на себя внимание, что в комплексах Северной Белоруссии, а отчасти и Смоленщины сосуды с реберчатым профилем подчас единичны, т. е. нехарактерны в той же мере, как и для колочинской культуры. На ряде памятников тушемлинского типа (даже среди наиболее ранних, таких как селище Узмень на юге Псковской области)¹⁶⁴ их нет совсем.

При выяснении соотношения между теми и другими древностями существенное значение имеет характер встречаемой в них реберчатой керамики, ибо она представлена горшками трех основных типов: усеченно-коническими с ребром на середине высоты, биконическими со скругленным или резким переломом тулова, так называемыми цилиндро-коническими. В таком сочетании реберчатая керамика встречается только в колочинских древностях, причем для них особенно характерны горшки двух последних форм. В древностях же северного круга (Банцеровщина, Де-

¹⁶⁰ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 48—53; Русанова И. П. О керамике. . . , с. 143—150.

¹⁶¹ Третьяков П. Н. У истоков. . . , с. 52—67.

¹⁶² Русанова И. П. О керамике. . . , с. 143—145.

¹⁶³ Даниленко В. М. Пізньюзарубинецькі пам'ятки. . . , с. 65—92, рис. 8.

¹⁶⁴ Миносян Р. С. Селище Узмень. — АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 112—117,

мидовка и др.) есть в основном горшки первого или второго вида.¹⁶⁵ Горшки же цилиндро-конические в них отсутствуют.

В керамике северных памятников преобладают горшки нерасчлененной формы: высокие, «с плоским дном, слегка выпуклыми, расширяющимися кверху стенками, несколько суженной горловиной и чуть отогнутым наружу венчиком».¹⁶⁶ Они наиболее многочисленны в верхнем слое Тушемли и на других городищах Смоленщины. В комплексах же типа Колочина их почти нет. В тех и других комплексах представлены сосуды баночной формы и тюльпановидные, но они имеют вариации, характерные только для одной из культур. Так, баночные сосуды колочинского круга слегка сужены к горлу, диаметр которого почти равен диаметру дна.¹⁶⁷ В северных же комплексах (Банцеровщина, Замковая Гора, Узмень и др.) они приземистые, с почти прямыми стенками, сужающиеся книзу, а не к устью.¹⁶⁸ Тюльпановидные сосуды на юге Верхнего Поднепровья близко напоминают цилиндро-конические. У них те же пропорции и тот же хорошо выраженный переход от верхней части к нижней, но нет ребра.¹⁶⁹ В Тушемле они иные: с постепенно сужающимся книзу туловом и более раскрытые.¹⁷⁰ Наконец, колочинские комплексы отличаются от тушемлинских и тем, что для них не чужды отдельные корчацкие элементы.

В споре с П. Н. Третьяковым И. П. Русанова, как уже говорилось, основывается главным образом на анализе посуды, считая, что другие компоненты материальной культуры «изучены еще не в должной мере». В настоящее время если это утверждение и сохраняет силу, то только не в отношении жилищ. Как показали исследования, жилища северной и южной культур также во многом различны. В первой они в основном полуземляночные, лишь для Юго-Восточной Белоруссии характерно сочетание полуземляночных и наземных жилищ. На севере жилища преимущественно наземные, причем здесь они обнаружены и на городищах, где входят в систему оборонительных сооружений. При всем этом нельзя не признать, что различия в форме жилищ подчас нечетки и к тому же скорее всего находят объяснение не только в культурной и этнической традиции, но и в конкретных почвенных и климатических условиях, несколько отличных на юге и севере Верхнего Поднепровья. И много позднее, вплоть до начала II тыс., примерно через те же места проходила граница между наземными и углубленными жилищами.¹⁷¹

Как бы там ни было, есть основания полагать, что северная и южная культуры Верхнего Поднепровья не имеют общей подосновы и различия между ними являются не столько хронологическими, сколько локальными. Колочинская культура лишена резко выраженной границы не только с культурой корчацкого типа, но и с более северной, с которой она также находилась в тесном контакте.

О памятниках третьей хронологической группы в Подесенье пока мало что можно сказать. Они единичны, и их отношение к предшествующей, колочинской культуре во многом неясно. Встреченные на них жилища —

¹⁶⁵ Митрофанов А. Г. 1) Новые данные о памятниках VI—VIII вв. Средней и Северной Белоруссии. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, рис. 6. 1) 2) Банцеровское городище. — В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 243—261; Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. — МИА, 1963, № 108, рис. 3, 5—7; 11, 3.

¹⁶⁶ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища. . . , с. 67.

¹⁶⁷ Сымонович Э. А. Городище Колочин I. . . , рис. 17; Горюнов Е. А. Некоторые древности. . . , рис. 3, 25; Липкин Ю. А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. — РВД, 1974, рис. 2, 3, 4, 8; 5, 1; Очерки. . . , рис. 81, 3—5.

¹⁶⁸ Очерки. . . , рис. 85, 1; Миносян Р. С. Селище Узмень, с. 115, рис. 2; Митрофанов А. Г. Новые данные. . . , рис. 6, 14.

¹⁶⁹ Сымонович Э. А. Городище Колочин I. . . , рис. 23, 2, 3, 5; Горюнов Е. А. Некоторые древности. . . , рис. 3, 12, 20; Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. — РВД, 1974, рис. 7, 2.

¹⁷⁰ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища. . . , рис. 29, 9, 10.

¹⁷¹ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е1-32, рис. 32.

полуземляночные, срубные, с прямоугольной печью (рис. 8) — во всем совпадают с известными для славянской культуры VI—VII вв. и более поздней поры, вплоть до рубежа X и XI вв., когда на смену квадратным и прямоугольным печам из камня или глины приходят округлые в плане глинобитные печи и одновременно несколько меняется планировка славянских жилищ.

Бликие полуземляночным жилища с печью известны и на отдельных памятниках Белоруссии, где они связываются с культурой типа Тушемли—Банцеровщины (Замковая Гора, Городище).¹⁷² Правда, все это жилища, сооруженные на склонах холмов, пол которых опускали в землю, для того чтобы сделать его горизонтальным. К тому же на селище у д. Городище печи в ряде случаев располагались не в углу, а в средней части жилищ. Для данных памятников справедливо считаются характерными не углубленные, а наземные жилища.

Как уже отмечалось, комплексы VII—первой половины VIII в. содержат горшки с выделенными шейкой и плечиками, сковородки с высоким бортиком — формы, которые можно назвать славянскими. В них имеется гончарная «салтоидная» керамика. В целом они обнаруживают большое сходство с древностями, которые известны под названием волынцевских, мало чем отличающимися от роменской культуры Левобережья, что и позволило в свое время И. И. Ляпушкину высказать мнение о принадлежности их к этой культуре, а также датировать VIII—X вв. Не исключено, что рассматриваемые памятники генетически связаны между собой, но это может быть выяснено лишь после проведения в Подесенье дополнительных исследований, открытия и изучения новых комплексов предроменской поры.

Итак, памятники III—V вв. относятся к единой в своей основе культуре, которую условно можно назвать киевской. Помимо деснинских в нее включаются памятники того же времени в Юго-Восточной Белоруссии, на Киевщине, а также в лесостепном Поднепровье, где они сосуществуют с черняховскими древностями. С последними связана в своем развитии культура колочинского типа, имеющая в целом тот же ареал. Ее следует отличать от культуры того же времени на Смоленщине, в Северной Белоруссии, которая складывается на другой основе и характеризуется иными чертами. Где-то в VII в., вероятно в конце его, на смену колочинским в Подесенье приходят памятники, которые, сохраняя отдельные архаичные элементы, уже во многом отвечают достоверно славянской культуре VIII—X вв., особенно же близкие памятникам волынцевского типа.

¹⁷² Митрофанов А. Г. Новые данные. . . , с. 218—235.

Глава II

ПАМЯТНИКИ СЕРЕДИНЫ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

История исследований

Камнем преткновения в изучении истории лесостепного Поднепровья Г. Ф. Корзухина называла VI—VII вв.¹ и это не было преувеличением. Больше того, ее заключение вполне отвечает и нынешнему положению дел, особенно в отношении Левобережья. Сложные проблемы, затрагивающие и этногенез восточных славян, нередко решаются лишь на основе типологии и картографирования древностей, найденных случайно, в большинстве еще в дореволюционные годы. Это связано с тем, что в лесостепном Левобережье, как и в Подесенье, массовые памятники V—начала VIII в. были открыты лишь в самое последнее время и пока широко не изучались.

Случайные находки древностей, характеризующих V—начало VIII в., в лесостепном Левобережье представлены выемчатыми эмалями и так называемыми древностями антов (или русов).

Эмали, как уже отмечалось, многочисленны в основном на правом берегу Среднего Днепра и в лесной зоне к северу и северо-западу от него, вплоть до Восточной Прибалтики, откуда они ведут свое происхождение. Что же касается лесостепного Левобережья, то здесь эти украшения единичны и к тому же типичны главным образом для северо-западной окраины.²

«Древности антов» в отличие от эмалей связываются, как правило, с лесостепным Поднепровьем. Они состоят из бронзовых и серебряных украшений, относящихся в основном к женскому убору: фибул разных типов, браслетов, височных колец, подвесок и др. Характерны также детали поясного набора. Подобно эмалям, эти древности представлены как кладами, так и отдельно найденными украшениями. Датировка, принятая для них, — VI—начало VIII в.³

Вопрос об этнической атрибуции убора сложен. Обращение к самим древностям дает немного. Формы, характерные для убора, общеевропейские. Некоторые из них, как справедливо отмечал М. И. Артамонов, «восходят к гото-сарматским типам, центр производства которых находился на Боспоре, другие своим появлением обязаны Византии».⁴ А. А. Спицын, первым обративший внимание на эти древности, полагал, что они принадлежали антам.⁵

Б. А. Рыбаков в «Древностях русов» и других работах 50-х гг. пришел, к выводу, что лесостепные клады VI—VII вв. относятся к черняховской культуре, в своей основе славянской. Им высказана также мысль, что

¹ Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. — САУ, 1955, т. 22, с. 64.

² Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 182.

³ Корзухина Г. Ф. К истории. . . , с. 64—82; Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — Докл. Геогр. о-ва СССР, 1970, вып. 15, с. 3—37.

⁴ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 61—62.

⁵ Спицын А. А. Древности антов. — Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. АН СССР, 1928, т. 101, с. 492—495.

клады оставлены не столько антами, сколько русами — одной из этнических групп, скрывавшейся под этнонимом «анты». Связь кладов с русами подтверждается тем, что их ареал «полностью совпадает с летописной (Приднепровской. — *Е. Г.*) Русью». Для IV—V вв. в Среднем Поднепровье Рыбаков выделил две культурные зоны; одна, определяемая по ареалу треугольных фибул с эмалью, охватывает в основном Киевщину; другая соответствует ареалу так называемых двуглавых фибул, т. е. отвечает углу, образованному Росью и Днепром, левому берегу Днепра вплоть до Сулы. Первую зону он априори связал с летописными полянами, вторую — с росомонами (русами). К V—VII вв. относится, по Рыбакову, выделение Приднепровской Руси «как определенного исторического целого». Границы первоначальной Русской земли показывались при этом исходя из распространения «древностей русов». Это лесостепная «полоса от Киева до Курска» с двумя районами: западным, или Киево-Полтавским, с центром на р. Роси, для которого характерны односпиральные височные кольца и зооморфные фибулы; восточным, или Курско-Харьковским, где получили распространение двуспиральные височные кольца.⁶

Доводы, приведенные Б. А. Рыбаковым, не являются достаточно убедительными, что хорошо показано Г. Ф. Корзухиной. Так, нуждается в уточнении карта, составленная Рыбаковым для отдельных украшений, по которым определялись племенные границы. Неточна предложенная им датировка двуглавых фибул. Они принадлежат не к IV—V, а к VII в.; древности же русов — ко времени не ранее VI в., а в основном к VII в.⁷ Нет достаточных оснований связывать с антами черняховскую культуру III—IV вв., поскольку бесспорные сведения об антах относятся к VI в.⁸

Поправки, внесенные М. Ю. Брайчевским в гипотезу А. А. Спицына, вытекают из защищаемой им концепции, согласно которой славяне составляли автохтонное население Среднего Поднепровья.⁹ Совершенно иного взгляда на исторический процесс в Среднем Поднепровье придерживались И. И. Ляпушкин¹⁰ и Г. Ф. Корзухина.¹¹ Ляпушкин утверждал, что черняховская культура прекращает развитие не позже конца IV—начала V в. и не имеет отношения к славянам. Клады, с его точки зрения, не могли быть зарыты оседлым земледельческим населением — антами, так как ни поселений, ни могильников V—VII вв. в лесостепном Левобережье обнаружить не удалось.¹² Корзухина также считала, что историческое и культурное развитие в Среднем Поднепровье I тыс. не было преемственным. Вместе с тем она не согласилась с Ляпушкиным в том, что лесостепные клады оставлены кочевниками. Ни о каком неоседлом населении в полосе лесостепи, писала Корзухина, не может идти речь. Кочевники никогда кладов не зарывают, топография кладов VI—VII вв. дает топографию поселений того же времени.¹³ Корзухина первая указала на различия между лесостепными и степными кладами. Последние, куда всегда входят оружие и конское снаряжение, в действительности представляют собой богатейшие кочевнические погребения. После открытия в Глодосах еще одного

⁶ Рыбаков Б. А. 1) Поляне и северяне. — СЭ, 1947, т. 6—7, с. 99—101; 2) Древние русы. — СА, 1953, т. 17, с. 57—104.

⁷ Корзухина Г. Ф. Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э. Докл. на засед. Ленингр. секции Учен. совета ИА АН СССР 17 дек. 1969 г. — Арх. ЛОИА, к. п. 1962/49 (1).

⁸ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 1968, № 152, с. 9—17.

⁹ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, с. 167—170.

¹⁰ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 181—187;

2) К вопросу о памятниках вольтинцевского типа. — СА, 1959, т. 29—30, с. 58—83;

3) Славяне Восточной Европы. . . , с. 5—22.

¹¹ Корзухина Г. Ф. К истории. . . , с. 61—82.

¹² Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 181—187.

¹³ Корзухина Г. Ф. К истории. . . , с. 61—82.

такого «клада» вместе с пережженными костями¹⁴ этот вывод не может вызывать особые сомнения. Этническая атрибуция кладов лесостепи была признана Корзухиной спорной, неразрешенной.

Предположение Г. Ф. Корзухиной о том, что массовые памятники VI—VII вв. со временем будут открыты в Среднем Преднепровье, оказалось верным. Они стали известны (правда, поначалу только на правом берегу Среднего Днепра) в те же 50-е гг., когда появилась ее работа.

Первыми исследователями их стали украинские археологи В. Н. Даниленко, Д. Т. Березовец, В. П. Петров и др. Новая культура получила название пеньковской благодаря раскопкам поселений у с. Пеньковка в бассейне р. Тясмина.¹⁶

В настоящее время постепенно ликвидируется пробел в отношении массовых памятников середины и третьей четверти I тыс. в Днепровском лесостепном Левобережье. К погребениям у с. Артюховка под Ромнами, открытым еще Н. Е. Макаренко,¹⁶ селищу Курган-Азак и целому ряду подобных ему памятников, ставших известными по работам В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина на Псле и Суле,¹⁷ Э. А. Сымоновича и Ю. А. Липкинга в Курском Посеймье,¹⁸ прибавился и ряд поселений, обследованных в 1971—1975 гг. Днепровским левобережным отрядом ЛОИА АН СССР под руководством автора. При этом удалось выяснить, что одни из них, более северные, имеют все признаки, присущие культуре колочинского типа, тогда как другие, тяготеющие к югу, принадлежат к пеньковской культуре. Среди открытых памятников оказались и такие, которые дают сочетание признаков обеих культур, а также более архаичные, киевского типа.

Большой вклад в изучение колочинских памятников внесли Ю. А. Липкинг и Э. А. Сымонович. Первым исследовались два хорошо сохранившихся могильника с большим числом погребений: один у хут. Княжьего, другой близ с. Лебязьего в том же Курском Посеймье. Сымоновичем здесь велась раскопки ряда поселений со слоями V—VII вв., в результате которых открыты жилища, хозяйственные сооружения.

Одновременно шло изучение и памятников пеньковского типа: Б. А. Шрамко — у с. Задонецкого на Северском Донце,¹⁹ Л. М. Рутковской — близ с. Жовнин в устье р. Сулы.²⁰ На катакомбном могильнике салтовской культуры у с. Дмитровского на р. Короче (бассейн Северского Донца) С. А. Плетневой были открыты первые пеньковские захоронения.²¹ Одним из опорных памятников этого типа на Левобережье стало селище у с. Хитцы под Лубнами, где в 1973—1976 гг. вскрыто 1762 м² площади.

Исследования последних лет показали со всей очевидностью, что мнение И. И. Ляпушкина об отсутствии в лесостепном Левобережье в V—VII вв. оседлости является ошибочным. Оно подверглось критике, которая, однако, была не всегда объективной. Ничем не оправданы, в частности,

¹⁴ Сміленко А. Т. Глодоскі скарби. Київ, 1965.

¹⁵ Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, 1963, № 108, с. 145—208.

¹⁶ Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, 1907, вып. 22, с. 50—54.

¹⁷ Ильинская В. А. Новые данные о памятниках середины I тыс. п. э. в днепровской левобережной лесостепи. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 55—61.

¹⁸ Сымонович Э. А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска. — РВД, 1974, с. 153—154; Мельниковська О. Н., Сымонович Е. О. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї. — Археологія, Київ, 1975, т. 15, с. 75—87; Липкинг Ю. А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье. — РВД, 1974, с. 136—152.

¹⁹ Шрамко Б. А. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АИУ 1969 г., Київ, 1972, с. 125—128.

²⁰ Рутковская Л. М. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області. — Там же, с. 224—229.

²¹ Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного пограничья Хазарского каганата. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 115, 116.

встречающиеся утрирования отдельных высказываний Ляпушкина. Так, он никогда не писал «о культурно-историческом запустении» на Левобережье в V—VII вв., с отрицанием которого выступила В. И. Ильинская,²² оспаривая тем самым мысли, которые никто, кроме нее самой, не высказывал. К тому же, пытаясь доказать, что хиатуса не было, она привлекла памятники разного времени, как V—VII вв., так и более ранние (см. с. 54, 108).

Литература, посвященная изучению культуры пеньковского типа, пока остается противоречивой и не дает ясных ответов на ряд важнейших вопросов, таких как хронология пеньковских древностей, их происхождение, этническая атрибуция, отношение к достоверно славянской культуре VIII—X вв. Д. Т. Березовцом, первым выделившим новый пласт древностей, было высказано мнение о том, что он оставлен славянами, а некоторые его отличия, особенно заметные в керамике, от раннеславянской (корчацкой) культуры являются локальными.²³ Вывод о славянской атрибуции пеньковской культуры получил признание в печати. Он был поддержан многими украинскими археологами-славистами, а также П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым, Э. А. Сымоновичем и др. Правда, полного единства мнений не было достигнуто: если Березовец связывал эту культуру с уличами, то Седов — с антами,²⁴ Третьяков — с антами и полянами.²⁵ Между тем дело обстоит не так просто, как это представлялось исследователям.

Согласно Д. Т. Березовцу, биконическая керамика является признаком славянской атрибуции, поскольку встречается в слоях бесспорно славянских поселений. Этот вывод, однако, не был им обоснован. К числу пеньковских Березовец отнес все те селища, на которых была встречена биконическая керамика, независимо оттого, обнаружена она *in situ* или в переотложенном, нарушенном пахотой слое, содержащем разновременные отложения.²⁶ К тому же анализ керамики из жилищ Луга I показывает, что на этом поселении представлены два разновременных комплекса. Подавляющее большинство жилищ Луга I содержит в основном лепную и раннегончарную керамику VIII—X вв., отдельные же жилища (2, 10, 12, 19, 20) — только чисто пеньковскую из биконических и округлобоких горшков, сосудов-зерновиков с валиком под краем венчика. Первый и второй комплексы обособлены друг от друга и в «горизонтальной стратиграфии».²⁷

Версия Д. Т. Березовца о тясминских памятниках как ряде переходных ступеней к культуре типа Луки-Райковецкой была воспринята в литературе по-разному, но для некоторых этногенетических концепций она стала одним из важнейших звеньев. Так, П. Н. Третьяков, принимая славянство пеньковской культуры за безусловное, видел в близости к ней синхронных древностей Подесенья одно из свидетельств славянской атрибуции последних, а также и зарубинецкой культуры, к которой, по его мнению, они восходят. Связующими элементами деснинской (кояочинской) и пеньковской культур, как он считал, являются керамика, форма жилищ, погребальный обряд.²⁸

²² Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 61.

²³ Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 145—208.

²⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 63—73.

²⁵ Третьяков Д. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.; Л., 1966, с. 271.

²⁶ В этой связи встает вопрос о содержании термина «пеньковский тип». Автор считает возможным связывать с этим термином только комплексы третьей четверти I тыс. с преобладанием характерных форм посуды, и прежде всего биконических и округлобоких горшков. В таком значении данный термин употребляется П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым и др.

²⁷ Приходнюк О. М., Казанський М. М. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясмині. — Археологія, Київ, 1978, т. 27., с. 43—47.

²⁸ Третьяков П. Н. I) Финно-угры. . . , с. 254—265; 2) У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 59—92.

В. В. Седов, как и П. Н. Третьяков, полагает, что пеньковская культура оставлена славянами. Однако если, по Третьякову, ее генетическую основу составили деснинские памятники предшествующей поры, постзарубинецкие, то Седов решает этот вопрос иначе. Согласно ему, пеньковская культура складывается на основе одного из вариантов черняховской культуры, понимаемой им в качестве полиэтничной, связанной кроме антов с готами и сарматами. Такой вывод, как он считает, оправдан, во-первых, тем, что в Черняховских древностях имеются элементы, близкие представленным в культуре последующего времени; во-вторых, известным сообщением Иордана о столкновении антов с готами в середине IV в. Памятники пеньковского типа, по его мнению, составляют одну из трех локальных славянских групп середины I тыс., для каждой из которых характерны определенные жилища и керамика. Другую такую группу образуют памятники с керамикой пражского типа; третью — памятники северной прапольской культуры. Эти три группы соответствуют трем славянским общностям, известным Иордану: пеньковская — антам; пражская — склавинам; прапольская, на севере Польши, — венедам. Лесостепные клады VI—VII вв., по Седову, не могут считаться антскими, так как сосредоточены в основном на левом берегу Днепра, т. е. «вне территории, отводимой антам Иорданом, и содержат преимущественно вещи кочевников». Отсутствие преемственности между пеньковской и последующей славянской культурами он объясняет разгромом антов аварами в начале VII в.²⁹

С некоторыми из выдвинутых В. В. Седовым положений нельзя безоговорочно согласиться. Это касается прежде всего отождествления пеньковских племен с антами. Дело в том, что все достоверные сведения об антах в письменных источниках относятся главным образом к VI в., тогда как пеньковские памятники в своей массе несомненно доживают до конца VII—начала VIII в., т. е. до того времени, когда антского союза племен, очевидно, уже не существовало. Отсутствие хорошо выраженной связи между указанными памятниками и достоверно славянскими VIII—X вв. никак нельзя объяснить, как это делает Седов, разгромом антов аварами в начале VII в. В сообщении Феофилакта Симокатты, из которого исходит Седов, речь идет лишь о намерениях аварского кагана расправиться с антами. Было ли совершено нападение на антов войском Апсиха, а если и было, то какие последствия имело, можно лишь догадываться, ибо ни Феофилакт Симокатта, ни другие византийские историки об этом ничего не говорят.³⁰ Кроме того, ни на одном поселении, относимом Седовым к пеньковской или антской культуре, не обнаружено следов погрома, которые могут быть приписаны аварам. Да и верхней границей пеньковской культуры, как уже говорилось, не может считаться начало VII в. Скорее всего не прав Седов и в утверждении, что лесостепные клады не имеют отношения к пеньковской культуре. «Древности антов» получили распространение в пеньковском ареале и отвечают времени этой культуры. Украшения «антских» типов встречены на многих поселениях, так или иначе связанных с пеньковской культурой: Ханска II, Селиште в Молдавии, Семенки, Гайворон, Скибинцы на Южном Буге, Хитцы, Миклашевский на левом берегу Днепра и, др.

И. П. Русановой одной из первых были рассмотрены пеньковские памятники в качестве самостоятельного явления. В основу деления культур Верхнего и Среднего Поднепровья ею положена типология керамики, при этом для культуры пеньковского типа характерными названы горшки двух видов: биконические и округлобокие. Русанова склоняется к мнению о Черняховском происхождении данных форм. Оно подкрепляется тем

²⁹ Седов В. В. 1) Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 63—73; 2) Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — СА, 1972, № 4, с. 116—129.

³⁰ Феофилакт Симокатта. История/ Ред., вступ, ст. Н. В. Пигулевской. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957, с. 180.

аргументом, что биконическая керамика известна в черняховской культуре. Однако черняховские комплексы с керамикой, близкой пеньковской, сравнительно редки. Отдельные указанные Русановой аналогии (Бовшив, Рипнев и др.) ведут на Вольту, где, как известно, в древностях третьей четверти I тыс. ее практически нет. Кроме того, как отмечает и Русанова, биконические формы вовсе не преобладают в лепной керамике черняховской культуры и «никогда не бывают представленными в чистом виде».³¹ Очевидно и то, что если между пеньковской и предшествующей ей культурой существовали какие-то связи, то они должны обнаружиться не только в керамике, но и в других компонентах.

Помимо И. И. Ляпушкина против версии о раннем расселении славян на Среднем Днепре выступили Г. Ф. Корзухина и М. И. Артамонов. Корзухина, ранее не соглашавшаяся с тем, что клады принадлежали кочевникам, в конце 60-х гг. присоединилась в данном вопросе к Ляпушкину. Кочевниками, оставившими убор, она считала алано-болгар. Исходные положения, выдвинутые ею, заключаются в следующем: убор VI—начала VIII в. по происхождению связан с искусством Крыма и Северного Кавказа; отсутствие в лесостепном Левобережье массовых памятников VI—начала VIII в. означает, что здесь в это время не было оседлости.³² Согласно Артамонову, пеньковские древности и синхронные им клады лесостепи являются ингредиентами одной культуры — «пастырской», принадлежавшей болгарам-кутригурам. Как и Корзухина, Артамонов исходил из того, что в лесостепном Поднепровье в послегуннское время не было оседлости и отождествлял при этом поселения пеньковского типа со становищами кочевников.³³ Однако по топографии и стратиграфии названные поселения ничем не отличаются от достоверно славянских VI—VII вв., располагавшихся к западу от Днепра. Они могут быть сопоставлены и с более северными, колочинскими, у которых, как справедливо отмечал П. Н. Третьяков, в целом тот же характер.³⁴ То, что эти поселения оставлены земледельческим населением, видно из сравнения их с действительными стойбищами, исследованными в Придонье С. А. Плетневой, начисто лишенными культурного слоя, с характерными жилищами-юртами.³⁵

Памятники, отнесенные М. И. Артамоновым к «пастырской» культуре, — разнородные. Здесь и поселение Луг I, главный слой которого принадлежит к культуре типа Луки-Райковецкой и датируется VIII—X вв., и ряд селищ из числа открытых на Левобережье В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным, — Курган-Азак и др., в основном колочинского типа.

К сказанному можно добавить, что ареал пеньковской культуры совершенно не отвечает имеющимся сведениям о расселении в VI—VII вв. болгар-кутригуров, которые локализируются в степной полосе к востоку от Днепра вплоть до Дона, там, где древности, аналогичные лесостепным,

³¹ Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 143—150. — В другой своей работе И. П. Русанова пришла к заключению, что пеньковская культура оставлена постепенно славянизирующимися ираноязычными племенами (см.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 85—112). Однако черты, связывающие пеньковскую культуру с кочевой и полукочевой средой степного Причерноморья, являются привнесенными, ибо они незначительны в этой культуре и прослеживаются лишь на самом позднем этапе ее развития. Вряд ли права Русанова и в отрицании общего между пеньковскими памятниками и деснинскими Колочинского типа. Объединяющие их черты достаточно ощутимы, особенно при сопоставлении с раннепеньковскими деснинскими древностями V в. (Ульяновка, Заярье и др.).

³² Корзухина Г. Ф. Спорные вопросы. . .

³³ Артамонов М. И. 1) Этническая принадлежность и исторического значение на иастирската культура. — Археология, София, 1969, № 3, с. 1—9; 2) Болгарские культуры. . . с. 3—37.

³⁴ Третьяков П. Н. Что такое «пастырская культура»? — СА, 1971, № 4, с. 102—113.

³⁵ Плетнева С. Л. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 13—18.

неизвестны. В то же время письменные источники говорят о расселении славян от Дуная до Днепра. Прокопий же помещает антов еще далее на восток, «к северу от утигуров» — восточных болгар. Как бы ни относиться к данному свидетельству, из него со всей очевидностью следует, что славяне-анты являлись соседями болгар в Поднепровье. По М. И. Артамонову же получается, что славян-антов здесь в VI—VII вв. вообще не было и они граничили с болгарями где-то на Южном Буге или южных притоках Припяти, но это более чем сомнительно.

Итак, с открытием пеньковской культуры стало очевидно, что разработка проблемы заселения славянами Среднего Поднепровья и этнической атрибуции кладов уже не может основываться исключительно на анализе предметов убора. Много в изучении этой культуры уже сделано, но по ряду вопросов пока приходится довольствоваться спорными решениями.

Новые данные о памятниках III—V вв.

В литературе давно укрепилось мнение, что гуннское нашествие в конце IV в. нарушило ход исторического развития в Среднем Поднепровье и привело к значительным этническим сдвигам или даже полной смене населения. Для доказательства приводится тот довод, что культура V—VIII вв. не имеет ничего общего с предшествующей, черняховской. Исследования последних лет в целом подтверждают это представление, но вместе с тем вносят в него существенные поправки. Есть все данные, что культура послечерняховской поры в северной части лесостепного Левобережья складывается на местной основе. Последняя, однако, не тождественна черняховской культуре, широко представленной во всем лесостепном Левобережье, включая его северное пограничье. Ее образуют памятники того же времени, но иного характера — аналоги Курган-Азака и Сенчи, которые принадлежат к раннему варианту колочинской культуры и генетически связаны с киевскими древностями (рис. 15, П).

Здесь относятся, как уже говорилось, отдельные селища из числа обнаруженных В. А. Ильиной в 1966 г., неточно датированные ею V—VII вв. Это прежде всего Курган-Азак, на котором при обследованиях О. В. Сухобокова найдены подвязная фибула и отдельные обломки гончарной посуды, типичной для Черняховских древностей. Гончарной керамикой определяется время селища, но не культурная атрибуция, ибо обломки ее единичны и не образуют самостоятельного комплекса. Это показывает и анализ лепной посуды, состоящей в основном из выпуклобоких горшков, «иногда с мягко выраженным ребром, широкой верхней частью и узким дном», а также из «дисков», сковородок с низким бортиком. Встречена и чернолощенная керамика «зарубинецкого облика».³⁶

В Курском Посеймье к аналогичным памятникам относятся селище Лебяжье IV,³⁷ нижние горизонты Волинцева,³⁸ Воробьевки 2.³⁹ В верхнем и среднем течении р. Сулы ряд селищ обнаружен Днепровским левобережным отрядом. Одно из них, перекрытое древнерусским слоем, находится у с. Сенча на острове р. Сулы. На нем велись небольшие раскопки. На селище у с. Хитцы под Лубнами (нижнее течение р. Удая) выделяется пеньковский комплекс, во многих элементах близкий киевской и колочинской культурам. Для рассматриваемых древностей характерна лепная

³⁶ Сухобоков О. В. 1) Поселение середины I тыс. н. э. близ с. Курган-Азак Сумской области. — АИУ 1968 г., Киев, 1971, с. 229—233; 2) Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975, с. 29—39.

³⁷ Липкинг Ю. А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском. — АО 1968 г., М., 1969, с. 62.

³⁸ Фонды ИА АН УССР.
³⁹ Сымонович Э. А. 1) Новые открытия. . . , с. 153—158; 2) Поселение Воробьевка 2 в Курской области. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 76—83.

керамика тех форм, которые господствуют и в комплексах, бесспорно принадлежащих V—VII вв. Она встречается в разном соотношении с гончарной посудой Черняховского типа. Особенно выразительны комплексы селищ Курган-Азак, Сенча, Хитцы, в которых перевес имеют лепные горшки трех основных видов: тюльпановидные, цилиндрико-конические, биконические (рис. 16, 17). Много глиняных «дисков», сковородок с низ-

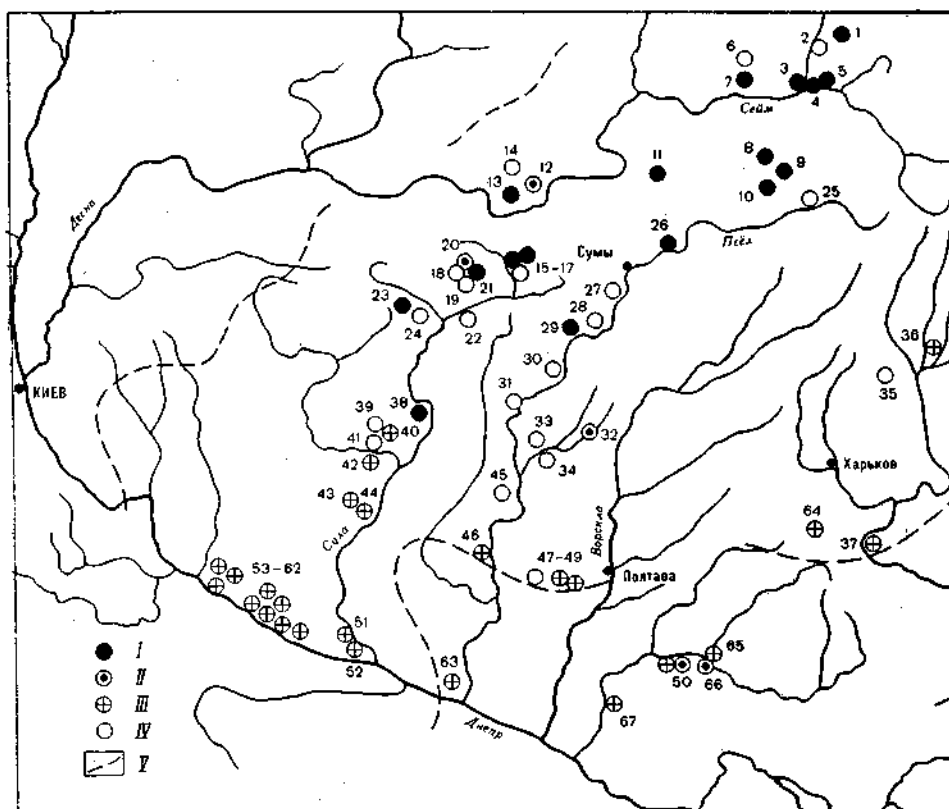

Рис. 15. Размещение памятников киевской, колочинской и пеньковской культур в лесостепном Левобережье.

I — колочинская культура; II — киевские памятники; III — пеньковская культура; IV — памятники неустановленного типа; V — граница лесостепи. 1 — Воробьевка 2; 2 — Газово; 3 — Курск (возле Кировского моста); 4, 6 — Лебяжье; в — Колосовка; 7 — Авдеево; 8 — Казачья Локня; 9 — Княжий; 10 — Суджа; 11 — Комаровка; 12 — Вольнцево; 13 — Чаплище; 14 — Волокитино; 15—17 — Большие Будки; 18, 19 — Томашевка; 20 — Беседовка; 21 — Раковая Сечь; 22 — Правдоки; 23 — Артоховка; 24 — Артоховка—Лесковщина; 25 — Шмырево; 26 — Груновка; 27 — Низы; 28 — Писковка; 29 — Курган-Азак; 30 — Плешивец; 31 — Рашево; 32 — Вовки; 33, 34 — Лютенские Будища; 35 — Топлинка; 36 — Дмитровское; 37 — Задонецкое; 38 — Сенча; 39 — Вороньки; 40 — Вороньки—Поздняки; 41 — Городище; 42 — Хитцы; 43, 44 — Малый Вязивок; 45 — Макаренков; 46 — Писаревщина; 47 — Прокоповка; 48 — Демидовка; 49 — Полтавцы; 50 — Чернечина; 51 — Миклашевский; 52 — Жовнин; 53 — Домантово; 54 — Коробовка; 55, 56 — Крутьки; 57 — Васютинцы; 58 — Мельники; 59 — Мойсинцы; 60 — Иркилов; 61 — Котлов; 62 — Самовица; 63 — Радуцковка; 64 — Занки; 65, 66 — Осиповка; 67 — Лисовка.

ким брртиком. Такого же характера керамика была найдена И. И. Ляпушкиным в Сенче еще в 1948 г. при обследовании городища древнерусской поры. Она была ошибочно датирована им эпохой бронзы.⁴⁰ Среди керамики, собранной Ляпушкиным, обращают на себя внимание обломки корчаг, в том числе с налепным валиком под венчиком.⁴¹ По профилировке они аналогичны тем, что известны среди древностей колочинского, а также и корчакского типов.

Гончарная керамика III—IV вв. из Сенчи представлена всего тремя фрагментами: двумя от серых лощеных мисок на плитчатом поддоне,

⁴⁰ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 340, 341.
⁴¹ Фонды Гос. Эрмитажа.

третьим от светлоглиняной амфоры (рис. 16, 10, 12, 13). Таким образом, и на этом поселении нет комплекса черняховской культуры. Еще один важный момент заключается в том, что среди черняховской керамики, встречаемой на таких селищах, отсутствуют «кухонные» горшки. Это «столовая» лощеная посуда, в основном миски, своего рода импорт, с чем также нельзя не считаться при выяснении культурной принадлежности рассматриваемых древностей. То, что лепная баночная и реберчатая посуда подчас входит в один комплекс с гончарной черняховской, доказывается и работами в Авдееве, Воробьевке 2, Колосовке, где обнаружены глина-

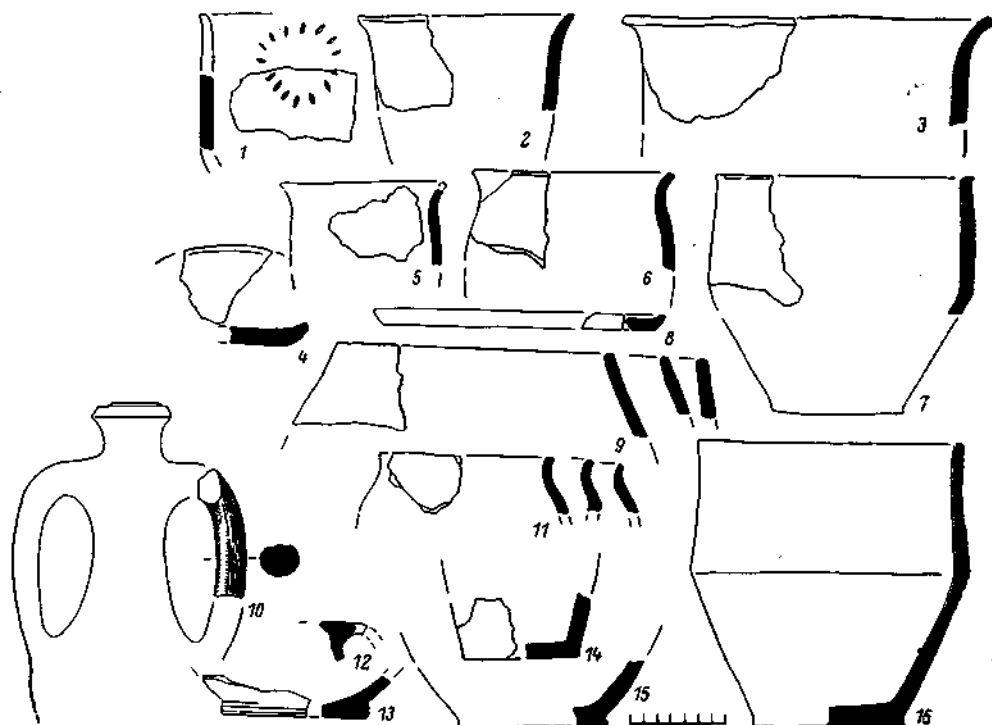

Рис. 16. Сенча. Лепная (1—9, 11, 14—16) и гончарная (10, 12, 13) керамика.

ные очаги с подом на вымостке из керамики того и другого типа. В развале печи на селище Лебяжье IV Ю. А. Липкингом наряду с гончарной черняховской керамикой найден баночный сосуд вытянутых пропорций, который не отличается от деснинских сосудов V вида.⁴²

Как показывает Э. А. Сымонович, в Курском Посеймье часто встречаются поселения, содержащие наряду с грубой лепной керамикой гончарную, типично черняховскую. Исследователь связывает эти памятники исключительно с черняховской культурой.⁴³ Однако само по себе присутствие на поселениях гончарной керамики не может считаться надежным критерием для определения их природы, тем более что речь идет о Курском Посеймье — периферии черняховской культуры. Среди селищ, открытых здесь Сымоновичем, возможно, имеются как раннекологичинские, так и предшествующие им киевские.

Памятники типа Курган-Азака и Сенчи в лесостепном Левобережье-отличны от Черняховских не только по характеру керамики. Некоторые различия видны и в их топографии. Так, первые никогда не располагаются

⁴² Липкин Ю. А. Раннеславянские памятники. . . , с. 62.

⁴³ Сымонович Э. А. Северная граница памятников черняховской культуры. — МИА, 1964, № 116, с. 7—43.

на краю балок, удаленных от рек, на высоких плато коренного берега, тогда как в черняховской культуре поселения с такой топографией известны хорошо. Далее, Черняховские поселения нередко имеют большие размеры. Отдельные из них тянутся на несколько сот метров, иногда до 1 км и более. Во время обследований Днепрового левобережного отряда такие поселения обнаружены у сел Лютенские Будища, Короливщина, Фоминцы и др.⁴⁴ Селища же с лепной керамикой всегда небольшие, подобные известным для того же времени в Подесенье или Киевском Полесье.

Жилища на поселениях только полуземляночные или близкие к ним, площадью 16—20 м², с открытым очагом или глиняной печью (?). Точно

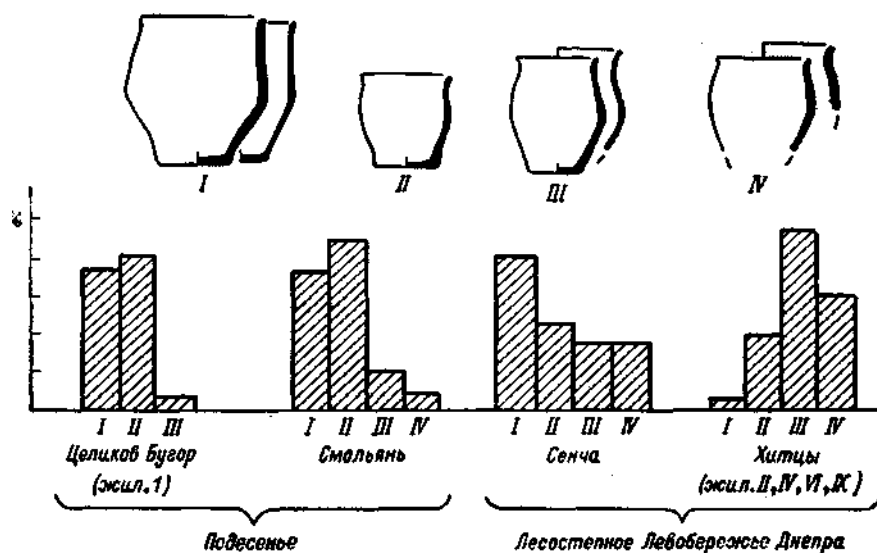

Рис. 17. Основные виды керамики типа найденной в Курган-Азаке и Сенче, распределение их на отдельных памятниках лесной и лесостепной зон.

так же как у жилищ в Подесенье, у них есть центральный столб. Такие жилища открыты в Лебяжьем IV, Колосовке⁴⁵ и на некоторых других селищах. Они не имеют ничего общего с характерным для черняховской культуры Среднего Поднепровья двухчастным наземным домом с глиняными стенами на столбах и большими глиняными очагами. В 1974 г. подобный дом был открыт Г. А. Усовой в уроч. Долгий Яр у с. Артюховка под Ромнами.⁴⁶ Известны они и по раскопкам других поселений в Среднем Поднепровье.⁴⁷

Могильники, которые можно было бы соотнести с поселениями типа Курган-Азака и Сенчи, в лесостепном Левобережье неизвестны, если не считать погребального поля, обнаруженного еще Д. Я. Самоквасовым в 1909 г. на дуне правого берега Псла у д. Шмырово.⁴⁸ Погребения содер-

⁴⁴ Горюнов Е. А., Пескова А. А. Работы в Днепровом лесостепном Левобережье. — АО 1972 г., М., 1973, с. 271, 272.

⁴⁵ Липкин Ю. А. Раннеславянские памятники. . . с. 62; Сымонович 9. А. Отчет о работе в Курской области в 1971 г. — Арх. ИА АН СССР, р-1, № 4478, 4478а.

⁴⁶ Горюнов Е. А., Пескова А. А., Усова Г. А. Работы Днепрового левобережного отряда. — АО 1974 г., М., 1975, с. 269.

⁴⁷ Махно б. В. 1) Ягнятинська археологічна експедиція. — АП, 1952, т. 3, с. 154—157; 2) Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. — Там же, с. 231—241; Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы. — МИА, 1967, № 139, с. 39.

⁴⁸ Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях г. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915, с. 3—5.

жали пережженные кости. В одном из них найдена бронзовая подвеска-лунница с эмалевой вставкой (рис. 12, 2). И. И. Ляпушкин включил указанные погребения в каталог Черняховских древностей.⁴⁹ Однако их расположение на дюне, что совершенно необычно для черняховской культуры, характер погребений, наконец, подвеска, типичная для северных древностей III—V вв., — все это не согласуется с предложенной Ляпушкиным атрибуцией.

Итак, можно полагать, что лесостепные памятники, подобные селищам; Курган-Азак и Сенча, относятся к раннеколочинской культуре, сосуществующей с черняховской. Эта культура в лесостепном Левобережье, как и во всем своем ареале, имеет местные, киевские корни. По сути дела, в ней можно видеть ту же киевскую культуру, только сильно осложненную черняховским воздействием. Правда, родство колочинских и киевских древностей в лесостепи пока не проявляется столь же отчетливо, как в Подесенье, но это скорее всего объясняется недостаточной изученностью тех и других. Особенно мало исследовались здесь киевские древности. Подобно раннеколочинским, они хронологически связываются с черняховской культурой, но среди них есть и более ранние, предшествующие последней. Об этом можно судить по находкам в Осиповке обломков амфор I—III вв.⁵⁰ Фрагмент двучленной фибулы II в. (группа 10, подгруппа 2 — по А. К. Амброзу) найден на селище Вовки (рис. 13, 3).

В настоящее время хронология киевских древностей лесостепи не определяется с достаточной точностью. Наиболее вероятно, что в целом они не выходят за пределы II—IV вв. и смена их колочинской культурой приходится на несколько более раннее время, чем в Подесенье.

Складывается ли пеньковская культура на той же основе, что и колочинская, или она имеет иные корни, сказать пока трудно. В местах ее распространения (в III—IV вв.) известны почти исключительно черняховские памятники. Довольно часто на них встречается лепная керамика, мало чем отличающаяся от пеньковской. Однако далеко не всегда можно быть уверенным, что лепная керамика в этих случаях не принадлежит к более поздним слоям. На Правобережье есть и поселения, на которых Черняховский и пеньковский комплексы явно обособлены друг от друга, различаясь и характером жилищ. Примером может служить с. Леськи близ г. Черкассы, где М. Ю. Брайчевским были обнаружены два находившихся в непосредственной близости друг от друга поселения: одно с «усадьбами», представленными развалами стен больших наземных домов, помещений для скота, сараев; другое же в отличие от первого, содержавшего в основном не гончарную, а лепную керамику и не черняховскую, а пеньковского типа, имело углубленное жилище со сторонами около 4 м, с печиной в заполнении. В центре его находилась яма диаметром 0.6—0.9 м, глубиной 0.5—0.55 м, возможно, от опорного столба, хотя исследователи допускают, что она «была предпечной».⁵¹

Известен, однако, и ряд памятников (Черняхов, Рипнев I и др.), на которых лепная биконическая керамика входит в Черняховские комплексы. Для Правобережья такие случаи отмечены И. П. Русановой.⁵² На Левобережье тоже встречены поселения, в керамике которых, в целом имеющей пеньковский характер, выделяются отдельные Черняховские элементы. Одно из них — Полтавцы на правом берегу р. Полуозерье, близ г. Полтавы, открытое Днепровским левобережным отрядом в 1971 г. Среди керамики здесь преобладают обломки небольших лепных горшков биконической формы. Вместе с ними в яме-погребке найден венчик — «воротник» гончарного лощеного сосуда Черняховского типа. Поскольку четких куль-

⁴⁸ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 175.

⁵⁰ Телегин Д. Я., Беляева С. О. Памятники раннеслов'янського часу на Орелі. — Археологія, Київ, 1975, т. 18, с. 95—99.

⁵¹ Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение. . . , с. 48.

⁵² Русанова И. П. О керамике. . . , с. 143—150.

турных наслоений III—IV вв. не обнаружено, можно думать, что он относится к пеньковскому комплексу не позже V в. Такими же особенностями отмечена керамика селища, расположенного в устье р. Сулы недалеко от с. Жовнин. Раскопками Л. М. Рутковской в 1969 г. здесь вскрыты сильно разрушенные жилища с лепной, в основном биконической, керамикой. Отсюда же происходит миска, по форме близкая черняховской керамике. Селище датируется V в.⁵³

Случаи переживания черняховских элементов, как и связь биконической керамики с черняховскими слоями, еще не принадлежат к достаточно выверенным фактам. Однако если даже это в дальнейшем и найдет подтверждение, то все равно мало что сможет раскрыть в отношении генезиса пеньковской культуры, поскольку остальные ее компоненты не находятся в родстве с черняховской культурой.⁵⁴ По происхождению она, очевидно, связана не столько с черняховской культурой, сколько с какой-то другой, остающейся пока невыделенной, что при слабой изученности древностей III—V вв. на Левобережье представляется вполне допустимым. Ведь всего несколько лет назад в лесостепном Левобережье совершенно не было известно ни пеньковских, ни колочинских памятников и существовало мнение, что здесь ничего подобного и не должно быть. Можно также предположить, что пеньковская культура, как и колочинская, складывается на киевской или близкой к ней основе. В этом отчасти убеждает открытие на Левобережье памятников киевской культурной общности.

Памятники, близкие к киевским, как уже говорилось, обнаружены и на Южном Буге, причем здесь они безусловно связаны в своем развитии с пеньковскими. В них найдены углубленные жилища с печью или открытым очагом и керамика, в некоторых формах которой можно видеть прототипы более поздних сосудов, VI—VII вв.⁵⁵

Такой же характер имеет ранний горизонт селища Хитцы в лесостепном Левобережье. В нем вскрыты три культурных горизонта. У двух нижних не отмечено резких отличий в характере жилищ и керамике — они относятся к пеньковской культуре. Третий горизонт принадлежит к кругу славянских древностей вольтинского типа (см. с. 64, 126, 127, рис. 50).

Жилища двух первых горизонтов во всем подобны деснинским, киевским и более поздним. Они полуземляночные, в плане квадратные, с центральным столбом и без него. Длина их стен от 4 до 5,4 м. С обоими горизонтами связываются одинаковые по форме и размерам ямы-погребя. Общее между ними заметно и в керамике, лепной, с одним набором форм, представленным горшками, корчагами, мисками, сковородками и «дисками». Там и здесь среди горшков преобладают биконические и округлобокие. Ко второму горизонту относятся отдельные обломки гончарной «пастырской» посуды и амфор. Характер керамики, а также находки двух бронзовых браслетов круга «древностей антов» позволяют датировать данный горизонт второй половиной VI—VII в. Первый горизонт типологически связан со вторым и, следовательно, тоже является пеньковским, но более раннего времени. В этом можно быть уверенным еще и потому, что в двух его жилищах (VI и IX) были найдены обломки гончарных лощеных мисок черняховского типа.

Северные черты присущи не только жилищам раннего горизонта, их не лишена и его керамика. Среди последней имеются тюльпановидные сосуды, которые подобны деснинским второго варианта IV вида. Они аналогичны и встреченным на селищах Курган-Азак и Сенча. Есть здесь и близкие им горшки, но с четким ребром, а также баночные, обычные, как и первые, для Подесенья. Наконец, этот горизонт содержит обломки боль-

⁵³ Рутковская Л. М. Дослідження. . . , с. 224—229.

⁵⁴ Седов В. В. Формирование славянского населения. . . , с. 126.

⁵⁵ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 181—215.

ших сосудов с высоким, слегка суженным горлом, типичных для того же круга северных древностей.

Северные элементы не являются чем-то исключительным и для пеньковской культуры Правобережья. Так, на селищах Молочарня и Луг I на р. Тясмине встречены обломки сосудов, аналогичных деснинским IV и V видов.⁵⁶ На селище Луг I найден также сосуд VII вида — цилиндрикоконический.⁵⁷ Колочинские черты прослеживаются и на керамике могильника 3 у с. Большая Андрусовка в низовьях того же Тясмина. Указывая на это, В. Н. Даниленко даже отрицает его пеньковскую атрибуцию,⁵⁸ которая была установлена Д. Т. Березовцом.⁵⁹ Отдельные северные элементы, как уже говорилось, наблюдаются в древностях середины I тыс., изучаемых П. И. Хавлюком на Южном Буге. Существует мнение, что северные элементы в данном случае не имеют отношения к пеньковскому субстрату, а связаны с влиянием собственно-колочинской культуры VI — VII вв. Но можно ли все и везде свести к такому влиянию? Анализ комплексов селища Хитцы, отдельных памятников Южного Побужья, Потясминья не убеждает в этом. Местная киевская или близкая к ней подоснова пеньковской культуры вполне вероятна.

Поселения и могильники третьей четверти I тыс. н. э.

Лесостепные памятники послечерняховского времени, открытые на Левобережье лишь в середине 60-х гг., поначалу предстали аморфными. Они и сейчас остаются во многом неизученными, но отдельные их черты все же обрисовываются довольно четко. Как уже говорилось, эти памятники неоднородны и делятся на две локальные группы: северную и южную. Первая из них относится к той же культурной общности, что и десятки памятников, обнаруженных в течение двух последних десятилетий в поречье Десны, а также в Юго-Восточной Белоруссии («быховская культура» — по Л. Д. Поболу).

Поздний пласт колочинских древностей в лесостепном Левобережье мало чем отличается от раннего, о котором шла речь выше. Поселения в большинстве располагаются в низких местах, граничащих с поймой, и имеют небольшие размеры. Толщина культурного слоя, как правило, не превышает 0.3—0.4 м. Оборонительные укрепления отсутствуют. Они обнаружены лишь на поселении у с. Большие Будки, которое занимает останец второй надпойменной террасы р. Терна (приток Суды). По склону останца проходят вал и ров, а с юго-западной стороны — еще два ряда валов.⁶⁰

Жилища открыты в Воробьевке 2, Комаровке и на юго-западной окраине с. Большие Будки. В Воробьевке 2 Э. А. Сымоновичем [раскопана землянка размерами 3.8x3.4 м, с центральным столбом и открытым очагом.⁶¹ Подобное жилище, но сильно разрушенное, обнаружено им и на селище у с. Комаровка на р. Снагости (приток Сейма). Удалось установить длину одной из его стен — 4.2 м. В полу прослежен ряд ям, одна из которых, возможно, от центрального столба.⁶² На селище Большие Будки Днепровским левобережным отрядом в 1972 г. вскрыт угол разрушенной обрывом реки землянки. На селищах Комаровка и Воробьевка 2 исследова-

⁵⁶ Фонды ИА АН УССР.

⁵⁷ Березовец Д. Т. Поселения улицей. . . , рис. 9, б.

⁵⁸ Даниленко В. М. Пізньюзарубинецькі пам'ятки кївського типу. — Археологія, Київ, 1976, т. 19, с. 88.

⁵⁹ Березовец Д. Т. Могильники улиців у долині р. Тясмину. — СРС, 1969. с. 58—71.

⁶⁰ Ильинская В. И. Новые данные. . . , с. 60.

⁶¹ Сымонович Э. А. Поселение Воробьевка 2. . . , с. 77, 78.

⁶² Мельниковська О. Н., Симонович Е. О. Розкопки. . . , с. 75—87.

лись также ямы-погребя. Форма и размеры их обычны для всего ареала колочинской культуры.

Положение дел с изучением погребального обряда несколько лучше благодаря открытию Ю. А. Липкингом двух хорошо сохранившихся могильников: Лебяжьего I, в 8 км севернее Курска, и Княжьего, под Суджей.⁶³ В первом на вскрытой площади (почти 2000 м²) обнаружено 110 погребений, у хут. Княжьего (около 100 м²) — 25. Отдельные погребения исследовались А. Е. Алиховой и Э. А. Сымоновичем у с. Авдеева.⁶⁴ Н. Е. Макаренко они открыты у с. Артюховка.⁶⁵ Последние, возможно, относятся не к V—VII вв., как это принято считать, а к IV—V вв. Урнами в Артюховке служили реберчатые горшки, которые в полосе лесостепи и на Десне в окрестностях Чернигова, по-видимому, более характерны для древностей раннеколочинского круга. Во всяком случае в керамике Лебяжьего I и Княжьего, твердо датированных VI—VII вв., аналогичные формы отсутствуют и имеются лишь близкие к ним.

Погребения могильников только бескурганые, с сожжениями. В Лебяжьем I они в большинстве безурновые (около 69%), в Княжьем — с урнами (почти 70%). Могильные ямы небольшие, округлые в плане, диаметром до 1 м, реже — удлиненные. Глубина их около 0,4 м. Подобные ямы выкапывались и для урн. Захоронения в основном одиночные. В отдельных случаях пережженные кости прикрыты перевернутым вверх дном сосудом. В ямных погребениях пережженные кости перемешаны с углями или очищены от них; в урнах они, как правило, только очищенные. В некоторых погребениях найдены сосуды-приставки или отдельные обломки керамики, кости животных, а также вещи: ножи, пряжки, украшения, детали поясного набора и пр.

Все элементы обряда, характерные для Лебяжьего I и Княжьего, свойственны колочинской культуре. Аналоги Лебяжьего I и Княжьего — Новый Быхов и Тайманово в Юго-Восточной Белоруссии, где также преобладают безурновые захоронения. В Тайманове их открыто 143 (86,8%), в Новом Быхове — 38 (больше 90%). Подобно тому как это наблюдается в Лебяжьем I и Княжьем, многие погребения содержат золу и угли. В Тайманове таких погребений 128 (77,4%), в Новом Быхове — 29 (73%). Встречены в них и урны, поставленные вверх дном. Могильник в уроч. Подлужье у д. Нижняя Тощица, находящийся недалеко от Новобыховского, имеет несколько иные черты. Из 12 его погребений почти половина — урновые. Кроме того, в большинстве их пережженные кости оказались очищенными от золы и углей.⁶⁶ В этом отношении погребения Нижней Тощицы ближе к культуре корчацкого типа, для которой, как отмечает И. П. Русанова, более характерны урновые погребения с очищенными пережженными костями.⁶⁷ С кругом Тушемли и Банцеровщины в литературе связываются в целом близкие могильники Акатово и Узмень.⁶⁸ Оба с бескурганскими захоронениями по обряду сожжения на стороне, урновыми и ямными. В Акатове открыто 46 погребений, из которых к V—VII вв. Е. А. Шмидт относит 37 (15 урновых и 22 ямных), в Узменьском, где имеется 16 погребений, урновых всего два, остальные ямные. Пере-

⁶³ Липкинг Ю. А. Могильники. . . , с. 136—152.

⁶⁴ Алихова А. Е. Авдеевское селище и могильник. — МИА, 1963, № 108, с. 83.

⁶⁵ Сымонович Э. А. Новые открытия. . . , с. 153—158.

⁶⁶ Макаренко Н. Е. Отчет. . . , с. 38.

⁶⁷ Поболь Л. Д. 1) О новых археологических памятниках БССР (VI—IX вв.). — В кн.: Славянские средиземноморские свят VI — XI век. София, 1973, с. 221—237; 2) Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. — РВД, 1974, с. 159—180.

⁶⁸ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25, с. 27.

⁶⁹ Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. — МИА, 1963, № 108, с. 51—67; Миносян Р. С. Работы в окрестностях пос. Усвяты. — АО 1973 г., М., 1972, с. 19.

жженные кости почти во всех случаях перемешаны с остатками погребального костра. В некоторых погребениях урна прикрыта сверху более крупным сосудом («клошем»). Такие погребения открыты А. Г. Митрофановым и близ д. Ревячки Минской области.⁶⁹

В численном преобладании урновых захоронений над ямными заключается одно из отличий достоверно славянской корчакской (пражской) культуры от колочинской и более северной типа верхних слоев Тушемли и Банцеровщины. В целом же характер погребального обряда во всех этих культурах одинаков. Славянские погребения далеко на западе, в Приэльбе,⁷⁰ или в том же Поднепровье не имеют признаков, чуждых колочинской культуре.

Колочинская атрибуция Лебяжьего I, Княжьего и других памятников лесостепи устанавливается по керамике. Типична грубая лепная посуда с примесью шамота и песка в тесте. Кроме шероховатой и бугристой изредка попадаетея и подлощенная керамика. Орнаментация, как правило, отсутствует. Основные формы — горшки, сковородки с низким бортиком, «диски». Спорадически попадаются миски. В Лебяжьем I и Княжьем найдено много целых сосудов (около 40). Выразительная керамика с чертами, которые свойственны только колочинским комплексам, встречена и на ряде поселений V—VII вв.: Суджа, Воробьевка 2, Комаровка, Ярлуково и др. Из Лебяжьего I происходят сосуды двух основных видов: баночные вытянутых пропорций, с выделенной шейкой; раскрытые с выпуклыми боками и широкой верхней частью. Те и другие находят соответствия в деснинской керамике V—VII вв. Редкие формы Лебяжьего I представлены биконическим горшком с оттянутым валиком на ребре (погр. 20) и небольшим сосудом, снабженным тремя ушками с отверстиями (погр. 92). В Княжьем урнами служили горшки, близкие таковым IV вида и второго варианта I вида деснинской керамики.⁷¹

Хронология рассматриваемых древностей определяется на основе их культурной атрибуции, а также по отдельным находкам (рис. 14). В нескольких погребениях Лебяжьего I встречены обломки бронзовых браслетов, имеющих утолщенные концы с двумя-тремя рядами кольцевых линий. Целый такой браслет найден на городище у с. Большие Будки. Браслеты этого типа известны как в комплексах с выемчатыми эмалями, так и в лесостепных кладах VII в. В Лебяжьем I есть также височные кольца, которые по форме не отличаются от браслетов. Они аналогичны найденным в Акатове.⁷² Из Лебяжьего I происходят несколько бляшек от наборных мужских поясов (погр. 3, 12, 67, 68), пряжка с прорезным щитком (погр. 3),⁷³ пирамидальная подвеска с колечком, наконечник ремня. Аналогии отдельным бляшкам, пряжке, подвеске можно найти в «антских» кладах VII в.: Новосуджанском, Хацковском и др.⁷⁴ Несколько шире датируются железные В-образные пряжки из погребений того же Лебяжьего I. Железные пряжки, близкие к овальным V—VII вв., обнаружены в Княжьем и Авдееве.⁷⁵ Такие пряжки связываются с древностями как V в., так и более позднего времени, в частности с так называемыми аваро-славянскими в Словакии.⁷⁶ В Княжьем и Комаровке 2 представлены браслеты с массив-

⁶⁹ Митрофанов А. Г. Селище и могильник V—VI вв. н. э. — АО 1973 г., М., 1974, с. 377, 378.

⁷⁰ Горюнов Е. А. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. — СА, 1970, № 4, с. 289—307.

⁷¹ Липкин Ю. А. Могильники. . . , с. 137—151.

⁷² Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники. . . , рис. 12, 1, 4.

⁷³ Липкин Ю. А. Могильники. . . , рис. 5, 10—16.

⁷⁴ Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 77 ел.; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 91—123.

⁷⁵ Липкин Ю. А. Могильники. . . , рис. 2, 10, 11; Сымонович Э. А. Новые открытия. . . , рис. 1, 3.

⁷⁶ Eisner I. Devínska Nova Ves. Bratislava, 1952, obr. 43, 2; 69, 8, 9. О хронологии овальных пряжек см.: Poulik I. Staroslovanská Morava. Pragae, 1948, s. 92. О хроноло-

ными концами, имеющими нечеткие грани. Они идентичны встреченным на городище Зимно, в Скибинцах, в прибалтийских древностях и датируются в пределах V—VII вв.⁷⁷ Бронзовый браслет с расширенными орнаментированными концами из Воробьевки 2 находит аналогии в комплексах этого же времени. Для V—VII вв. характерен также тип наконечников копий или дротиков из Княжьего.⁷⁸ Трапецевидные подвески из Воробьевки 2 и Лебяжьего I не орнаментированы и отличаются большими размерами. Такие же крупные подвески есть в лесостепных кладах VII в. (Хацки, Новая Одесса, Козиевка и др.),⁷⁹ найдены они и в пеньковских погребениях (Волошское, о-в Кизлевый).⁸⁰

Хронология рассматриваемых древностей может быть предварительно определена V—VII вв. Общие же рамки колочинской культуры, судя по ранним комплексам, хронологически связывающимся с Черняховскими древностями, более широкие. Скорее всего они соответствуют концу IV—VII в. Нижняя граница определяется в известной мере условно, ибо, как уже говорилось, колочинская культура наследует многие черты предшествующей киевской, являясь прямым ее продолжением.

Памятники другой группы левобережного Поднепровья относятся к числу так называемых пеньковских, открытых впервые на Правобережье и до последнего времени там только и изучавшихся. Ареал этой культурной общности на Левобережье можно наметить лишь приблизительно (рис. 15, III). Трудности с его определением связаны не только с отрывочным характером проведенных поисков. Дело заключается и в том, что резкой границы между пеньковской и колочинской культурами, видимо, не было. Несомненно, что ареал охватывает нижнее и отчасти среднее течение Суды, Пела и Ворсклы, достигая на востоке поречья Северского Донца. Об этом можно судить по исследованиям С. А. Плетневой на салтовском катакомбном могильнике близ с. Дмитровского, где выявлено несколько погребений по обряду кремации, сопровождавшихся лепной керамикой пеньковского типа.⁸¹ Несколько южнее на Северском Донце, у с. Задонецкое, селище пеньковского типа открыто Б. А. Шрамко.⁸²

Южная граница пеньковского ареала заходит в степь, спускаясь на юг до Надпорожья. Характерная лепная керамика найдена Л. М. Рутковской на р. Ореле.⁸³ На рр. Удае и Слепороде (притоки Средней Сулы) находятся самые северные памятники этого типа. Они обнаружены разведками Днепровского левобережного отряда в 1972 и 1973 гг. Пеньковских памятников на Левобережье ныне около 30 (рис. 15, III). Они известны главным образом по разведкам и небольшим раскопкам. Последние велись на селищах Задонецкое, Жовнин, Домантово, Хитцы. В первом обнаружены ямы-погребя,⁸⁴ на других исследовались и жилища. В Домантове С. С. Березанской раскопано жилище, близкое к полуземляночному, раз-

гии В-образных см.: *Werner I.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956; *Godlowski K.* The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970; *Böhme H. W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. — Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, München, 1974, Bd 19.

⁷⁷ *Ауліх В. В.* Зимнівське городище. Київ, 1972, табл. XIII; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения. . . , рис. 5, 6; *Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavicius A.* Lietuvos archeologijos bruoza. Vilnius, 1961, s. 344.

⁷⁸ Ср.: *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Berlin, 1961, S. 22. Abb. 8, A, c—e; *Jansord L.* Hradiste nad zavisti v období pozne rimskem a v dobe stehovani narodü. — PA, 1971, t. 62, obr. 22, 2.

⁷⁹ *Рыбаков Б. А.* Древние русы, с. 23—104, рис. 7, а; Арх. ИА АН УССР, ф. 7 (А. С. Федоровский), д. 3, табл. 5.

⁸⁰ *Березовец Д. Т.* Поселения улочей. . . , с. 197—199.

⁸¹ *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности. . . , с. 115 сл.

⁸² *Шрамко Б. А.* Дослідження. . . , с. 125—128.

⁸³ *Рутковская Л. М.* Исследования раннесредневековых памятников на" р. Орель в 1968 г. — АИУ 1968 г., Киев, 1971, с. 47—49.

⁸⁴ *Шрамко Б. А.* Дослідження. . . , с. 125—128.

мерами 5.3x4.8 м, глубиной 0.2 м. Возле восточной стены находился очаг из камней, округлой формы, диаметром около 1 м.⁸⁵ В том, что это был именно открытый очаг, а не печь, однако, нет уверенности. Массивные камни лежали лишь по краям очага и только с трех сторон: северной, восточной и южной, а это больше напоминает развал печи. Два жилища, открытых Рутковской на селище у с. Жовнин в устье р. Суды, плохо сохранились. Они наземные: одно с развалом печины от очага или печи, с другим связывается обрушенная «глинобитная [стена».⁸⁶

На селище Хитцы жилища, как уже говорилось, соответствуют трем взаимосвязанным горизонтам (комплексам) поселения: V—первой половины VI в.; VI—VII вв.; конца VII—первой половины VIII в. (рис. 18, 19, 28). Два первых комплекса принадлежат к разным этапам пеньковской культуры; один — к начальному, на котором наиболее отчетливо выступают элементы субстрата; другой — к позднему, когда характер культуры под действием тех или иных факторов (влияний, контактов и т. п.) в ходе эволюционного развития несколько изменился.

К раннему горизонту относятся шесть жилищ из 14, открытых на селище: II, V, VI, VIII, IX, XIV. Они полужемляночные, глубиной до 0.5 м, в плане квадратные, с центральным столбом и без него, ориентированы углами по странам света. Длина их стен от 4 до 5—5.4 м. Пол земляной, без следов подмазки глиной. В жил. VI определяется место входа — небольшой выступ в восточном углу. Очаг сохранился лишь в жил. VIII. Он глиняный, круглый, без бортика, диаметром 0.5 м. Стены были глиняными на легкой деревянной основе, подобной каркасу. В пользу этого говорят наблюдения, сделанные при исследовании жил. IX: на его полу обнаружен развал обожженной глины с отпечатками лозы и нетолстых бревен. Отсутствие таких развалов в других жилищах раннего горизонта позволяет предполагать применение и срубной конструкции стен. Жилища раннего горизонта селища Хитцы находят соответствия в Подесенье.

Жилища второго горизонта (III, IV, VII, XI, XIII) почти ничем не отличаются от более ранних. Все они углубленные (до 0.3 м), в плане квадратные, с длиной стен от 4 до 5 м, с открытым очагом, устроенным на полу без применения глины или камней. В двух жилищах (VII, XI) находился центральный столб. Вероятнее всего, жилища с центральным столбом имели особую конструкцию стен и кровли, отличавшую их от жилищ без Центрального столба. Если это так, то уменьшение числа жилищ во втором горизонте указывает на некоторые изменения в их характере. Наблюдаются различия и в размещении жилищ указанных горизонтов. Ранние располагаются компактно или даже скученно. Отстоят друг от друга примерно на 8—10 м. Более поздние размещаются свободно, в пределах всего раскопа, а не только его южной части, где находятся жилища первого горизонта.

К верхнему горизонту селища Хитцы относятся три жилища (I, X, XII). Они находятся в северной, недоисследованной части поселения. Эти жилища сохраняют форму и размеры пеньковских, но в отличие от них имеют квадратную в плане, сводчатую глиняную печь, сооруженную в материковом останце. Кроме того, все без исключения лишены центрального столба.

Если обратиться к правобережным поселениям пеньковской культуры, исключив известные далеко на западе и юго-западе, на Южном Буге и в Молдавии, то они не показывают преобладания определенной формы жилищ. В литературе к числу пеньковских на Правобережье отнесены разнохарактерные жилища: наземные и углубленные, с печами и откры-

⁸⁵ Березанская С. С. Отчет о работе в окрестностях с. Домантово Золотоношского района Черкасской области в 1958 году. — Арх. ИА АН УССР, 1958/1д, № 3257.

⁸⁶ Рутковская Л. М. Дослідження. . . , с. 224—229.

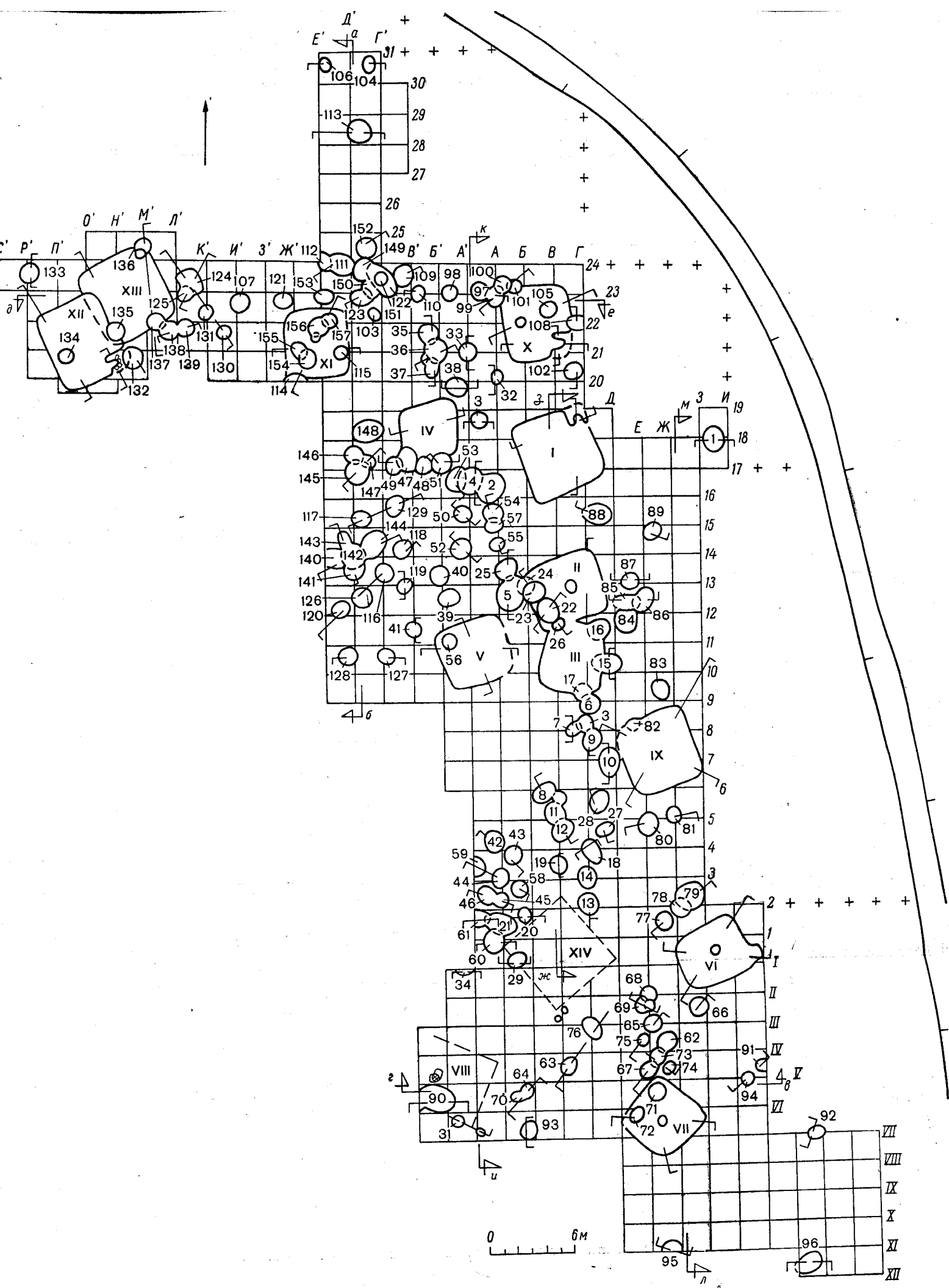

Рис. 18. Хитцы. План раскопа I.

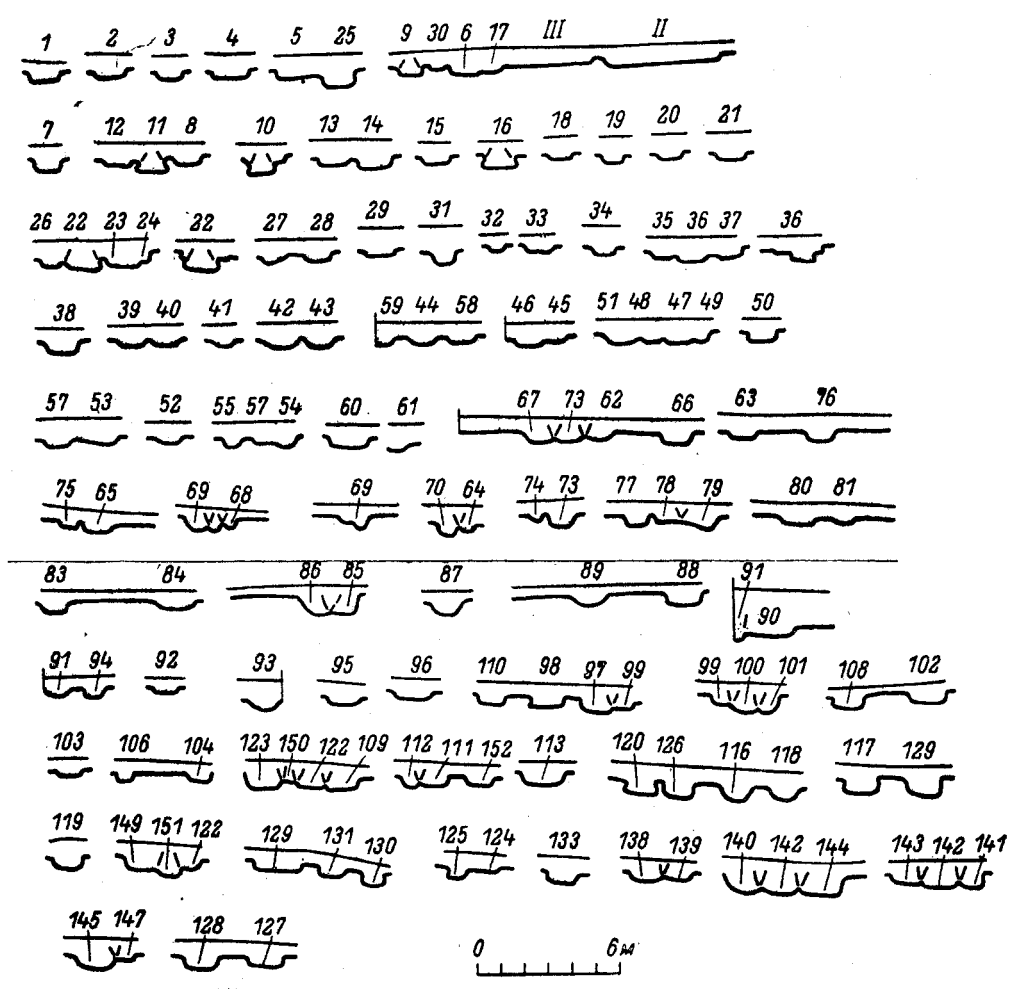
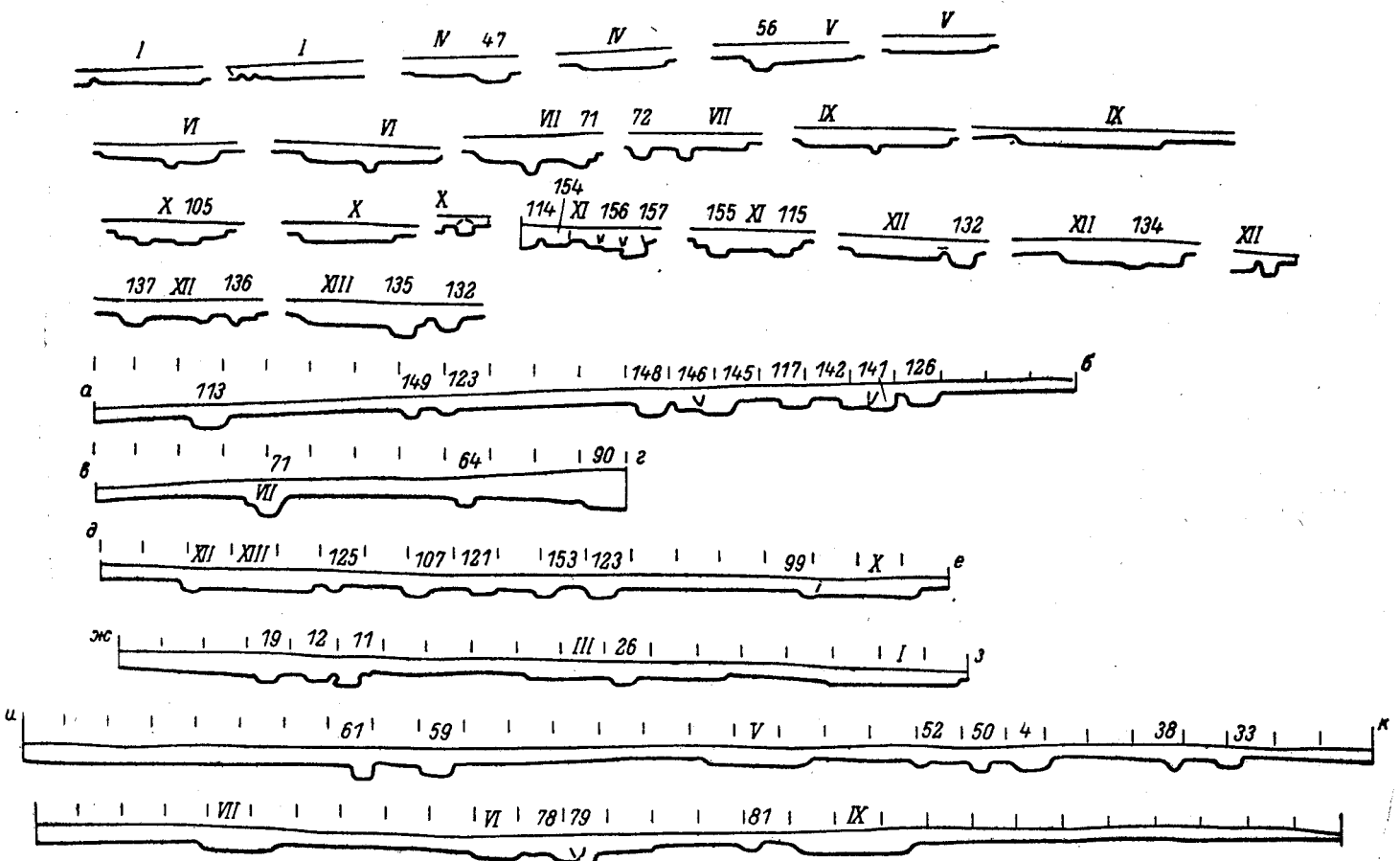

Рис. 19. Хитцы. Раскоп I. Профили жилищ и хозяйственных ям.

тыми очагами, небольшие и размерами до 11 X7 м. Такая пестрота порождена отчасти неточностью сделанных определений. Некоторые надпорожские поселения ошибочно или без достаточных оснований приписываются пеньковской культуре. К ней отнесены многослойные поселения, связанные с несколькими культурами. Таковы, в частности, селища Луг I и II у с. Пеньковка, основной горизонт которых принадлежит к культуре типа Луки-Райковецкой, причем не самого раннего ее варианта.⁸⁷ Вместе с тем исследования на селище Хитцы позволяют считать, что отличия между жилищами в ряде случаев могут быть чисто хронологическими. Как наземные, так и полуземляночные жилища Пастырского поселения относятся к слою VI—начала VIII в. Наземные жилища, как полагает М. Ю. Брайчевский, имели здесь «в основном деревянный каркас, обмазанный глиной». В углу их находилась глиняная печь или очаг. Полуземляночные пастырские жилища были в плане квадратными, углубленными на 0.4—0.5 м, со столбовой конструкцией стен. Стены их также обмазывались глиной, следами чего служат ее сплошные завалы. Один из углов занимала печь-каменка. Печи сооружались «либо целиком из камней, либр частично врезаны в лёсс, а частью сложены из камней».⁸⁸

Наблюдения М. Ю. Брайчевского не могут не иметь значение при исследовании пеньковской культуры, хотя Пастырское городище во многом обособляется от нее. Этот крупный ремесленный и культурный центр в Поднепровье, очевидно, мог возникнуть лишь на высокой ступени общественного разделения труда, той, которая предполагает зарождение товарного производства и сопутствующих ему широких торговых связей. Его жители не могли не находиться в разнообразных, и прежде всего торговых, отношениях с сельской округой, представленной многочисленными пеньковскими поселениями, даже если это была этнически чуждая им среда. Видимо, отсюда и общие черты Пастырского городища в жилищах, как, впрочем, и в некоторых других элементах материальной культуры, с пеньковскими памятниками. Так это или нет, но жилища отдельных пеньковских поселений напоминают открытые на Пастырском.

Наряду с жилищами на пеньковских поселениях Левобережья обнаружены и хозяйственные ямы-погребов, служившие для хранения различных продуктов. В Хитцах на 11 пеньковских жилищ их приходится не менее 100 (рис. 18). Многие сооружены на месте ранее существовавших, но затем заброшенных ям-погребов. Часть ям прорезает жилища или, наоборот, ими перекрыта. Лишь некоторые погребов с той или иной долей вероятности можно связывать с определенными жилищами. В большинстве же это кладовые, не образующие с последними отдельных комплексов, что говорит об их коллективном использовании.

Ямы-погребов в плане округлые, диаметром от 0.6 до 1.6 м, реже — удлинённые, размерами от 0.8x1.2 до 1.8x2.4 м, глубиной 0.3—0.8 м. Лишь два хозяйственных сооружения (18 и 124) имеют иной характер. Они наземные, с углублённым (на 0.15—0.2 м) полом, в плане подчетырехугольные. По их периметру обнаружены развалы обожженной глины, которой покрывались наземные части сооружений, делавшихся, судя по отпечаткам на глине, из небольших плах и жердей.

Находки в ямах-погребов были крайне редкими. Во многих вообще ничего не найдено или встречены только единичные кости животных, мелкие обломки керамики. Таких ям на селище Хитцы оказалось свыше половины от их общего числа. Как бы исключением из этого правила являются пять ям. В трех из них (№ 7, 77, 116) обнаружены раздавленные землей лепные сосуды. В яме 91 найдено сразу три целых лепных горшка, стояв-

⁸⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы. . . , с. 38.

⁸⁸ Брайчевский М. Ю. 1) Работы на Пастырском городище в 1949 году. — КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 162; 2) Исследования Пастырского городища в 1955 г. — КСИАУ, 1957, вып. 7, с. 94-96.

тих в ряд и перевернутых кверху дном. В яме 4 раскопа II была погребена собака.

Отсутствие в большинстве ям-погребов выразительной керамики не позволяет произвести их временное членение и соотнести с определенным горизонтом. Хронологическому определению поддаются лишь немногие ямы-погребов. Сравнение их показывает, что ранние и поздние погребов в целом одинаковы по форме. Различия касаются только раамеров. Ямы верхнего горизонта несколько глубже и объемнее пеньковских погребов.

Ямы-погребов, аналогичные открытым на селище Хитцы, обнаружены на всех сколько-нибудь затронутых раскопками поселениях пеньковской культуры в Поднепровье, на Южном Буге и в Молдавии. На Левобережье кроме селища Хитцы они исследовались в Полтавцах, Жовнине, Задонецком, Домантове. Подобные погребов известны и в других культурах, причём самого разного времени.

Прямоугольные сооружения с углубленным полом также представлены и на других пеньковских поселениях, например в Семенках, Хуче;⁸⁹ правда, обычно они несколько крупнее. Имеются они и в славянской культуре VIII-X вв.⁹⁰

На селище Хитцы обнаружены и остатки очажка-горна, сооруженного из глины. Он связан, судя по всему, с наземной бронзолитейной мастерской, примерные размеры которой определяются по развалам керамики, залежавшим к югу и западу от горна на одной с ним глубине (0.8 м). Под горна был покрыт аморфной массой из пережженных костей, прикипевших к глине. Кроме керамики вокруг горна собраны обломки тиглей в несколько точильных камней. Обломки тиглей изредка попадались в ямах и в культурном слое селища (рис. 29,14). Эти находки, так же как и открытие мастерской с очажным горном, показывают, что на поселении велись ювелирные работы. Свидетельством их являются и находки бронзовых пластин, служивших заготовками для различных украшений, а также бронзового граненого прута с поперечными рисками, оставшимися от расковки (рис. 29, 1, 9—11). Последний несколько напоминает бронзовый стержень из Селиште в Молдавии. И. А. Рафалович и В. Л. Ляпушнян считают, что такие стержни из бронзы представляют собой сырьё для меднолитейных мастерских.⁹¹ На селище Хитцы встречены и железные шлаки, кузнечные и металлургические, части ошлакованной стенки домины, куски железистого сланца, возможно использовавшегося наряду с болотной рудой для получения железа.

Обработка дерева, кожи, кости, прядение и ткачество — все эти работы несомненно велись на поселении. Из орудий труда на нем встречены железные ножи и шилья, костяные проколки, кочедыки (?) и ложила, глиняные пряслица, различные по форме точильные камни (рис. 20—23). В находках представлены отдельные костяные и роговые изделия местной работы, в частности булавка, срединная накладка сложного лука (рис. 21, 5, 9). Последняя обнаружена в жил. VI. Отсюда же происходит рог со следами продольных срезов (рис. 21, 7). Таким образом, есть все основания говорить о разнообразной производственной деятельности на поселении Хитцы.

Различные промыслы, особенно металлургический, кузнечный, хорошо представлены и на ряде других поселений рассматриваемого типа в Молдавии и на Южном Буге. С пеньковской культурой связывается и,

⁸⁹ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, 1963, № 108, с. 334—339; Рафалович И. А. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 124.

⁹⁰ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, с. 138 ел.

⁹¹ Рафалович И. А., Ляпушнян В. Л. Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1974, с. 125.

крупный железоплавильный центр Южного Буга у с. Гайворон.⁹² Известны в этой культуре и бронзолитейные мастерские, подобные открытой на селище Хитцы. Постоянно встречаются льячки и обломки тиглей. Нередки находки литейных форм. Представлены разные украшения из бронзы. Все это заметно отличает пеньковские памятники от смежных культур: корчакской и колочинской. Скорее всего широкое распространение на Среднем Днепре «древностей антов» обусловлено ремесленной деятель-

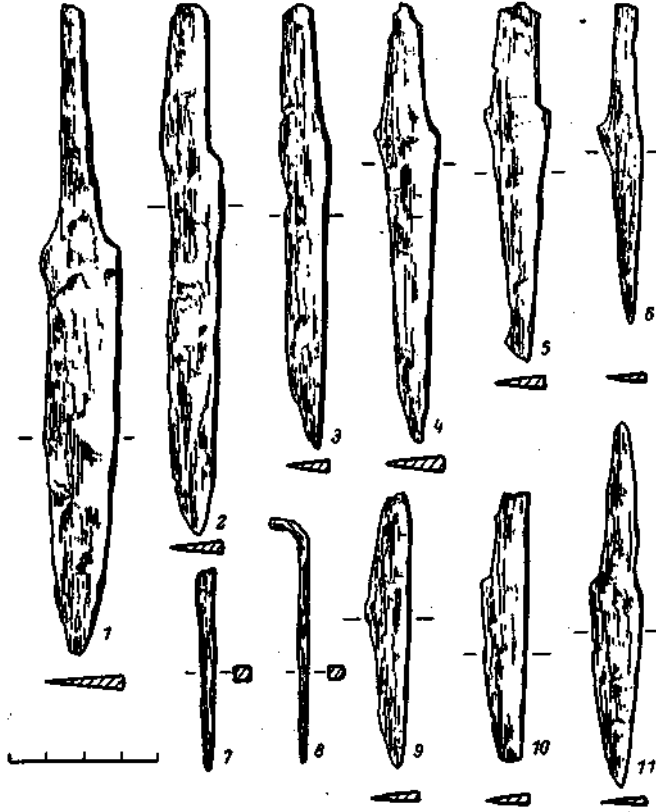

Рис. 20. Хитцы. Железные ножи и шилья.

1—4, 6, 9, 10—культурный слой; 5—жил. VI; 7—жил. III;
8—жил. VII; 11—жил. V.

ностью не только выходцев из Северного Причерноморья, частью осевших на Пастырском поселении (например, как считала Г. Ф. Корзухина, алано-болгар), но и пеньковцев.

Основу хозяйства пеньковского населения составляло земледелие. Об этом можно судить по расположению селищ на черноземах, а также по находкам керамики с отпечатками зерен злаков. Последние обнаружены на днищах некоторых сосудов с селища Хитцы (рис. 43, 3). На отдельных поселениях (правда, не на Левобережье) встречены орудия обработки земли.⁹³ Крупные сосуды высотой до полуметра, широко представленные на памятниках данного типа наряду с обычной «кухонной» посудой, видимо, служили для хранения зерна. Не случайно в литературе за ними закрепилось название «зерновики». Значение скотоводства в хозяйстве леньковских племен остается невыясненным. Большинство костей, най-

⁹² Бідалія В. І. Залізоплавильні горні середині I тис. — Археологія, Київ, 1963, т. 15, с. 123—144.

⁹³ Рафалович І. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавії. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 11, 12; Древняя культура Молдавії. Кишинев, 1974, с. 90.

денных на селище Хитцы, принадлежит крупному рогатому скоту — около 44%. Имеются кости и других домашних животных, но лишь в небольшом количестве: свиньи — 18%, лошади — 11%, овцы и козы — около 6%. Охотничьей добычей были крупные животные — лось, благородный олень, кабан — и пушные звери — лисица, соболь, бобр. Всего костей диких животных на селище примерно 20 % от общего числа костных остатков.⁹⁴ В целом же сведения о хозяйственной структуре, сложившейся

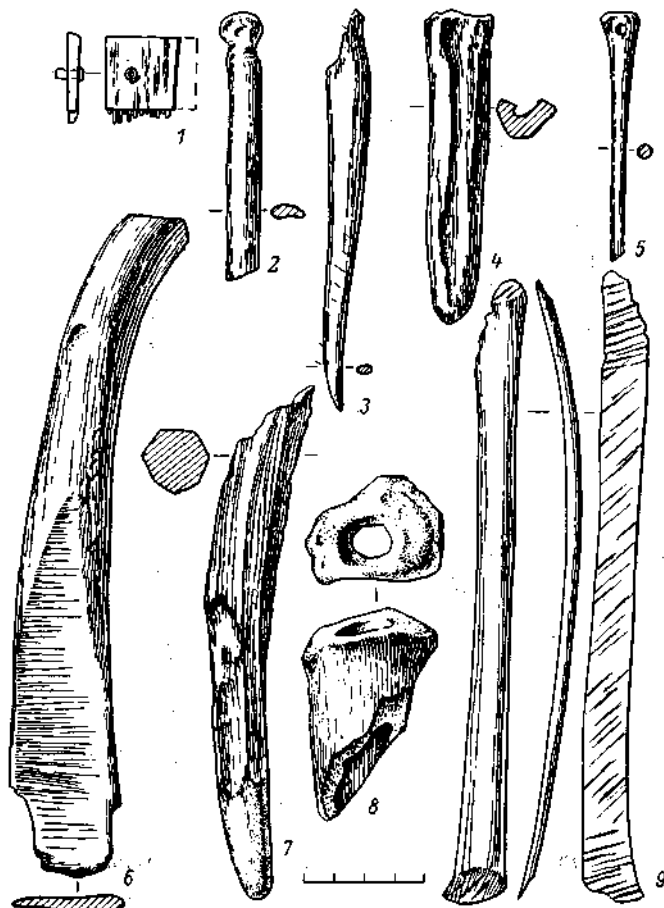

Рис. 21. Хитцы. Изделия из кости и рога.
1, 8 — жил. IX; 2 — жил. II; 3 — яма 84; 4 — жил. V; 5, 6 — культурный слой; 7, 9 — жил. VI.

в среде лесостепных племен к V—VII вв., крайне отрывочны и не позволяют прийти к достаточно определенным выводам.

Мало что можно сказать и об обряде погребения этих племен. На Левобережье пеньковская атрибуция надежно устанавливается лишь для группы погребений, открытой С. А. Плетневой на салтовском катакомбном могильнике у с. Дмитровского. Она состоит из семи урновых захоронений. Вместе с пережженными костями в урнах находились пепел и угли. Урны были покрыты крышками, которыми служили части разбитых горшков. В погр. 1 обнаружен сосуд-приставка — типично салтовская корчага с двумя ручками, сделанная на гончарном круге. Определение костей из захоронений показывает, что часть их в погр. 5 принадлежит овце или

⁹⁴ Определение костных остатков произведено сотрудником ЛОИА Н. М. Ермоловой.

козе. Могильные ямы вырыты в гумусном слое. Их контуры четко не прослеживались. Пеньковские погребения являются, по выражению Плетневой, «чужеродными» для основного комплекса Дмитровского. Она полагает, что это могли быть урны «аланских рабов или слуг», сохранивших свои племенные обычаи.⁹⁵

Сведения о пеньковских погребениях к западу от Днепра тоже незначительны. У с. Большая Андрусовка на р. Тясмине были открыты три

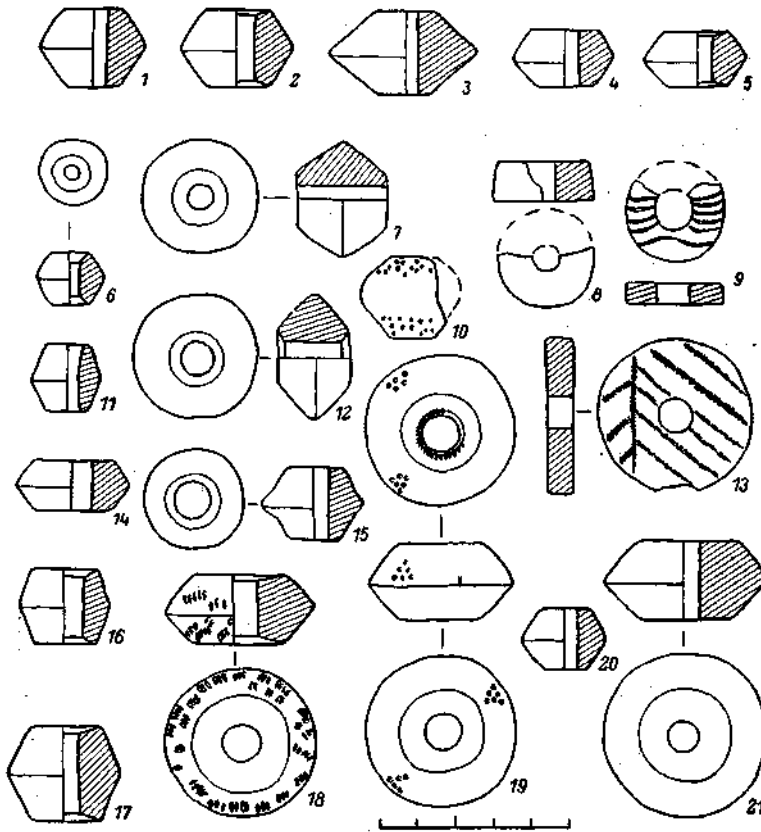

Рис. 22. Хитцы. Глиняные прояслнца.

1, 9, 10, 12, 19, 21 — культурный слой; 2 — жил. VIII; 3 — жил. XIII; 4, 5, 16 — жил. IX; 6 — яма 13; 7, 17, 18, 20 — жил. VII; 8 — жил. X; 11 — яма 81; 13 — жил. XII; 14 — жил. VI; 15 — жил. II.

бескурганного могильника, но все они оказались сильно разрушенными. С двумя связываются лишь отдельные пережженные кости, измельченная керамика. На третьем сохранились четыре погребения. Два — ямные, с большим количеством пережженных костей (ямы не крупные, округлые, с углистым заполнением). Еще в одном — урна, поставленная вверх дном, прикрывала сыпанные на дно остатки сожжения. Наконец, к четвертому Д. Т. Березовец относит два сосуда, находившихся рядом в переотложенном слое песка (один был перевернут вверх дном). Пережженных костей при них не обнаружено.⁹⁶ К пеньковской культуре могут быть отнесены и отдельные бескургантные погребения с сожжениями, датируемые третьей четвертью I тыс.; В Надпорожье они открыты А. В. Бодянским: одно — на о-ве Сурском*

⁹⁵ Плетнева С. А. Об этнической неоднородности. . . , с. 115 ел.

⁹⁶ Березовец Д. Т. Могильники уличів. . . , с. 58—71.

протав левого мыса р. Суры; другое - на левом берегу Днепра «где-то недалеко против о-ва Кизлевского». Оба — ямные. Кроме пережженных костей, смешанных с золой и углями, в них встречены трубочки-пронизки, стеклянные бусы, трапециевидные подвески. Погребению на о-ве СВДСКОМ принадлежит лепной горшок биконической формы.

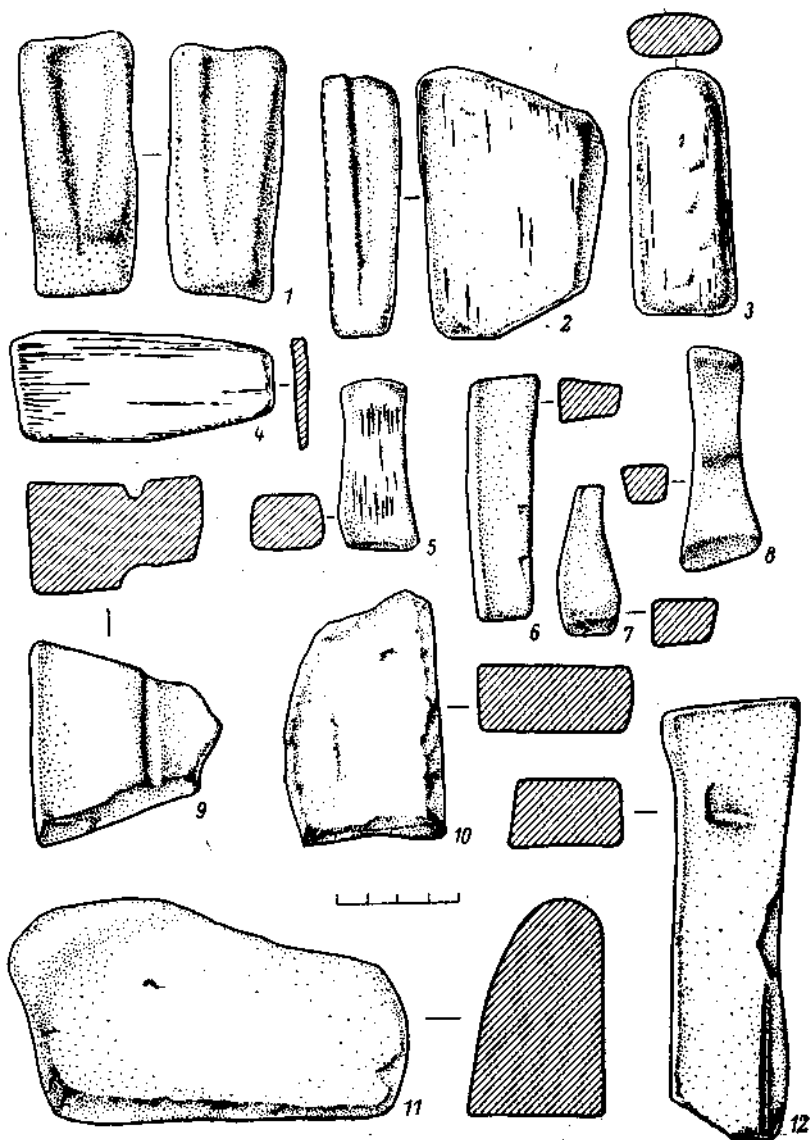

Рис. 23. Точильные камни.
1—6, 9—12 — культурный слой; 7 — яма; 8 — жил. X.

Несколько биконических урн с сожжениями и одна «пустая» были обнаружены в разные годы у с. Волошского. На одной из дюн близ устья р. Самары А. В. Бодянский найдены «кальцинированные человеческие кости» вместе с двуглавой зооморфной фибулой, частью большой пальчатой фибулы, а также отдельными обломками лепных сосудов с примесью шамота в тесте.⁹⁷

⁹⁷ Бодянский О. В. Загальний звіт про археологічні дослідження в Надпоріжжі за 1952 р. — Арх. ИА АН УССР, 1952/2г, № 1873; Береговец Д. Т. Поселения уличей. . ., с. 195, 197.

Наконец, пеньковскую атрибуцию, возможно, имеет и курган у с. Волокитина, в котором был найден биконический сосуд-урна. В нем находились стеклянные бусы, мелкие бронзовые слитки, окисшая бронзовая бляшка. К третьей четверти I тыс. относит это погребение и П. Н. Третьяков, исходя из формы урны, типичной для дороменских древностей.⁹⁸ Если захоронение у с. Волокитина действительно пеньковское, то можно допустить, что ареал пеньковской культуры несколько шире устанавливаемого в литературе. В этом нет никаких противоречий с точки зрения хронологии пеньковской культуры. Нынешние датировки, нередко основанные главным образом на типологических признаках керамики, широки и в данном смысле надежны. Вполне возможно, что верхние временные границы колочинской и пеньковской культур не совпадают.

Керамика, хронология, южные элементы пеньковской культуры

Особенности пеньковской керамики в литературе во многом остаются нераскрытыми. Под названием «пеньковская» в публикациях нередко выступает разнородная керамика, датирующаяся VI (V?)—VIII и даже IX—X вв. (Макаров Остров). В какой-то мере это связано с неточным определением Д. Т. Березовцом характера исследованных им поселений Луг I и II у с. Пеньковка. В работе Березовца они показаны как хронологически единые комплексы, хотя таковыми не являются, ибо содержат разновременные слои: собственно-пеньковский не позднее конца VII—начала VIII в. и культуры типа Луки-Райковецкой.

Для пеньковской культуры характерны комплексы с абсолютным преобладанием грубой лепной керамики. Встречается и гончарная посуда, но только привозная. Как правило, она представлена лишь отдельными обломками горшков пастырского типа, шаровидных с лощеным узором. Всегда единичны и обломки амфор, к тому же обычно мелкие, не дающие представления о форме. Связь с пеньковскими комплексами керамики Черняховского типа бесспорна лишь в отдельных случаях, гораздо чаще она недостоверна.

Особенно выразительная коллекция керамики происходит с селища Хитцы. Она состоит из нескольких тысяч обломков лепных сосудов, а также большого числа целых форм (около 30) и ныне является наиболее значительной из известных для пеньковской культуры не только Левобережья, но и Правобережья. Небезынтересны и некоторые другие левобережные материалы, но они много скуднее. В технологическом отношении посуда пеньковского типа напоминает колочинскую. Она делалась в ленточной технике из комковатого или слоистого теста с примесью шамота, дресвы, реже — песка. Снаружи керамика чаще шероховатая или бугристая, со следами грубого сглаживания. Встречаются и сосуды с гладкой или даже чуть подлощенной поверхностью. Цвет керамики коричневатый разных оттенков, иногда темно-серый. Стенки ближе к днищу всегда несколько утолщены (толщина их 0.6—1.2 см). Венчики имеют скругленный или срезанный край. Днища, как правило, массивные. Кроме плоских днищ обнаружены вогнутые, а также с небольшой (диаметром 3—4 см) округлой выемкой, оставленной подставкой. Некоторые из них несут следы подсыпки шамота. Одна из мисок селища Хитцы вылеплена на подсыпке из зерен проса, отпечатки которых сплошь покрывают ее днище (рис. 43, 3). Орнамент встречается крайне редко, причем только на горшках и корчагах. Это насечки, круглые ямки на венчике или массивный налепной валик, в сечении подтреугольный, идущий по шейке. Валиками

⁹⁸ Третьяков П. Н. Финно-угры. . . , с. 255, 256.

украшены в основном крупные сосуды. Изредка попадаются налепы в виде шишечек и полумесяцев (Задонецкое, Хитцы).

Формы посуды — горшки, корчаги, миски, а также сковородки. Довольно обычны «диски», служившие, видимо, крышками. Горшки составляют примерно две трети всей посуды. Они типологически делятся на пять основных видов (рис. 24).

I — с биконическим туловом. Изгиб стенок приходится на середину высоты. Он хорошо выражен, имеет вид резкой грани или ребра, иногда как бы скруглен. В отдельных случаях по ребру проходит едва заметный валик, подчеркивающий его. Горшки такого вида бывают как приземистые, так и вытянутых пропорций. У первых высота почти равна диаметру горла,

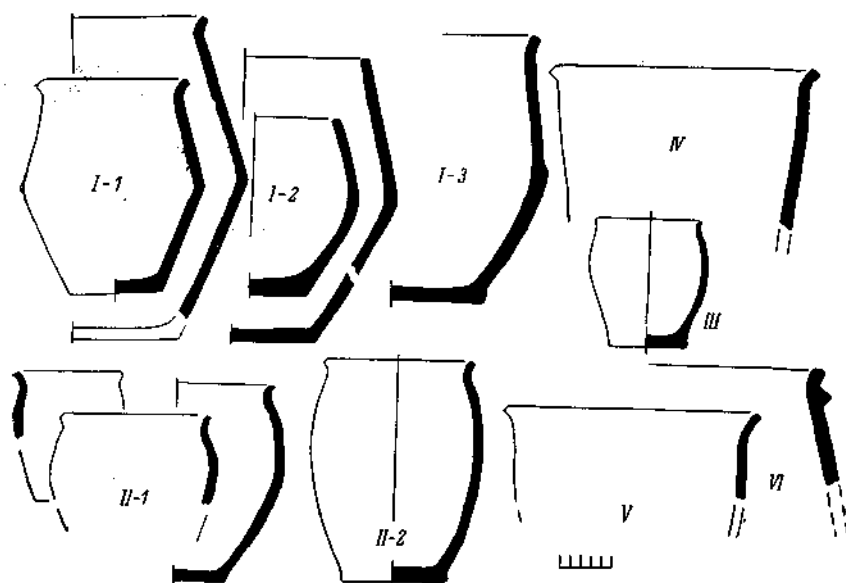

Рис. 24. Классификация пеньковской керамики. Горшки, корчаги.

Римские цифры — типы, арабские — варианты.

у вторых это соотношение составляет примерно 1 : 1.5. Диаметр горла тех и других несколько больше диаметра дна и на 2—4 см меньше максимального диаметра, который приходится на ребро. По форме венчика и тулова биконические горшки делятся на три основных варианта. Для первого характерен низкий венчик, отогнутый наружу, прямые стенки, образующие в профиле четкий угол. Основным признаком второго варианта — невыделенный венчик. К третьему варианту относятся более раскрытые горшки со слегка намеченным уступом на месте излома тулова. В нижней их части стенки более толстые и чуть выпуклые, в верхней — прямые. Форма венчика та же, что у горшков первого варианта. Края венчиков всех вариантов бывают как скругленными, так и срезанными. Высота горшков от 14—16 до 32—34 см, диаметр горла от 10—12 до 24—26 см, диаметр дна от 7—8 до 15—17 см. Преобладают горшки среднего размера. II — округлобокие горшки с несколько суженным горлом и пологими плечиками. Шейка низкая, венчик короткий, слабо отогнутый наружу. И этот вид имеет варианты. Они различаются по форме тулова. Первый составляют горшки с наибольшим расширением в верхней части, диаметром венчика 14—24 см, высотой до 30 см. У второго варианта максимальный диаметр соответствует середине высоты. Сюда относятся в основном горшки с туловом, близким к баночному. Диаметр их горла не превышает 12-14 см.

III — горшки «славянской» формы — с незначительным расширением в верхней трети и коротким, почти вертикальным венчком. Шейка и плечики едва намечены. Горшки этого вида отличаются небольшими размерами; диаметр горла 10—16 см.

IV — усеченно-конические горшки с прямыми стенками. Венчики короткие, отогнутые наружу, диаметром от 15 до 24—26 см. Шейка и плечики не выделены.

V — тюльпановидные горшки с плавным изгибом стенок на середине высоты и раскрытым горлом. Венчики короткие, отогнутые наружу, диаметр от 10 до 25 см. Шейка и плечики не выделены.

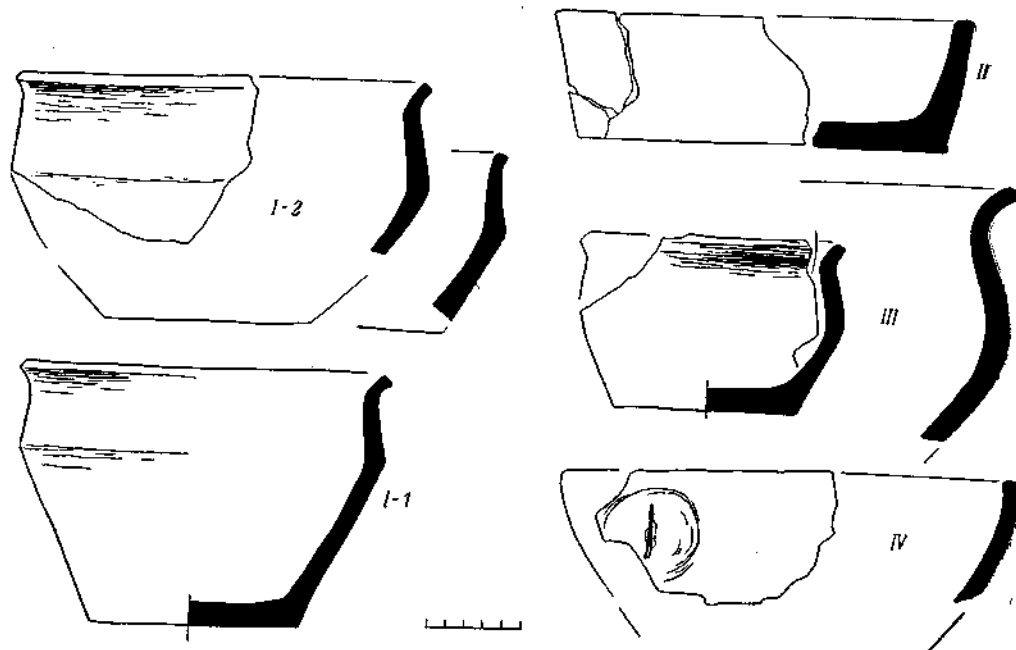

Рис. 25. Классификация пеньковской керамики. Миски.

Обозначения те же, что на рис. 24.

VI — большие сосуды-корчаги с биконическим туловом. Венчик их отогнут слабо и, как правило, украшен наlepным валиком.

Другая форма керамики — миски. На селище Хитцы их около 6%. Делятся они на четыре вида (рис. 25).

I — с реберчатым туловом. Ребро излома резко выражено. Венчики короткие, слегка отогнутые наружу. Миски этого вида представлены двумя вариантами. Первый — глубокие, с ребром в верхней трети, несколько напоминающие зарубинецкие. У мисок второго варианта ребро располагается на середине высоты или чуть выше, стенки над ребром почти вертикальные. У мисок же первого варианта они несколько скошены внутрь. Диаметр верхнего края мисок обоих вариантов от 14 до 20 см, чаще — 18—20 см.

Миски других видов встречаются крайне редко: II — с прямыми стенками, слегка наклоненными наружу; III — глубокие с эсовидным профилем, близкие к известным в славянских древностях VI—VII вв. и более позднего времени; IV — со слегка загнутым[^] внутрь краем, суженные* книзу.

В качестве мисок использовались иногда нижние части битых горшков. Высота их соответствует ширине ленты глины, из которой лепился горшок. По форме они отвечают мискам второго вида.

Еще одну категорию керамики составляют сковородки с низким бортиком и «диски». Диаметр сковородок 16—24 см, «дисков» — 10—26 см. Процентное соотношение описанных форм лепной керамики селища Хитцы выглядит так: горшки — около 60%, корчаги — 5, миски — 6, сковородки — 12, «диски» — 17% (рис. 26).

В пеньковских древностях Левобережья, как и Правобережья, ведущую категорию керамики составляют горшки, а среди последних наиболее многочисленны биконические и округлобокие. Биконические ветре чаются особенно часто. На селище Хитцы половина находок керамики — горшки I вида (118, или 52%). Они преобладают и на других пеньковских селищах Левобережья: в Полтавцах, Жовнине, Домантове и т. д. Округлобокие горшки также образуют большие серии. С разными вариантами этого вида

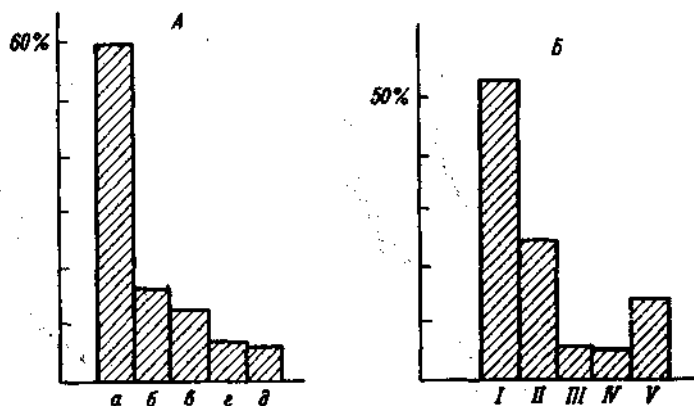

Рис. 26. Процентное соотношение групп (А) и видов (Б) лепной керамики селища Хитцы.

а — горшки; б — «диски»; в — сковородки; г — миски; д — корчаги.
I—У — виды.

на селище Хитцы связывается около 50 горшков (23%), в том числе несколько с полным профилем.

Горшки III вида встречаются в пеньковских материалах много реже. На Левобережье они представлены только в Хитцах и погребениях у с. Дмитровского. На первом селище их найдено 14 (около 6%). Но лишь один имеет полный профиль, остальные определяются по венчику. Западнее Днестра они известны по раскопкам П. И. Хавлюка и И. А. Рафаловича.⁹⁹ Горшки IV вида также постоянно уступают посуде двух первых видов. На селище Хитцы их насчитывается около 12 — все с неполным профилем. Целые горшки IV вида найдены Хавлюком на селище Семенки (Южный Буг). Горшки V вида более характерны для колочинских древностей. Для пеньковской культуры они считаются чуждыми, но это, по видимому, неверно. На селище Хитцы их около 30 (14%). Горшки V вида встречены и на ряде правобережных селищ такого типа (Шуровцы, Скибинцы и другие на Южном Буге,¹⁰⁰ Луг I, Молочарня в поречье Тясмина).

К числу характерных форм относятся корчаги с налипным валиком. Они имеются на многих пеньковских селищах и Левобережья (Хитцы, Демидовка, Задонецкое, Миклашевский и др.) и Правобережья.

Миски сравнительно малочисленны как на селище Хитцы, так и на других памятниках этого типа. На Левобережье кроме названного селища они представлены в Жовнине и Задонецком,¹⁰¹ изредка встречаются и

⁹⁹ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы. . . , рис. 5, I; Рафалович И. А. Раннеславянское селище VI—VII вв. у с. Реча в Молдавии. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, рис. 1.

¹⁰⁰ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения. . . , рис. 5, 2.

¹⁰¹ Рутковская Л. М. Дослідження..., с. 224—229, рис. на с. 227; Шрамко Б. А. Дослідження. . . , рис. 1.

в древностях Правобережья. Некоторые виды пеньковских мисок аналогичны известным в других культурах третьей четверти I тыс.

В керамике отдельных памятников Левобережья можно выделить и так называемые редкие формы, такие, какие не образуют серий ни в одном из пеньковских комплексов, являясь, как правило, типичными для других культур. Это, например, найденный в Дмитровском горшок с яйцевидным туловом и узкой горловиной, украшенной по краю пальцевыми вдавленными. С. А. Плетнева сравнивает его с кочевнической керамикой. На селище Хитцы к таким формам относится горшок с реберчатым изло-

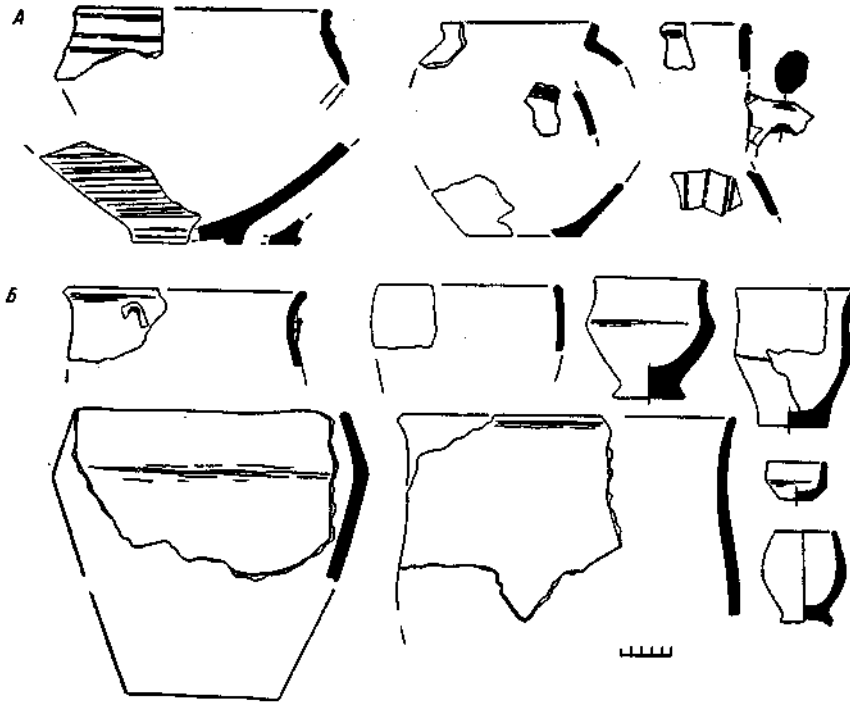

Рис. 27. Хитцы. Гончарная керамика (А) и лепная редких форм (Б).

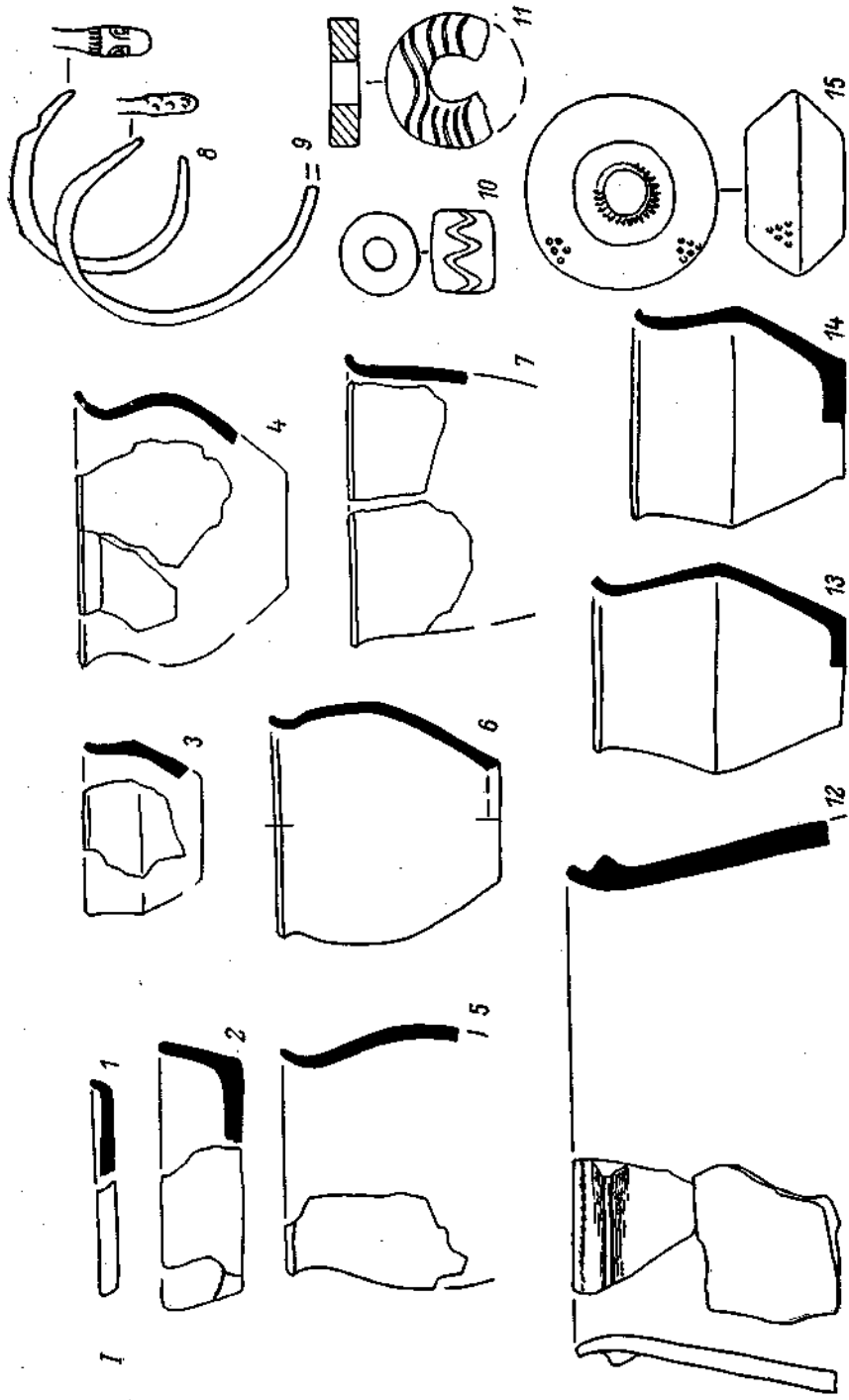
мом тулова в верхней части (рис. 27, Б). Подобные горшки известны в именьковской культуре Среднего Поволжья.¹⁰² Встречены они в Авдееве на Сейме, а также в Корчаке IX.¹⁰³ К этой же категории керамики на селище Хитцы принадлежат единичные обломки баночных сосудов с загнутым внутрь краем, сосудов с высоким, слегка суженным горлом, аналогичных известным для второй четверти и середины I тыс. в Подесенье. Не имеют соответствий в пеньковских древностях и два миниатюрных кубка на выделенной ножке (рис. 27, Б; 57, 5, 6).

Атипичные элементы прежде всего выражают местные отличия в культуре, которые, видимо, во многом определялись ее внешними связями, влияниями, шедшими с разных сторон и, следовательно, имевшими разный характер. Так, в Молдавии, как показывает И. А. Рафалович, у пеньковских комплексов есть отдельные элементы, характерные для культуры типа Чурел.¹⁰⁴ На Южном Буге в них больше выражены заимствования из корчакской и колочинской культур. Колочинские, или се-

¹⁰² Старостин П. А. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы. — СА, 1975, № 2, с. 268.

¹⁰³ Алихова И. П. Авдеевское селище. . . . рис. 4, 2; Русанова И. П. Северные элементы на памятниках типа Корчак. — КСИА, 1974, вып. 139, рис. 1, 8.

¹⁰⁴ Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв., . . . с. 15.

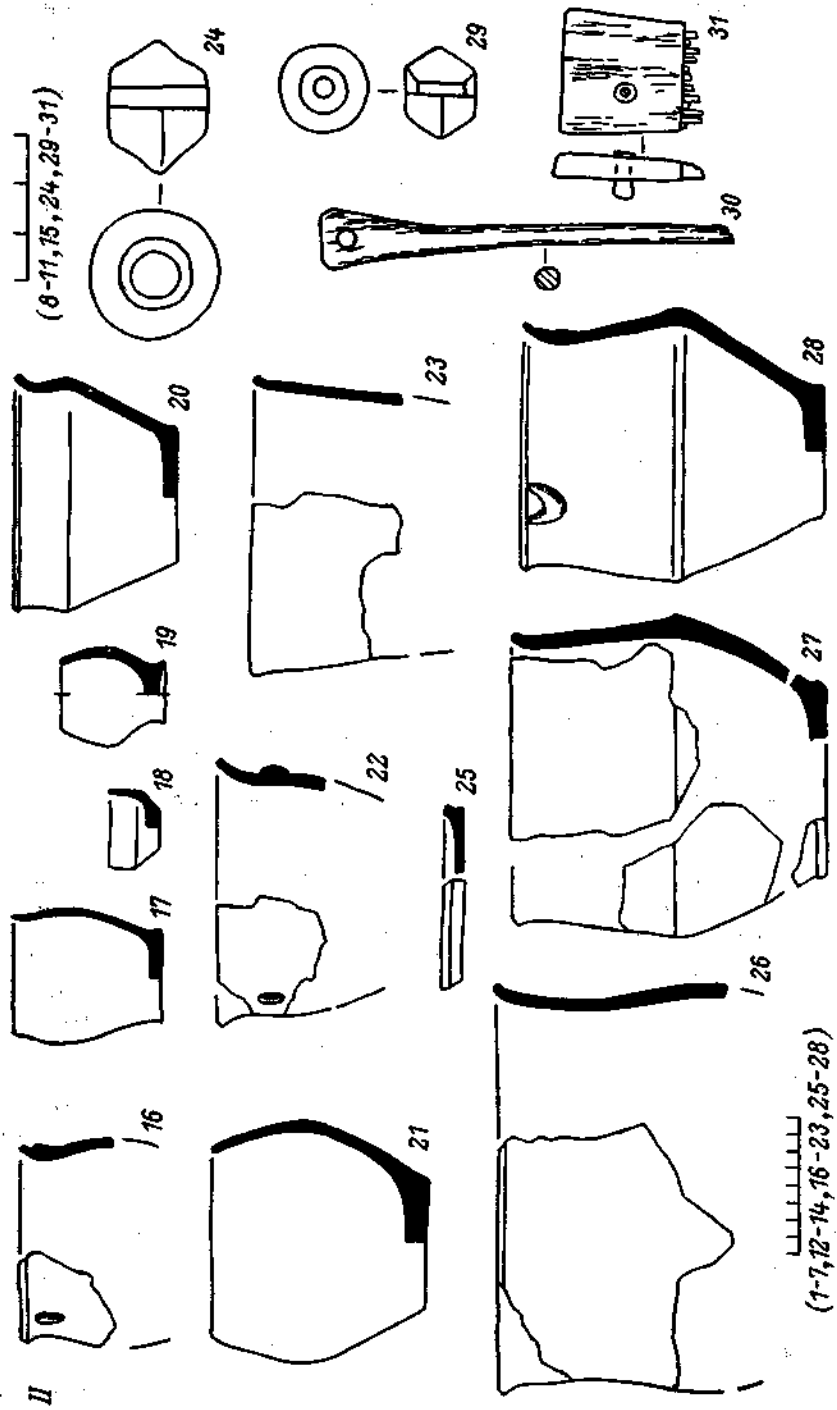

Рис. 28. Соотношение леньковских горизонтов селища Хитци.
 I — поздний горизонт (1-16); II — ранний горизонт (17-31).

верные, элементы сплошь и рядом представлены и в пеньковских древностях Среднего Поднепровья, причем здесь, как и на Южном Буге, они прослеживаются как в керамике, так и в жилищах. Такое распространение этих элементов, связь их с наиболее ранними пеньковскими комплексами говорят не только о заимствованиях. Не исключено, что они органически присущи пеньковской культуре, т. е. их присутствие обусловлено единством происхождения данных культур.

Особенно отчетливо северные элементы выражены в раннем комплексе селища Хитцы, его жилищах (полуземляночных, с центральным столбом), а также в формах керамики, колочинских или киевских, таких как баночные и тюльпановидные сосуды (рис. 28).

Одни жилища отличаются от других главным образом по соотношению форм керамики (табл. 4). Так, только к раннему горизонту относятся

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДОВ И ВАРИАНТОВ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ
В ЖИЛИЩАХ СЕЛИЩА ХИТЦЫ

Жилище	Централь- ный столб	Виды и варианты лепной керамики							Керамика черняхов- ского типа	Фаза поселения
		I-1, 2	II	V	III	I-3	IV	VI		
IV	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
XI	—	7	4	—	—	—	—	—	—	
III	+	4	4	—	—	—	—	—	—	
XIII	—	4	5	2	1	—	—	2	—	
VII	—	12	5	1	1	—	—	—	—	
V	—	2	4	2	1	—	—	—	—	1
VIII	?	5	2	2	—	1	—	—	—	
II	+	5	1	2	—	—	—	—	—	
XIV	?	7	2	1	2	—	1	—	—	
VI	+	6	3	2	1	1	1	—	1	
IX	+	3	4	1	—	1	—	—	3	

Примечание. Знак плюс (+) — наличие центрального столба в жилище.

горшки IV вида. В ранних жилищах чаще встречаются горшки III и V видов, видимо более характерные для них. Второй комплекс дает резкое преобладание двух основных видов сосудов: I и II. В трех из пяти связанных с ним жилищ найдены горшки только этих двух видов.

Гончарная керамика составляет общий и достаточно характерный для всей рассматриваемой культуры элемент, раскрывающий еще одно направление связей — южное. Она относится в основном к пастырскому типу. Ведущая ее форма — шаровидный горшок с лощеным узором на тулове. Подобная керамика типична для «проболгарской» культуры северо-востока Болгарии.¹⁰⁵ Есть она и в салтовской алано-болгарской культуре. На пеньковских поселениях эта керамика представлена крайне скудно, к тому же она на них обычно сильно измельчена, но хорошо познается по форме венчиков и днищ, орнаментации и некоторым другим признакам. На селище Хитцы керамика пастырского типа составляет менее 1%. Не больше ее и в других пеньковских комплексах. Среди гончарной керамики Хитцов имеются и отдельные обломки лощеных мисок черняховского типа (рис. 27, А). Они найдены как в культурном слое, так и в жилищах (VI и IX).

Нередко считается, что пеньковской культуре не чужда и керамика так называемого канцирского типа, состоящая главным образом из кувшинов с рельефным и лощеным узором, дву- и трехручных. Мнение это,

¹⁰⁵ Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, 1957, т. 27, рис. 8; 13, 1; Михайлов Ст. Относно произхода на раннесредневековната чернорьскава керамика в България. — Археология, София, 1961, т. 3, ч. 4, с. 5—11.

однако, не бесспорно, поскольку канцирская керамика пока встречена на поселениях, содержащих не только пеньковский, но и слой другого характера и времени, которому она подчас отвечает и стратиграфически (Стецовка). По мнению Т. М. Минаевой, керамика данного типа появляется в Среднем Поднепровье не ранее конца VII в. и по происхождению связывается с аланской средой на Северном Кавказе.¹⁰⁶

В литературе хронология пеньковской культуры пока определяется суммарно. Предполагается, что эта культура в целом соответствует времени «древностей антов», которые входят в нее на правах одного из слагаемых, т. е. относится скорее всего к VI—началу VIII в. Такая датировка пеньковской культуры вызывает сомнения. Дело в том, что в начальных своих проявлениях она предшествует зарождению среднеподнепровской ювелирной школы, которой принадлежат «древности антов». Последние, как со всей очевидностью показала Г. Ф. Корзухина, не имеют местных корней и по происхождению связаны главным образом с искусством Крыма, Северного Кавказа, Среднего Подунавья.¹⁰⁷ Следовательно, сложение очага ювелирного искусства происходило в Среднем Поднепровье не без участия какого-то пришлого населения.

Кроме того, известны пеньковские памятники, не содержащие украшений, отмеченных художественным стилем VI—VII вв., керамика которых отличается некоторым архаизмом. На Левобережье к ним причисляются селище у с. Жовнин, где встречены туалетная костяная ложечка, датирующаяся по аналогиям IV—V вв., а также обломок бронзового браслета с утолщенными концами.¹⁰⁸ находка последнего также не противоречит датировке селища V в., предложенной Л. М. Рутковской. В несколько иной связи уже говорилось, что есть основания относить к этому же времени и селище Полтавцы.

В пределах V—первой половины VI в. датируется ранний комплекс селища Хитцы, в керамике которого выделяется ряд форм, нехарактерных для второй половины VI—VII в. Одну из них представляют приземистые горшки с загнутым внутрь краем, раздутым туловом (рис. 38, 7). Подобные сосуды известны и по Черняховским древностям Западной Волыни, Среднего Поднепровья.¹⁰⁹ Архаичны формы реберчатых мисок. Особенно это касается целой миски из жил. V (рис. 43, 2). формой и общими пропорциями она близко напоминает миски зарубинецкой культуры. В киевских древностях III—V вв. находят аналогии миски с низким ребром,¹¹⁰ а также некоторые другие формы керамики селища. С IV—V, а не VI—VII вв. связываются и два лепных кубка с выделенной ножкой.¹¹¹ К тому же раннему комплексу относятся отдельные обломки гончарных лощеных мисок лерняховских типов, что тоже говорит о V в. как наиболее вероятной нижней границе первого комплекса. Последний принадлежит к начальной фации пеньковской культуры, известной пока по единичным памятникам. К западу от Днепра — это ранний комплекс селища Луг I, керамика которого имеет некоторые архаичные черты, отмеченные И. И. Ляпушкиным, могильник 3 у с. Большая Андрусовка. Он может быть датирован не VI—VII вв., как считал Д. Т. Березовец, а V в., судя по формам урн, а также находке В-образной бронзовой пряжки.¹¹² Открыты подобные памятники

¹⁰⁶ Минаева Т. М. Кераміка в балки Канцирка в світі археологічних досліджень на Північному Кавказі. — Археологія, Київ, 1961, т. 13, с. 119—128.

¹⁰⁷ Корзухина Г. Ф. Спорные вопросы. . .

¹⁰⁸ Рутковская Л. М. Дослідження. . ., рис. на с. 227.

¹⁰⁹ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, рис. 23, б; Сьмонович Э. А. Северная граница. . ., рис. 6, б.

¹¹⁰ Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. А. Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї. — Археологія, Київ, 1975, т. 18, рис. 6.

¹¹¹ Смирнова Г. И. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. — МИА, 1964, № 116, рис. 5, 5.

¹¹² К. Годловским пряжки этого типа датированы второй половиной IV—первой половиной V в. — период D (см.: Godlowski K. The chronology. . ., pl. XIII, 22; ср.

и на Южном Буге, в их числе селища Шуровцы, Кисляк и др., датируемые П. И. Хавлюком серединой I тыс.

Второй комплекс селища Хитцы принадлежит к иному этапу пеньковской культуры и может быть отнесен ко второй половине VI—VII в. Да-

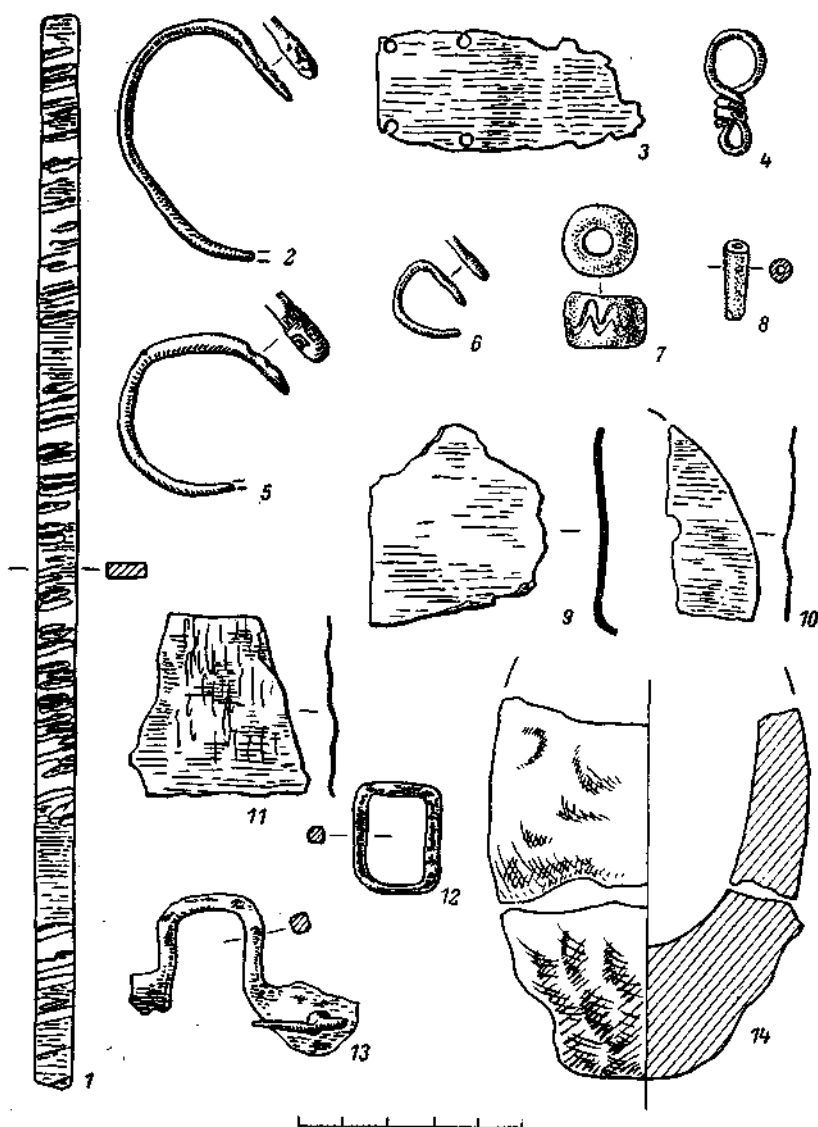

Рис. 29. Вещи с поселения Хитцы.

1, 4—10, 12 — культурный слой; 2 — жил. III; 3 — яма 93; 11, 13 — яма 97; 14 — яма 61 (1—6, 9—11 — бронза; 7 — стекло; 8, 14 — глина, 12, 13 — железо).

тировка его этим временем основывается как на анализе керамики, так и на находках обломков двух бронзовых круглопроволочных браслетов: одного с расплюснутыми, другого с зооморфными концами (рис. 29, 2, 5). Подобные зооморфные изображения хорошо известны по пальчатым фибулам Среднего Поднепровья. Браслет с уплощенными концами находит ближайшие аналогии в ряде лесостепных кладов VII в. (Колосково, Хацки,

также: *Werner I. Beiträge...*, Taf. 41, 9; 43, 11, 12; *Böhme H. W. Germanische Grabfunde...*, Taf. 79, 13, 14; 87, 6, 13 (Stufe III — 400—450 Ihr.)).

Козиевка и др.), в том числе и в недавно открытом кладе у с. Первое Цепляево Белгородской области.¹¹³

На селище найдены и отдельные бусины. Одна из них, стеклянная, черного цвета, с резным узором в виде зигзага (рис. 29, 7), судя по аналогиям, характерна для V—VII вв.¹¹⁴ Наконец, в пользу датировки второго комплекса второй половиной VI—VII в. говорят находки керамики пастырского типа.

Ко второй половине VI—VII в. принадлежит и большинство других пеньковских памятников к западу и востоку от Днепра. Хронология их устанавливается по типологии посуды, а также находкам пастырской керамики, различных украшений «антских» типов: пальчатых и зооморфных фибул, браслетов, подвесок и т. п.¹¹⁵ К несколько более позднему времени, видимо, относятся пеньковские захоронения у с. Дмитровского, в одном из которых вместе с лепной биконической урной найден салтовский пифоскорчага. Таким образом, можно полагать, что верхняя граница пеньковской культуры приходится на конец VII—начало VIII в., т. е. в целом соответствует времени зарытия большинства «антских» кладов и гибели Пастырского поселения.

Один из важнейших аспектов изучения пеньковской культуры заключается в выяснении роли южного (степного) элемента в ее сложении, характера взаимоотношений оседлого земледельческого населения Среднего Поднепровья с этнически пестрой средой степного Юга. Наиболее крайние взгляды в этом вопросе, как уже говорилось, отстаивал М. И. Артамонов, согласно которому пеньковские памятники и лесостепные клады VI—VII вв. оставлены кочевыми или полукочевыми племенами, болгарами-кутригурами. Основу концепции Артамонова составляет положение об отсутствии оседлости в лесостепном Поднепровье в послегуннское время, но именно в данном звене она уязвима более всего.

В то же время кочевнические элементы безусловно есть в днепровской лесостепной культуре VI—начала VIII в., но выражены они слабо и являются как бы привнесенными, четко отделяясь от определяющих слоев. Однако поскольку они прослеживаются, надо полагать, что лесостепное Поднепровье тогда не представляло этнически однородного массива только оседлого земледельческого населения. О пребывании здесь отдельных кочевых групп свидетельствуют округлая наземная юрта, открытая в Стецовке,¹¹⁶ и ряд одиночных погребений по обряду ингумации с вещами «антского» типа, известных в лесостепном Поднепровье еще с конца прошлого и начала нашего века.¹¹⁷ К южным элементам относится гончарная посуда пастырского типа, постоянно встречаемая на пеньковских поселениях. По происхождению она связывается со степным Югом, алаано-болгарской средой.

В лесостепных кладах VII в. широко представлен поясной набор, состоящий из различных серебряных и бронзовых аппликаций с прорезным

¹¹³ Дьяченко А. Г. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени. — В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978, рис. 1, 5.

¹¹⁴ Минаева Т. М. Находка близ станицы Переградной на р. Урупе. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 134, 135, рис. 53; Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit. . . , Taf. 80, A; Hampel I. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Bd 2—3, S. 72—73, Taf. 59.

¹¹⁵ Опорными при их датировке являются комплексы Суук-Су (см.: Пудоеин В. К. Нижний слой могильника Суук-Су (550—650 гг.). — СА, 1961, № 1, с. 177—185; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии. . . , с. 96—123).

¹¹⁶ Юрта относится к верхнему горизонту этого поселения и не связана с пеньковской культурой. Л. М. Рутковской она датирована концом VII—VIII в. (см.: Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине. — РВД, 1974, с. 22—39).

¹¹⁷ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы II. СПб., 1894, с. 29, 148, 149; Авенариус Н. П. Поставмукские курганы. — ЗРАО, 1896, т. 8, ч. 1, 2, с. 179—187; Артамонов М. И. Болгарские культуры. . . , с. 27.

орнаментом (застежек, накладок для сшивания ремня, наконечников, бляшек). Генезис его также связан с кочевническим миром и приходится, видимо, на конец IV—начало V в. Правда, в VI—VII вв. поясной набор становится достоянием не только степных племен, но и широкой «варварской» среды в Подунавье.¹¹⁸ Наборы из лесостепных кладов (Суджа, Колосково, Хацки, Мартыновка) отличаются специфическими признаками, что позволяет говорить об их местном изготовлении.¹¹⁹ Как и гончарная посуда, поясной набор, видимо, в основном ремесленная продукция пришлых мастеров — выходцев из степного Причерноморья. Это же касается, судя по всему, и женского убора, поскольку он, как доказывает Г. Ф. Корзухина, не имеет местных корней. Одним из важнейших центров ремесленного производства было Пастырское поселение, которое находится в пеньковском ареале. Характерно, что кроме гончарной керамики с лощеным орнаментом здесь обнаружена лепная посуда, в большей части отличающаяся формами от пеньковской, но близкая по ряду признаков комплексам степного Юга, где, в частности, встречены приземистые, широко открытые горшки с прямым вертикальным или слабо наклоненным наружу венчиком.¹²⁰ Вместе с тем есть основания полагать, что с ювелирным делом было знакомо и пеньковское население: на многих памятниках найдены льячки, обломки тиглей, литейные формы и другие следы производственной деятельности, связанной с плавкой цветных металлов и их обработкой.

Южные элементы, однако, не доминируют в пеньковской культуре. Содержание ее определяется совсем иными компонентами, характер которых не оставляет сомнения в том, что она оставлена оседлыми земледельческими племенами, стоявшими примерно на одном уровне социально-экономического развития с их северными соседями. Пеньковское население находилось с ними, видимо, в еще более тесных взаимоотношениях, чем с племенами Северного Причерноморья. Не случайно, что между колочинской и пеньковской культурами так много общего в жилищах, керамике, погребальном обряде. К тому же «древности антов» несомненно связываются, хотя и в меньшей степени, и с колочинским ареалом. Они представлены на ряде памятников Курского Посеймья. Известны находки украшений «антского» типа под Меной и Сосницей. Суджанский клад 1947 г. происходит с поселения, соотнесенного Ю. А. Липкингом с Лебяжьим I.¹²¹

В различных проявлениях взаимодействия пеньковской и колочинской культур нельзя не видеть отражений сложного этнокультурного процесса, во многом определившего дальнейшие судьбы племен Верхнего и Среднего Поднепровья, но, что было его доминантой, сказать трудно. Ответ зависит от решения другого вопроса, который касается этнического лица обеих культур. Но в этом тоже пока нет полной ясности.

¹¹⁸ Гадло А. В. Болгарские пояса. — В кн.: Сб. докл. на VI и VII Всесоюз. археол. студен. конф. М., 1963, с. 95—105; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии. . . , с. 118.

¹¹⁹ Гадло А. В. Болгарские пояса, с. 101.

¹²⁰ Ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. — МИА, 1970, № 168, с. 51—55.

¹²¹ Липкин Ю. А. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, с. 49.

Глава III

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э.

Этническая атрибуция культур Днепроовского Левобережья ранее VIII в. вызывает особенно много споров. Мнения разделились, причем подчас они не просто противоречат, а исключают друг друга, базируясь не столько на анализе фактического материала, сколько на гипотезах. Основных точек зрения — три. Согласно одной из них, нашедшей немало сторонников, V—VII вв. во всем Среднем и Верхнем Поднепровье — время исключительно славянской истории. Не меньшим признанием пользуется и версия о том, что колочинский ареал совпадает с границами расселения восточных балтов, занявших Верхнее Поднепровье «с самой отдаленной древности, доступной языковедческому анализу».¹ Кроме того, существует мнение о позднем (не ранее VIII в.) появлении славян в Левобережном Поднепровье, включая не только лесную, но и лесостепную зону. Все три версии отражают определенные взгляды на ход культурно-исторического процесса в Поднепровье, на проблему этногенеза в целом. Так, сторонники славянства днепровских культур середины и третьей четверти I тыс. полагают, что культурное и историческое развитие в Верхнем и отчасти Среднем Поднепровье в течение I тыс. было преемственным и непрерывным. Изменения в материальной культуре носили в основном эволюционный характер и определялись объективными причинами, например закономерным процессом перестройки социально-экономических отношений, теми или другими воздействиями извне и т. п. Таких или близких взглядов придерживаются Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Ю. Брайчевский, Д. Т. Березовец и др. Они расходятся лишь в выборе генетической основы славянской, по их мнению, культуры V—VII вв. Одни полагают, что это была черняховская культура, другие — зарубинецкая или они обе.

Иное понимание хода исторического процесса отстаивают сторонники позднего появления славян в Поднепровье. Они считают, что в этом процессе имели место по крайней мере два разрыва, связанных с этническими сдвигами: один, наступивший в конце IV—начале V в. в связи с нашествием гуннов, когда произошла смена оседлого земледельческого населения кочевым или полукочевым; второй, относящийся уже к началу VIII в. — времени распространения на Левобережье достоверно славянской культуры, именуемой роменско-боршевской. Данное направление представляют И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, М. И. Артамонов и др. Близок к нему В. В. Седов, который, признавая разрыв в развитии культуры, все же считает возможным относить появление славян в лесостепном Поднепровье к Черняховскому времени.

Объективная причина расхождений заключается в отрывочности известных нам источников того времени, как письменных, так и археологических.

На конец IV—VII в. в Восточной Европе приходится новая волна «великого переселения народов», поднятая гуннским нашествием. В круго-

¹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 10.

верть событий были вовлечены и славяне. О передвижениях последних в V—VII вв. мы знаем очень немного. Письменные известия этого времени о славянах довольно скудны и к тому же касаются не всего славянского мира, а в основном тех славян, которые в середине VI в. обосновались на северном берегу Дуная по соседству с Византией, создав для нее угрозу. Кроме того, сведения, сообщаемые византийскими историками, подчас неконкретны и не позволяют до конца понять, когда именно распалось единство «венедов», или «споров», и началось их расселение, как оно проходило и какие именно земли были заселены ими в V—VII вв., а также мн. др. Все это, однако, не умаляет ценности письменных источников, бесспорных свидетельств ранней истории славян, но и о широких возможностях, предоставляемых ими, говорить не приходится.

Для суждений об этногеографии Северного Причерноморья, расселении славян в VI—VII вв. исходными стали сведения, сообщаемые Прокопием Кесарийским и Иорданом.² Славяне выступают в них под именами антов и склавинов. Иорданом упомянуты также венеды. Он и Прокопий вполне определенно говорят об этническом единстве склавинов и антов,³ что подтверждает и «Стратегикон» Маврикия (или Псевдо-Маврикия).³ Эти же историки пишут об антах и склавинов как об оседлых племенах. По Иордану, склавины занимают земли к северу от Среднего Дуная вплоть до верховий Вислы, анты — междуречье Днестра и Днестра на изгибе Черного моря. По Прокопию, анты и склавины находятся «по ту сторону Истра (Дуная. — *Е. Г.*), недалеко от его берега», анты, кроме того, живут и «к северу от утигуров», населяющих восточное побережье Азовского моря.

Существует мнение, что Прокопий, будучи плохо осведомленным о Северном Причерноморье, не был точен, поместив антов «к северу от утигуров».¹ Как полагают Е. Ч. Скржинская и И. И. Ляпушкин, Прокопий при описании этой части «окружности Понта» смотрит на поселившиеся здесь племена с юго-востока, а раз так, то земли «за Доном, в нижнем течении поворачивающим почти на запад», и находятся «к северу от утигуров».⁵ Такое толкование, как бы устраняющее противоречие между свидетельствами Иордана и Прокопия, кажется правомерным, но оно не единственно возможное и является все же лишь умозрительным. Его нельзя признать безоговорочно еще и потому, что, по Прокопию, к северу от утигуров жили не просто анты, а «бесчисленные» их племена. Следовательно, можно предполагать широкое расселение антов, для которых Днепр не был непреодолимой преградой.

В суждениях И. И. Ляпушкина о позднем заселении славянами лесостепного Левобережья главное — все же не объяснение расхождения между Иорданом и Прокопием. Важнее был для него характер лесостепной культуры V—VII вв., массовые памятники которой в 50—60-е гг. еще оставались неизвестными. Такое положение дел и привело исследователя к выводу об отсутствии здесь в это время оседлого земледельческого населения, славян-антов.

Ныне широкое распространение памятников третьей четверти I тыс. в лесостепном Левобережье совершенно очевидно. Выяснено также, что часть их по характеру не отличается от памятников того же времени, известных к западу от Днестра, связь которых с антами почти ни у кого не вызывает сомнений. Славянская атрибуция пеньковской культуры нахо-

² *Прокопий из Кесарии*. Война с готами /Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов/Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржиной. М., 1960.

³ *Жебелев С.А.* Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв. — *Ист. арх.*, 1939, т. 2, с. 37.

⁴ *Иордан*. О происхождении. . . , с. 209, прим. 107.

⁵ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — *МИА*, 1968, № 152, с. 10.

дит подтверждение в хронологии и в том, что ареал этой культуры, как неоднократно отмечалось в литературе, в целом несомненно совпадает с локализацией антов письменными источниками.⁶ В пользу ее говорит и земледельческий характер пеньковских поселений, раскрывающийся в их топографии, отдельных находках пахотных орудий, зерен хлебных злаков и пр. Однако, какими бы убедительными приведенные доводы ни оказались, особенно значимым является отношение пеньковских памятников к культуре последующей поры, достоверно принадлежащей славянам.

В настоящее время генетические связи с культурой VIII—X вв. установлены лишь для памятников Молдавии и Южного Побужья (периферия культуры), не во всем тождественных днепровским. Некоторые отличия их видны в керамике, в которой чаще встречаются формы, типичные для корчакской культуры VI—VII вв. Она сближается и со славянской посудой более позднего времени. Если особенности жилищ на Среднем Днепре во многом еще не ясны, то в отношении жилищ, открытых в Молдавии и на Южном Буге, не может быть двух мнений. Здесь они такие же, как в достоверно славянской культуре второй половины I тыс.: полуземляночные, срубной и столбовой конструкции, с печью в углу.⁷

При всем этом памятники VI—VII вв. на Южном Буге и в Молдавии, как отмечают их исследователи П. И. Хавлюк и И. А. Рафалович, самым тесным образом связаны с синхронными днепровскими и относятся к одной культуре, а значит, есть все основания предполагать «выход» к культуре VIII—X вв. и для последних. Собственно, такое мнение уже давно существует в литературе, но признать его вполне доказанным пока нельзя. Как уже говорилось, селища Луг I и II, на примере которых Д. Т. Березовец пытался показать эволюционное развитие культуры во второй половине I тыс., скорее всего не представляют хронологически единых комплексов. В то же время для негативного ответа нет никаких данных. В Среднем Поднепровье пеньковская культура остается плохо изученной, и нельзя поручиться за то, что дальнейшие изыскания не приведут к открытию достоверных переходных памятников. К тому же уже и сейчас налицо ряд общих элементов в пеньковской культуре и бесспорно славянской VIII—X вв. Так, на Среднем Днепре для лепной керамики этого времени особенно характерны округлобокие горшки в целом того же вида, что и известные в пеньковских древностях. С другой стороны, среди последних есть комплексы с преобладанием не биконических, а округлобоких горшков (Дериевка, нижний слой Стецовки и др.). Встречается в них (правда, только изредка) и керамика, близкая к типичной для корчакской культуры (Дмитровское, Хитцы). Ямочный орнамент на венчике, характерный для керамики VIII—X вв., не чужд и пеньковским горшкам (Волошское, Дериевка). Наконец, в керамике обоих типов представлены сковородки.

Если обратиться к жилищам, то и в них между рассматриваемыми культурами больше общего, чем различий. Пеньковские жилища на Среднем Днепре в большинстве полуземляночные. Неясно лишь, какая конструкция стен более характерна и преобладают ли в них печи, как это считал Д. Т. Березовец, или открытые очаги. Идентичны друг другу пеньковские и более поздние погребения (VIII—X вв.), исследовавшие Д. Т. Березовцом у с. Большая Андрусовка. Отличия одних от других выражены в формах урн, но не в элементах обряда.⁸

В VIII—IX вв. в Среднем Поднепровье были распространены украшения, которые, представляют собой дериваты «антских» конца VI—VII в.

⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 63.

⁷ Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 88, 89; Хавлюк П. И. Ранне-славянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 181—215.

⁸ Березовец Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину. — СРС, 1969, с. 58-71.

Они рассмотрены Г. Ф. Корзухиной.⁹ К древностям этого периода восходят двухпластинчатые фибулы, различные подвески с пунсонным орнаментом, некоторые виды поясных пряжек, сережек и т. п. В Харивском кладе VIII в., который относится к вольтынецкому кругу древностей, представлены украшения, отмеченные тем же художественным стилем, что и более ранние.¹⁰ Дериваты «антских» украшений имеются в кладе IX в. из с. Яхники (бывш. Ивахники) Полтавской области.¹¹ По мнению Б. А. Рыбакова, спиральные височные кольца роменских древностей по происхождению связаны с височными украшениями VI—VII вв.

Таким образом, отдельные факты позволяют считать мнение о славянском характере пеньковской культуры Среднего Поднепровья довольно весомым.¹² Вместе с тем есть основания полагать, что культурно-исторический процесс к востоку и западу от Днепра не был совершенно одинаковым. На Левобережье ареалы пеньковской и славянской культур VIII—X вв. (роменского типа) почти не накладываются друг на друга — у второй он много шире, а главное, весь уходит к северу. Пеньковская культура занимает в основном нижние течения рек Сулы, Псла, возможно, Ворсклы и тяготеет к пограничью лесостепи и степи. В этих границах какие-либо памятники VIII—X вв., славянские или неславянские, не считая известные на самом Днестре и отдельные кочевнические погребения, не обнаружены. О чем это свидетельствует? Очевидно, только о том, что развитие пеньковской культуры на ее исконной территории к востоку от Днепра обрывается где-то в начале VIII в. вследствие этнического сдвига.

О серьезной военной угрозе, нависшей над племенами лесостепи, косвенно свидетельствуют клады вещей, в большинстве зарытые, как доказывают Г. Ф. Корзухина и А. К. Амброз, в конце VII—начале VIII в., т. е. в то время, которым определяется верхняя граница пеньковской культуры. На лесостепных селищах VI—начала VIII в. отсутствуют следы, указывающие на их внезапную гибель при вражеском нападении, поэтому наиболее вероятно, что население юга лесостепи и степного пограничья не было разгромлено и уничтожено, но, опасаясь военных акций или под прямым давлением со стороны каких-то враждебных племен, лучше вооруженных и более сильных, продвинулось на север.

Г. Ф. Корзухина считала наиболее вероятной причиной зарытия кладов вторжение хазар, которые незадолго до этого разбили болгар и захватили их земли в Степном Причерноморье, между Доном и Днестром. С мнением Корзухиной нельзя не согласиться, поскольку другую, более серьезную причину зарытия кладов, чем экспансия Хазарского каганата, нельзя

⁹ Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. — СА, 1955, т. 22, с. 61, 62.

¹⁰ Березовец Д. Т. Харивський скарб. — Археологія, Київ, 1952, т. 6, с. 109—119.

¹¹ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954, табл. 1.

¹² Действительно ли эта культура оставлена антами, как считается в литературе? Дело в том, что в письменных источниках упоминания об антах относятся к короткому периоду: с 527 по 602 г., тогда как хронология связываемой с антами культуры много шире и определяется V—началом VIII в. Поскольку изменения в культуре на протяжении указанного времени носят эволюционный характер, то можно полагать, что и состав пеньковского населения в целом оставался неизменным. Нельзя, однако, быть уверенным в том, что название «анты» сохранялось в VII в., ибо оно, возможно, служило обозначением союза славянских племен, с распадом которого потеряло смысл и перестало употребляться. Ф. П. Филин предполагает, что анты были славянским племенем, находившимся в союзе с аварами. В этом, по его мнению, находят объяснение их связи с аварами и то, что этноним «анты» имеет скорее всего тюркское (аварское) происхождение (Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 60, 61). Гипотеза о том, что анты — имя племенного союза только славян или славян и авар, служит одним из наиболее вероятных объяснений исчезновения этого имени в письменных источниках, его кратковременности (Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 35). Как бы то ни было, определение даже поздней фации пеньковской культуры в качестве антской при всей его условности является все же оправданным, ибо ясно, что «исчезновение имени не было исчезновением антского населения» (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы. . . , с. 171).

назвать. Ее версию считал убедительной М. И. Артамонов. С хазарским завоеванием Поднепровья он связывал также исчезновение пеньковской («пастырской») культуры.

По времени часть лесостепных поселений и кладов совпадает с богатыми кочевническими захоронениями, обнаруженными на границе лесостепи и степи к востоку и западу от Днепра (Малая Перещепина, 1912 г.; Макуховка, 1882 г.; Зачепиловка, 1928 г.; Глodosы, 1961 г., и др.).¹³ Кроме разнообразных украшений в них встречены сосуды из серебра (кувшины, чаши, блюда, сделанные в сасанидском Иране и Византии), оружие, конское снаряжение, отдельные золотые византийские монеты конца VI—VII в. Самая поздняя монета (668 г.) найдена в Перещепине. Восточное серебро больше известно в степном Причерноморье по случайным находкам. Его появление здесь принято связывать с хазарами.¹⁴

Судя по набору вещей, степные «клады» действительно представляют собой погребения, как это полагала Г. Ф. Корзухина. В Вознесенке и Глodosах удалось установить обряд захоронения — сожжение на стороне. В других случаях он не определяется. По мнению М. И. Артамонова, богатые погребения степного Причерноморья принадлежат «кочевой аристократии» Хазарского каганата — тюркам (ту-кю), во главе воинских отрядов нападавшим на окрестные племена, добиваясь расширения границ каганата. Обряд кремации практиковался у них в VI—VII вв.¹⁵ С. А. Плетневой указан ряд погребальных комплексов салтовской культуры с сожжениями, скорее всего оставленных тюркоязычной группой, в том числе захоронение у с. Ново-Покровка, парное погребение в уроч. Бондариха близ Изюма, комплекс Вознесенки и др.¹⁶

Если болгарская атрибуция пеньковской культуры, которую отстаивал М. И. Артамонов, не является оправданной, то другая его гипотеза — об этническом сдвиге в Поднепровье именно в связи с хазарским завоеванием — с учетом доводов, приведенных Г. Ф. Корзухиной, вполне приемлема.

Как уже было сказано, нет оснований считать, что пеньковские племена вступили в борьбу с хазарами и были полностью уничтожены ими. Более вероятно, что они во избежание участи болгар, разгромленных незадолго до этого хазарами, сдвинулись в северном направлении. О дальнейшей судьбе части пеньковских племен на Левобережье в какой-то мере говорит характер памятников волынцевского типа. Правда, происхождение последних пока нельзя признать до конца выясненным. Положение осложняется тем, что спорными являются и другие вопросы, связанные с их изучением. Это касается прежде всего их датировки, характера связи с роменско-боршевской культурой.

В 1972—1976 гг. ряд поселений с керамикой, имеющей волынцевские черты, исследовался Днепровским левобережным отрядом ЛОИА АН СССР.¹⁷ Четыре из них находятся на Полтавщине: Хитцы (верхний горизонт); Вовки, напротив одноименного хутора Зеньковского района (правый берег р. Груни, притока Псла); между хут. Терновым и с. Савинцы Миргородского района (правый берег р. Псла); на окраине с. Васильки Лохвицкого района (правый берег р. Сулы). Два других лежат севернее, на Сумщине: у с. Пески Роменского района (правый берег р. Сулы, в 0,8 км ниже по ее течению); между селами Коровинцы и Малые Будки, близости от места могильника той же культуры, исследовавшегося Н. Е. Макаренко в 1906 г. (рис. 30).

¹³ Смгленко А. Т. Глodosкі скарби. Київ, 1965.

¹⁴ Маршак Б. И., Скалон К. М. Перещепинский клад. (К выставке «Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии»). Л., 1972, с. 10.

¹⁵ Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — Докл. Геогр. о-ва СССР, 1970, вып. 15, с. 19, 20.

¹⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 100—102.

¹⁷ Горюнов Е. А. О памятниках волынцевского типа. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 3-10.

На селищах Хитцы, Вовки и Васильки обнаружены жилища, полуземляночные, столбовой конструкции, размерами около 4х4м. В некоторых сохранилась глиняная сводчатая печь, вырезанная в материковом останце. Керамика всех обследованных поселений находит прямые аналогии в древностях волынцевского круга. Преобладает лепная керамика, преимуще-

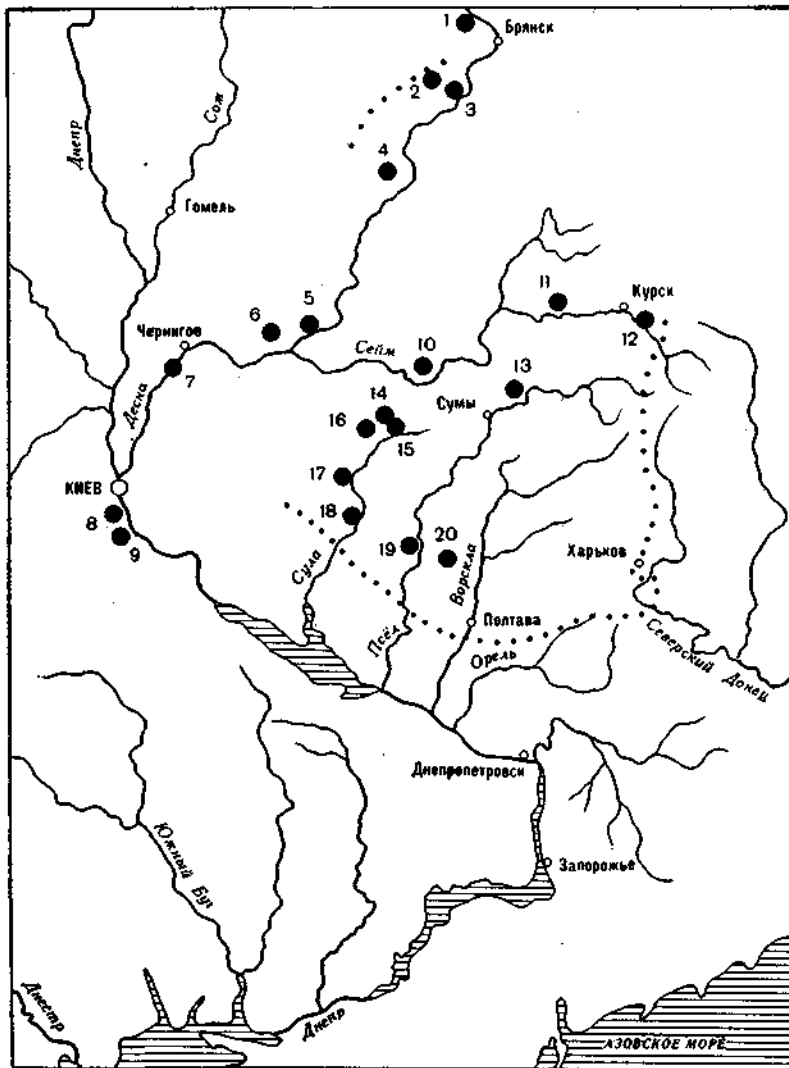

Рис. 30. Размещение памятников с керамикой волынцевского типа.

1 — Голяжье; 2 — Посудини; 3 — Макча; 4 — Целиков Бугор; 5 — Сосница; 6 — Мена; 7 — Шестовица; 8 — Ходосовка; 9 — Обухов II; 10 — Волынцево; 11 — Авдеево; 12 — Лебяжье I; 13 — Битица; 14 — Беседовка; 15 — Малые Будки; 16 — Раковая Сечь; 17 — Пески; 18 — Васильки; 19 — Терновий; 20 — Вовки. Пунктир — граница роменской культуры (по И. И. Ляпушкину).

ственно грубая, с примесью шамота в тесте, с бугристой, небрежно сглаженной поверхностью. Она представлена в основном горшками. Венчики в большинстве отогнутые, со скошенным наружу краем, украшенным ямками.

Гончарная керамика состоит главным образом из обломков горшков с высоким вертикальным венчиком, орнаментированных лощеными полочками, а также красноглиняных амфор с бороздчатой поверхностью, иногда

покрытых белым ангобом, датирующихся VIII—IX вв. Часть поселений, о которых шла речь, находится намного южнее известных до этого на Левобережье памятников того же облика, близко подходя к намеченной И. И. Ляпушкиным южной границе роменско-боршевской культуры.¹⁸ Похожие памятники были недавно обнаружены и в северном ее пограничье. Характерная для данного круга древностей лепная и гончарная керамика встречена В. А. Падиным в уроч. Макча, а Ф. М. Заверняевым — на поселении в устье р. Гасомы (несколько севернее Брянска) и у д. Посудичи на р. Судости.¹⁹ Последние исследования показали более широкое, чем предполагалось ранее, распространение волынцевских памятников и в направлении с запада на восток. Западную границу их ныне определяют селища у с. Ходосовка близ Киева, Обухов II на р. Стугне²⁰ и, возможно, поселение на территории древнего Белгорода, относимое В. А. Дяденко к раннеславянской поре.²¹ Самым восточным является могильник Лебяжье III под Курском, давший погребения,²² во всех основных деталях повторяющие исследованные Д. Т. Березовцом у с. Волынцева Сумской области. Таким образом, есть все основания утверждать, что ареал волынцевских памятников был шире предполагавшегося в свое время И. И. Ляпушкиным.

Говоря о волынцевских памятниках, нельзя, хотя бы кратко, не остановиться на отношении их к роменской культуре и датировке. В литературе распространены две основные версии, из которых одна была выдвинута Д. Т. Березовцом,²³ а другая — И. И. Ляпушкиным.²⁴ Согласно первой, данные памятники представляют самостоятельный этап развития славянской культуры на Левобережье, предшествующий роменскому и приходящийся главным образом на VI (VII)—VIII вв. По Ляпушкину, волынцевские памятники, несмотря на отдельные элементы в керамике, несвойственные роменско-боршевской культуре, в целом близки ей и, следовательно, должны быть отнесены к тому же, что и она, времени, т. е. к VIII—X вв.

И широкий ареал волынцевских памятников на Левобережье, и особенности их керамики как будто подтверждают точку зрения Д. Т. Березовца. В ее пользу, на первый взгляд, говорит и то, что на ряде поселений (Монастырщина, Полтавское и др.) роменские комплексы находятся в типологической, а иногда и стратиграфической связи с горизонтами древнерусской поры. Однако роменские памятники не единообразны и «хронологически не составляют единого целого». Среди них есть и такие, которые совершенно не содержат гончарной керамики, за исключением разве обломков круглодонных амфор, сплошь и рядом встречающихся и в волынцевских древностях.²⁵ Все это не оставляет сомнения в том, что волынцевские памятники одновременны той наиболее ранней части роменских городищ, которые имеют общие с ними признаки. Датировка, предложенная Березовцом, вызывает возражения еще и потому, что для VI—VII вв. на Левобережье ныне хорошо известны памятники иного

¹⁸ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 215—217.

¹⁹ Падин В. А. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — ГА, 1969, № 4, с. 208—218; Заверняев Ф. М. Селища бассейна р. Судости. — СА, 1960, № 3, с. 186.

²⁰ Сухобоков О. В. До питання про пам'ятки волинцевського типу. — Археологія, Київ, 1977, т. 22, с. 50—65.

²¹ Дяденко В. А. Раннеславянские памятники на территории древнего Белгорода. — КСИАУ, 1975, вып. 12, с. 85.

²² Липкинг Ю. А. Отчет о разведках на памятниках Лебяжье III и Лебяжье IV под Курском. — Арх. ИА АН СССР, р-1, № 3784.

²³ Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл. — АП, 1952, т. 3, с. 242—250.

²⁴ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. — ГА, 1959, 1, 29—30, с. 59—83.

²⁵ Там же, с. 78.

типа, колочинские и пеньковские. Вместе с тем очевидно, что роменская культура представлена двумя пластами древностей, раннему из которых свойственны черты, определяющиеся сильным салтовским воздействием и, видимо, какими-то особенностями субстрата. Этим во многом и объясняется то, что славянские памятники VIII—X вв. на Левобережье при общей близости друг к другу все же четко делятся на два типа, локализующихся примерно на одной территории.

Можно привести ряд наблюдений, касающихся общего между пеньковской и раннероменской (волынцевской) культурами. Наиболее ранние волынцевские комплексы (Хитцы, Ходосовка) содержат лепную керамику, близко напоминающую известную в пеньковской культуре. Это относится прежде всего к округлобким сосудам со слабо отогнутым венчиком. Как уже отмечалось, на селище Хитцы в жилищах третьего горизонта найдена керамика не только волынцевского, но и пеньковского типа. В свою очередь в отдельных пеньковских комплексах представлены типичные для Волынцева горшки с вертикальным венчиком (Крещатик). Общее между культурами отмечено и в типе их жилищ. Они сближаются также и по характеру гончарной керамики, что указывает, очевидно, на сохранение традиционных связей населения.

Волынцевская культура имеет связи с предшествующей и в Среднем Подесенье. Об этом свидетельствуют селища Целиков Бугор (жил. 2 и 3), Стрелица и некоторые другие, по ряду признаков стоящие намного ближе к пеньковским памятникам, чем к колочинским. Характеристика указанных памятников приводилась, и на ней останавливаться нет необходимости. Следует лишь отметить, что Целиков Бугор, подобно селищу Хитцы, дает сочетание лепной и гончарной «салтоидной» керамики. Можно думать, что распространение последней на Левобережье предшествует появлению здесь памятников, для которых она стала необходимым элементом, т. е. волынцевских.

Было бы неверным думать, что приведенные примеры исчерпывают решение вопроса. Деснинские памятники, представленные в качестве переходных, изучены недостаточно. Это далеко не та основа, на которой можно что-то бесповоротно решить. Как полагал П. Н. Третьяков, более вероятно другое его решение: памятники, подобные селищам Стрелица и Целиков Бугор, — одно из звеньев эволюционного развития местной культуры, складывающейся в Подесенье еще в I—II вв. на зарубинецкой основе. Гипотеза Третьякова, однако, не объясняет хорошо выраженных различий между памятниками данного круга и предшествующей колочинской культуры. К тому же связи между пеньковской культурой и волынцевский безусловно имеются, хотя считать их генетическими пока нет веских оснований.

С этническим определением колочинских памятников, как и киевских, на основе которых они складываются, дело обстоит намного сложнее. Кто является носителем этих культур: балты или славяне? Если это балты, как считают В. В. Седов и И. П. Русанова, то с чем связаны отличия колочинской культуры от круга более северных памятников типа Тушемли и Банцеровщины, сближающихся с местными, бесспорно балтскими культурами более раннего времени? Как уже говорилось, эти различия касаются всех главных компонентов названных культур, за исключением разве что погребального обряда, который, однако, имеет аналогичный характер и в достоверно славянских культурах VI—VII вв. как к югу от Припяти, так и далее к западу от Поднепровья вплоть до Приэльбья, с той же тенденцией перехода от грунтовых погребений к курганным. Столь же выраженные различия наблюдаются у культур, славянская основа которых считается бесспорной, например у памятников пражского типа и культуры северной части Польши.²⁶

²⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 63—65.

Но если славянская культура третьей четверти I тыс. не была монолитной, то что определяет этническое лицо ее различных вариантов? И почему бы колочинским памятникам не представлять один из них?

По мнению В. В. Седова, главным при этнических определениях является отношение памятников к культуре последующего времени. Он полагает, что славянская культура VIII—X вв. в Верхнем Поднепровье не обнаруживает местного начала и, следовательно, принесена сюда в готовом виде, локальные же отличия в ней самой связаны с развитием процесса культурной и языковой дифференциации, приведшего к сложению уже в VI—VII вв. нескольких диалектных зон общеславянского языка.²⁷

Действительно, отсутствие всяких связей между культурами, хронологически смыкающимися друг с другом, не может не означать смену населения. Однако между колочинской и роменской культурами существует хронологический разрыв, не позволяющий проводить прямое их сопоставление. Между ними вклиниваются памятники, подобные Стрелице, Целикову Бугру. Отношение же последних к колочинской культуре во многом неясно.

Для понимания этнической ситуации в Верхнем Поднепровье I тыс. важное значение имеет изучение гидронимии.²⁸ Оно свидетельствует о преобладании здесь в течение длительного времени балтского этнического компонента. Сохранение в гидронимии Верхнего Поднепровья пласта балтских названий, по мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, позволяет с уверенностью говорить об инфильтрации балтов, а не о резкой смене населения. Существенны и те наблюдения, которые показывают, что волна славянской колонизации шла с юга и юго-востока, охватывая помимо самого Днепра главным образом его левые притоки — Сож, Десну. Но эти факты, не будучи привязанными к точной временной шкале, могут быть истолкованы по-разному.

В. В. Седов полагает, что ареал культур Верхнего Поднепровья, не имевших продолжения в VIII в., полностью совпадает с ареалом гидронимии балтского происхождения. Однако в отношении колочинской культуры это замечание неверно. Юго-восточная граница ее проходит южнее Сейма, спускаясь до среднего течения Псла и Сулы, там, где балтские названия почти неизвестны.²⁹ Кроме того, нельзя быть уверенным в том, что балтская гидронимия на юго-востоке относится к V—VII вв., а не ко времени, например, юхновской культуры, бесспорно имеющей общую границу с ее ареалом.³⁰

Таким образом, аргументация в пользу балтской атрибуции колочинской культуры и предшествующей ей киевской, с которой она генетически связана, является недостаточной и спорной. В той же мере это касается и тех доводов, которыми подкрепляется версия о славянстве зарубинецкой культуры и сложении на ее основе памятников последующего времени. Она во многом построена на гипотезах, нуждающихся в проверке и дальнейшей разработке. Особенно плохо изучена так называемая позднерубинецкая (киевская) культура II—V вв., связь которой с собственно зарубинецкой весьма проблематична. Положение особенно осложняется тем, что остаются единичными памятники второй половины I—II в., что в известной мере создает разрыв между зарубинецкой и киевской культурами.

²⁷ Там же, с. 5—7.

²⁸ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

²⁹ По мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, «Сейм представляет собой своего рода рубеж распространения балтов на юго-востоке, который балты не переходила в южном направлении» (см.: Топоров В. Н., Трубачев О. ff. Лингвистический анализ. . ., с. 231).

³⁰ Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье. — СА, 1965, № 4, с. 52—62.

В изучении последней сделано еще немного, но уже сейчас ясно, что киевский компонент стал основным, определяющим в колочинской культуре. Судя по некоторым наблюдениям, серьезную роль он сыграл, видимо, и в сложении пеньковской культуры. Особенно это заметно на керамике раннепеньковских комплексов (Хитцы, Большая Андрусовка и др.). Как уже говорилось, причину соответствия пеньковской и колочинской культур следует усматривать не только в их одновременном существовании и взаимодействии, но и в определенной связи их с киевской культурой, осложненной Черняховским влиянием на юге, балтским — на севере. И поскольку славянство пеньковской культуры не вызывает особых сомнений, то можно предполагать, что славянами оставлены и колочинские древности. Но серьезная аргументация этого мнения в настоящее время практически невозможна, а только на допущениях основываться весьма рискованно. К тому же отсутствие «местного начала» в славянской культуре VIII—X вв. пока действительно остается реально установленным фактом, с которым нельзя не считаться. В общем же, видимо, более правомерно вопрос об этническом лице культур Верхнего Поднепровья до VIII в. считать открытым и связывать его решение с дальнейшими исследованиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Середина и третья четверть I тыс. н. э. — один из наиболее важных этапов истории Днепровского Левобережья, остающийся во многом непознанным. Изучение его осложняется скудостью письменных свидетельств об этнической и культурной истории Поднепровья, не дающих ясного представления о тех явлениях и событиях, которыми определялось сложение в славянской среде раннефеодальных отношений, государственности. Решающее слово должна сказать археология, постепенно устраняющая пробелы в своих источниках. С особой ясностью это обнаружилось в 50—60-е гг., когда, наконец, в Поднепровье были найдены массовые памятники середины и третьей четверти I тыс., хронологически сомкнувшие уже известные археологические культуры. Открытие их обеспечивает реальные возможности для успешной разработки сложных проблем изучения этнокультурного развития в Поднепровье. Но до теоретических обобщений, связанных с раскрытием сущности происходившего здесь этнокультурного процесса, еще далеко. В пределах возможного по-прежнему остаются лишь гипотетические решения, хотя подчас и не лишённые оснований. Важнейшая причина этого заключается в характере проведенных изысканий, являющихся, по сути дела, первым шагом в исследовании массовых памятников Левобережья интересующего нас периода.

Анализ последних приведен в работе в соответствии с их географическим делением на северные, связанные с лесной зоной, и южные, лесостепные. Северные памятники представлены главным образом неукрепленными поселениями (селищами) и отдельными бескурганскими могильниками с захоронениями по обряду сожжения на стороне. Поселения нередко образуют гнезда, что объясняется социально-экономическими причинами — господствующей в то время формой хозяйства, в частности широким применением подсечного земледелия, при котором неизбежна частая смена мест поселений.

Сравнительный анализ керамики позволяет установить относительную хронологию памятников. Они делятся на три временные группы, датируемые одна III—началом V в., другая концом IV—VII в., третья VII—серединой VIII в. Последняя пока может быть охарактеризована лишь в самых общих чертах. Две первые группы не занимают особого места в «культурной стратиграфии» Поднепровья. Они отвечают определенным культурным общностям. Самая ранняя должна быть объединена с памятниками типа Абидни в Юго-Восточной Белоруссии, а также киевского типа на севере Среднего Поднепровья. С этими древностями генетически связана культура последующего времени, именуемая колочинской, ареал которой на Левобережье кроме Подесенья охватывает северную окраину лесостепной зоны. В целом же ареалы киевской и колочинской культур совпадают. В полосе лесостепи к раннеколочинской культуре относятся еще недостаточно изученные памятники типа Курган-Азака и Сенчи, кое-что перенявшие от черняховской культуры того же времени, но не растворившиеся в ней. В лесостепном Левобережье в тесном взаимодействии с колочинской культурой выступают так называемые пеньковские памятники, в отдельных слагаемых не совпадающие с ней.

Один из опорных пеньковских памятников на Левобережье — селище Хитцы. На нем выделяются три типологически связанных комплекса.

Один из них соответствует начальной фации пеньковской культуры, известной пока по единичным памятникам, чье своеобразие определяется сочетанием чисто пеньковских и северных (киевско-колочинских) элементов, что делает вероятным участие последних в сложении этой культуры. Время раннего комплекса — V—первая половина VI в. Второй комплекс представляет дальнейшее развитие первого и типичен для пеньковской культуры второй половины VI—VII в. Третий комплекс связан с волынцевской культурой VIII—IX вв.

Пеньковским памятникам свойственны как временные различия, так и локальные, связанные с неадекватным воздействием со стороны смежных культур, а также, видимо, и субстрата.

Появление женского убора конца VI—VII в. находит объяснение в инфильтрации в пеньковскую среду отдельных групп южного (алано-болгарского?) населения. Последнее служит вторым этническим компонентом в лесостепном Левобережье, выступающим в тесном взаимодействии с основным, в котором можно видеть славян. Этнически неоднородным население оставалось и в последующее время (VIII—IX вв.).

Коренные изменения в материальной культуре Левобережья в конце VII—начале VIII в. свидетельствуют об этнокультурном сдвиге. Часть пеньковских племен в связи с экспансией Хазарского каганата, видимо, несколько сдвигается в северном направлении, достигая поречья Десны. В усилившейся опасности нужно видеть и причину зарытия большинства кладов. По времени некоторые из них совпадают с богатейшими степными «кладами», возможно частью оставленными хазарской знатью.

В Подесенье на смену колочинской культуре в VII—начале VIII в. приходят памятники, которые, сохраняя отдельные архаичные элементы, уже во многом близки достоверно славянской культуре VIII—X вв. Появление их, вероятно, связано с отходом на север под нажимом хазар части пеньковского населения, а не с эволюционным развитием колочинской культуры, как предполагал П. Н. Третьяков. Этническое лицо последней, как и киевской, не поддается четкому определению, но некоторые данные позволяют считать, что обе культуры в своей основе являлись славянскими.

КАТАЛОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА р. ДЕСНЫ

(вторая и третья четверть I тыс. н. э.)¹

1. Тихая Пристань, Брянская обл., р. Десна — городище, датируемое Л. В. Артишевской серединой I тыс. Раскопки не проводились.

Артишевская Л. В. Разведка в верховьях Десны. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 87.

2. Владимировна, уроч. Змеев Лог, Брянская обл., р. Десна — городище. По данным Л. В. Артишевской, содержит два слоя: нижний — середины I тыс. до н. э., верхний — VI—VIII вв.

Артишевская Л. В. Разведка. . . , с. 88 ел.; *Шмидт Е. А., Заверняев Ф. М.* Археологические памятники бассейна Верхней Десны. — В кн.: Матер. по изуч. Смолен. обл. Смоленск, 1959, вып. 3, с. 212, 213.

3. Жуковка, Брянская обл., р. Десна — селище III—IV вв. Обнаружено на дюне, в 0.5—1 км ниже устья р. Ветьмы. Толщина культурного слоя 0.3—0.4 м. Дата селища устанавливается по находке железной подвязной фибулы.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 135, 136.

4, 5. Речица, Брянская обл., р. Десна — два селища середины или третьей четверти I тыс. Одно находится на краю надпойменной террасы, в 1.5—2 км ниже деревни. При обследовании обнаружены полуземляночное жилище, нарушенное обрывом берега, и керамика частью зарубинецкого времени, частью середины или третьей четверти I тыс. Другое селище расположено на той же террасе, ниже устья старой балки, к которой подходит деревня. Культурный слой сохранился в небольшой полосе около самой балки. Содержит лепную керамику, подобную встреченной на первом селище.

Третьяков П. Н. 1) Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — РВД, 1974, с. 74; 2) Отчет об археологических исследованиях в Брянской обл. в 1962 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 120 (далее — отчет за 1962 г.).

6. Чернетово—Бетово, Брянская обл., р. Десна — селище третьей четверти I тыс. (?). Находится между указанными деревнями, слева от устья оврага, к которому вплотную подходят приусадебные земли д. Чернетово, на краю сниженного коренного берега.

Третьяков П. Н. 1) Древности. . . , с. 75; 2) Отчет за 1962 г.

7. Смольянь, Брянская обл., р. Десна — селище VI—VII вв. Находится на краю сниженного коренного берега, между двумя оврагами, в 1 км от деревни. Размеры около 80—100х70—80 м. Толщина культурного слоя от 0.2 до 0.4 м. Исследовалось П. Н. Третьяковым в 1962 и 1963 гг. На вскрытой площади (500 м²) обнаружено пять плохо сохранившихся наземных (?) жилищ с углубленным полом, в плане почти квадратных, с длиной стен от 3 до 4.2 м. В жилищах прослежены скопления обожженной глиняной обмазки. Открыто также несколько округлых

¹ Порядковые номера памятников соответствуют цифровым обозначениям на рис. 1. Памятники приводятся в очередности, которая определяется их географическим размещением (по рекам сверху вниз).

ям-погребов диаметром 0.6—0.7 м. Селище, по данным радиоуглеродного анализа, относится к концу VI—началу VII в.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 75—85.]

8. Большевик, Брянская обл., р. Десна — селище третьей четверти I тыс. Обнаружено на краю правого коренного берега, выше деревни.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 75.

9—11. Хотылево, Брянская обл., р. Десна — три селища, датируемых П. Н. Третьяковым серединой или третьей четвертью I тыс. Одно находится у северо-западной окраины села, на широком мысу правого коренного берега, образованного долиной реки и двумя оврагами. Другое — около школы, на высоком обрывистом уступе того же берега, над обнажениями известной мустьерской стоянки. При небольших раскопках здесь открыто несколько ям-погребов. Еще одно селище найдено в 0.5 км ниже парка, на сниженном коренном берегу, заросшем мелколесьем.

Третьяков П. Н. 1) Древности. . . , с. 74; 2) Отчет за 1962 г.

12. Голяжье, Брянская обл., р. Десна — многослойное поселение. Находится справа от устья р. Гасомы, напротив деревни, на мысу надлуговой террасы правого берега р. Десны. Исследовалось Ф. М. Заверняевым в 1968 и 1971 гг. Им обнаружены остатки жилых построек и ямы-погребов разного времени: рубежа новой эры, второй четверти и конца I тыс. К «среднему» слою относятся жилища: землянка 4x4м, с центральным столбом; еще одна землянка, полностью не вошедшая в раскоп, — и ряд хозяйственных ям.

Заверняев Ф. М. Селище в устье р. Гасомы. — РВД, 1974, с. 126—131.

13. Белокаменка, окраина г. Брянска, р. Десна — селище третьей четверти I тыс. (?). При разведочных работах А. К. Амброза обнаружено жилище-землянка, нарушенное оползнем берега.

Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. — СА, 1964, № 1, с. 71.

14. Уручь—Рясное, Брянская обл., р. Десна — городище с двумя площадками и двумя валами. Разведки Л. В. Артишевской, 1958 г. Толщина культурного слоя 0.3—0.5 м. Найденная керамика «очень похожа на раннюю керамику из могильника в уроч. Дуля», близ д. Кветуни.'

Артишевская Л. В. Отчет о полевой работе Деснинского отряда Верхне-Днепровской экспедиции в 1958 г. — Арх. ИА АН СССР, р-1, № 1821.

15. Уты, уроч. Поповка, Брянская обл., р. Десна — селище третьей четверти I тыс. Находится на мысу правого коренного берега, справа от устья широкого оврага, вблизи села.

Третьяков П. Я. Отчет за 1962 г.

16. Мансурово, Брянская обл., р. Десна — селище (?) третьей четверти I тыс. Находится около северной окраины села, на краю изрезанного оврагами коренного берега реки. В обнажениях берега культурный слой тянется примерно на 100 м. Его толщина 0.2—0.4 м. В 1962 г. П. Н. Третьяковым обнаружена сильно разрушенная землянка с очагом в углу. Под очага был выстлан крупными черепками.

Третьяков П. Н. 1) Древности. . . , с. 50; 2) Отчет за 1962 г.

17. Ивановское, Брянская обл., р. Десна — селище третьей четверти I тыс. (?). Открыто к югу от села, на мысу правого коренного берега, занятом приусадебными огородами и садами. Основной слой принадлежит к позднему средневековью.

Третьяков П. Н. Отчет за 1962 г.

18. Усох, Брянская обл., р. Десна — селище в уроч. Лука, а несколько восточнее его, у Крахмального з-да, на пологом склоне правого коренного берега реки — могильник VI—VII вв. Раскопками В. А. Падина обнаружено 18 погребений с сожжениями. Урновые и безурновые захоронения совершены в небольших округлых (реже — овальных) ямах

глубиной 0.15—0.4 м. В восьми погребениях встречена грубая лепная керамика. Из погребений происходят также обломок бронзового браслета с утолщенными концами, фрагмент бронзовой пальчатой фибулы, железные пряжка и нож.

Падин В. А. 1) Древности VI—VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска. — РВД, 1974, с. 132—135; 2) Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. — СА, 1960, № 3, с. 317, 318.

19. Хохлов Вир, Брянская обл., р. Десна — селище третьей четверти I тыс. Находится в пойме левого берега реки, в 0.5 км выше Усохского крахмального з-да. Разведки В. А. Падина. В местах обнажения культурного слоя и шурфах найдена лепная грубая и лощеная керамика. Кроме того, встречены железные коса-горбуша и трехперый наконечник стрелы.

Падин В. А. 1) Древности. . ., с. 134, 135; 2) Раннеславянские поселения и могильник. . ., с. 318, рис. 2, 7.

20. Верхние Городцы, уроч. Макча, Брянская обл., р. Десна — многослойное поселение. Обследовалось В. П. Левенком и В. А. Падиным. Расположено на одном из отрогов правого коренного берега, ныне занятого колхозным садом. Толщина культурного слоя до 1.2 м. По мнению В. А. Падина, поселение было защищено с напольной стороны валом и рвом, не сохранившимися до наших дней. Раскопками Падина в 1956 г. обнаружено несколько квадратных в плане жилищ, наземных и полуземляночных, с глиняной печью или печью, сложенной из крупных кусков болотной руды, мергеля и глиняных вальков. В углах одного из жилищ выявлены столбовые ямы. Открыт также ряд хозяйственных ям. Жилища и ямы-погребя, судя по характеру найденной в них керамики, в большинстве относятся к роменской культуре (VIII—X вв.). Типологически выделяются еще три комплекса: со штрихованной керамикой; «раннеславянский» третьей четверти I тыс., с керамикой, аналогичной известной по Хохлову Виру; великокняжеской поры.

Падин В. А. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — СА, 1969, № 4, с. 208—218.

21. Прорва, урочище у г. Трубчевска, Брянская обл., р. Десна — селище середины I тыс. Занимает останец (?) первой надпойменной, террасы правого берега реки. Рядом с ним обнаружены следы древнего подсечного поля.

Величко А. А., Падин В. А., Федорова Р. В. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. — СА, 1960, № 2, с. 245, 246.

22. Цветунь, уроч. Дуля, Брянская обл., р. Десна — могильник и селище. Находятся на дюне, в пойме реки. Раскопки В. А. Падина, Л. В. Артишевской и др. Погребения курганные и грунтовые. Первые делятся на две группы: южную и северную. Насыпи в большинстве округлые, низкие, высотой от 0.3 до 0.8 м, диаметром 7—12 м. Захоронения по обряду сожжения совершены на стороне, в небольших ямах под насыпью. В отдельных курганах, в центре, сразу под дерном встречены урновые захоронения. По мнению Л. В. Артишевской, они впускные, поздние. В двух курганах прослежены следы деревянной оградки. Грунтовые погребения обнаружены Артишевской в нескольких траншеях, заложенных в северной части урочища. Они только безурновые, в округлых и овальных ямах разного размера. Некоторые наблюдения позволяют допустить, что многие ямы не представляют собой погребений, а связаны с сильно разрушенным селищем, открытым в той же части урочища. Датировка ранних погребений определяется по находкам перекладчатой фибулы, крестовидной бляшки с выемчатой эмалью и пр. Это скорее всего IV—V, а не V—VII вв., как считает Артишевская. Из культурного слоя происходит арбалетная подвязная фибула.

Артишевская Л. В. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. — МИА, 1963, №108, с. 85-96.

23. Витимля, Брянская обл., р. Десна — селище середины или третьей четверти I тыс. Находится на правом берегу, в 200—250 м ниже моста.

Третьяков П. И. Древности. . . , с. 86.

24. **Юдиново**, Брянская обл., р. Судость (приток р. Десны) — селище середины I тыс. Открыто в 1962 г. на склоне правого берега реки южнее села, справа от устья р. Бойни.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86.

25. 26. Теляшевка, Брянская обл., р. Судость — два многослойных селища. Первое находится с левой стороны устья р. Вабли, на южной окраине деревни, в уроч. Лысая Гора (Стойло). Здесь встречена керамика разного времени, начиная с позднего неолита или бронзового века вплоть до древнерусской поры. С селища происходит массивный бронзовый браслет с утолщенными концами IV—V вв. Второе селище расположено на дюне, справа от устья р. Вабли. По П. Н. Третьякову, и на нем имеются разные слои: юхновский, зарубинецкий, середины или третьей четверти и конца I—начала II тыс.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86; Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и датировка). — СА, 1963, № 3, с. 91.

27. Посудичи, Брянская обл., р. Судость — многослойное поселение. Находится в 2 км ниже села, на широком мысу надпойменной террасы правого берега реки. Ширина мыса около 200 м, высота над поймой 3—4 м. Раскопками П. Н. Третьякова в 1962 и 1963 гг. обнаружен плохо сохранившийся слой середины I тыс., изрытый ямами XI—XIII вв. и совсем недавнего времени. С серединой I тыс. связываются две хозяйственные ямы. В одной из них найдена бронзовая пластинка с решетчатым орнаментом, датируемая А. К. Амброзом VI в.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 87—89.

28. **Яковлевичи**, уроч. Бугорец, Брянская обл., р. Судость — селище. Расположено на дюне, в пойме правого берега, несколько выше деревни.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86.

29. Суворово, Брянская обл., р. Судость — многослойное селище. Находится у северной окраины села, на краю низкой надпойменной террасы правого берега реки. В обнажениях террасы культурный слой тянется на 130—150 м. Его толщина 0,2—0,4 м. При обследованиях найдена разновременная керамика: юхновская (?) V—VIII вв., роменская и средневековая.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86; Заверняев Ф. М. Селища бассейна р. Судости. — СА, 1960, № 3, с. 180 ел.

30. Марковск, Брянская обл., р. Судость — селище (?) середины или третьей четверти I тыс. Расположено на невысокой песчаной гряде, в пойме правого берега реки, у моста, напротив деревни.

Третьяков П. Я. Древности. . . , с. 86.

31. Сопачи, уроч. Городок, Брянская обл., р. Судость — селище середины или третьей четверти I тыс. Находится на останце надпойменной террасы левого берега реки, на дороге из д. Сопачи в д. Евдоколье. Нарушено песчаным карьером.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86.

32—34. **Гремяч**, Черниговская обл., р. Судость — три селища (?) с керамикой середины или третьей четверти I тыс.

Третьяков Я. Я. Древности. . . , с. 86.

35. **Камень**, Черниговская обл., р. Десна — многослойное поселение. Находится в 200—300 м ниже устья р. Рогожны, на краю подмываемого

Десной берега. В обрыве берега виден культурный слой, относящийся в основном к древнерусской поре.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86.

36. Пушкари, Черниговская обл., р. Десна — селище с отложениями разного времени, в том числе середины или третьей четверти I тыс.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 86.

37. Смяч, уроч. Загребелье, Черниговская обл., р. Смячь (приток р. Десны) — селище второй четверти I тыс. Находится на правом коренном берегу, подмываемом во время половодий, у моста через реку.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 89.

38. Смяч—Мамекин, Черниговская обл., р. Смячь — селище второй четверти I тыс. Расположено на склоне правого коренного берега реки, занятом лесопосадками, между указанными селами. При обследовании в 1968 г. обнаружен ряд ям разного времени: второй четверти I тыс. и совсем поздних, конца XIX—начала XX в.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 89, 90.

39. Лесконоги, Черниговская обл., р. Десна — могильник V—VII вв. Находится на дюне, лежащей поперек болотистой поймы правого берега Десны, на изгибе старицы р. Смячи. Раскопками автора в 1968 г. обнаружено пять грунтовых погребений с сожжениями.

Горюнов Е. А. Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине. — РВД, 1974, с. 119—121.

40. Колодезный Бугор, Черниговская обл., р. Десна — многослойное селище. Находится на дюне, в пойме правого берега Десны, севернее устья р. Смячи. Исследовалось П. Н. Третьяковым в 1967 и 1969 гг. В траншее (2x14 м) на восточном краю дюны и на раскопе площадью 230 м², заложенном западнее, обнаружены три жилища: одно эпохи бронзы; два, датируемых Третьяковым первыми тремя веками новой эры, — и несколько ям-погребов. Для жил. 2, полуземляночного, 4 X4 м, с центральным столбом, возможной является и более поздняя датировка. Найдены железная фибула, трехперый черешковый наконечник стрелы, шило, ножи, обоймица, обломанная поясная бляшка (?).

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 92—99.

41. Целиков Бугор, Черниговская обл., р. Десна — многослойное селище. Находится на дюне, в пойме правого берега Десны, несколько выше устья р. Смячи. Культурный слой нарушен выдувами и траншеей военного времени. Он сохранился на площади около 80—90x40—50 м. Его толщина от 0.1 до 0.3 м. Раскопками автора в 1969 г. вскрыты три полуземляночных жилища и ряд ям-погребов. Выделяются два комплекса. Один из них, представленный жил. 1, с центральным столбом, датируется серединой I тыс. Второй, куда входят два других жилища (2 и 3), погибших от пожара, с печью в одном из углов, относится к концу VII—VIII в. В жил. 2 обнаружены горелые бревна нижних венцов сруба. Размеры жилищ 1—3.7x3.1, 2—3x4, 3—4.2x3.2 м. Наряду с грубой лепной керамикой в жил. 2 найдены отдельные обломки гончарной посуды пастырского и вольинцевского типов.

Горюнов Е. А. Селище Целиков Бугор на Средней Десне. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 42—46.

42. Бирин, уроч. Пристань, Черниговская обл., р. Десна — селище (?) III—IV вв. Находится на пологом склоне первой террасы левого берега Десны, ниже устья р. Торкны, в 1.2—1.5 км к западу от села. Краеведом И. Ф. Иванченко здесь встречены обломки грубой лепной посуды, видимо разновременной, и железная прогнутая подвязная фибула (серия I, вариант 1, конец II—III в. — по А. К. Амброзу).

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 91, рис. 2, б.

43. Форостовичи, уроч. Селище, Черниговская обл., р. Рома (приток р. Десны) — селище III—V вв. Расположено на обрывистом мысу правого коренного берега реки, в 0,3 км севернее села. Культурный слой сохранился лишь в узкой полосе, идущей по краю мыса, где его толщина достигает до 0,3 м. Поселение исследовалось Э. А. Сымоновичем в 1966 г. и П. Н. Третьяковым в 1967 и 1969 гг. Были обнаружены три полуземляночных жилища обычного размера, с центральным столбом, а также отдельные ямы-погребя.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 99—101; Сымонович Э. А. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 64—66.

44. Стахорщина, Черниговская обл., р. Малотечка (приток р. Десны) — селище третьей четверти I тыс. (?). Находится на мысу сниженного правого коренного берега, в черте села, примерно в 1 км выше шоссе Новгород-Северский—Сосница. Разведки П. Н. Третьякова.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 91.

45. Заярье, Черниговская обл., р. Малотечка — селище середины I тыс. Находится на обрывистом уступе правого коренного берега реки, выше с. Кудлаевка. Культурный слой почти не сохранился. Перекрытый толщей наноса, он прослеживается лишь в обнажении берега на протяжении 80—100 м. При раскопках в 1970 г. обнаружены полуземляночное жилище с центральным столбом и очажной ямой, ряд хозяйственных ям.

Горюнов Е. А. Некоторые древности. . . , с. 121—125.

46. Хут. Самоквасова, Черниговская обл., р. Малотечка — селище середины I тыс. (?). Расположено на распаханном склоне пологого левого берега реки, у дороги на Стахорщину, напротив поселения в уроч. Заярье.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 91.

47. Левкин Бугор, Черниговская обл., р. Малотечка — селище V—VII вв. Находится на склоне надпойменной террасы правого берега реки, несколько выше с. Кудлаевка. Культурный слой толщиной 0,2—0,25 м прослеживается вдоль берега на протяжении 80—100 м. Раскопками Э. А. Сымоновича в 1966 г. обнаружено полуземляночное жилище 4,8X4,8 м, с центральным столбом и открытым очагом.

Сымонович Э. А. Поселения. . . , с. 87—92.

48. Лавриков Лес, Черниговская обл., р. Малотечка — селище III—IV вв. Расположено на надпойменной террасе левого берега реки, по обе стороны от небольшого оврага, в 1,5 км к северо-востоку от с. Дехтяревка. Нарушено придорожной канавой, в восточном конце перекрыто усадьбой XVII—XVIII вв. Раскопками П. Н. Третьякова в 1969 и 1970 гг. обнаружено пять полуземляночных жилищ (1—2x2,4, 2—4,1x4, 3—4x3,8, 3,8—4x3,65, 3,25—5x2,9 м), углубленных в грунт на 0,4—1,1 м. Все они имели центральный столб, открытый очаг. Из вещей найдены железные подвязная фибула второй половины III—IV в., ножи, шило, булавка с кольцевидной головкой, бронзовое колечко, костяные острия, лощила из ребер крупных животных.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 102—110.

49. Стрелица, Черниговская обл., р. Десна — двухслойное селище. Находится в 1 км от южной окраины с. Дехтяревка, левее устья р. Малотечки, на низком мысу надпойменной террасы правого берега Десны. Культурный слой нарушен траншеей военного времени. Раскопками П. Н. Третьякова в 1970 г. вскрыты две различные по характеру землянки: с центральным столбом и открытым очагом; без каких-либо столбов, с глиняной печью в углу. Исходя из характера найденной керамики,

первое жилище можно отнести к V—VII вв., второе — к концу VII—первой половине VIII в.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 110—112.

50. Кудлаевка, Черниговская обл., р. Десна — селище середины I тыс. Расположено в 0.5 км к востоку от села, на низком пологом мысу первой террасы правого берега р. Десны, при впадении в нее р. Малотечки. Открыто П. Н. Третьяковым в 1969 г. Культурный слой распахивается, на краю мыса нарушен картофельными ямами. Найденная на пашне керамика, по мнению исследователя, «не отличается от происходящей с селища Лавриков Лес».

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 91.

51. Черешенки, Черниговская обл., р. Десна — селище. Находится на выступе невысокого коренного берега, между селами Вишенки и Черешенки.

Третьяков П. Я. Древности. . . , с. 112.

52. 53. Вишенки, Черниговская обл., р. Десна — два селища. Одно расположено на обрывистом краю правого берега реки, у северной окраины села, в уроч. Провалье. Раскопками П. Н. Третьякова в 1967 г. здесь обнаружены 14 хозяйственных ям-погребов середины I тыс. и два плохо сохранившихся жилища бронзового века. Другое селище, по керамике близкое к первому, открыто на том же берегу Десны у южного края села.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 112.

54,55. Конятин, Черниговская обл., р. Десна — два селища. Первое расположено на пологом склоне коренной террасы правого берега реки, обращенном к югу и юго-западу, у западной окраины села. Культурный слой толщиной 0.3—0.4 м нарушен распашкой. Найденная здесь керамика относится к дороменскому времени. Второе селище занимает мыс той же террасы, образованный двумя оврагами и поймой Десны. Находится в 200 м севернее предыдущего, в уроч. Селище. Культурный слой распахивается, у южного края мыса нарушен силосными ямами. Керамика из сборов лепная дороменского (?) времени и гончарная средневековая.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 112.

56. Спасское, Черниговская обл., р. Десна — селище середины I тыс. (?). Находится на склоне коренной террасы (высота 3—5 м), у северо-восточной окраины села. Почти полностью разрушено двумя молодыми оврагами.

Третьяков П. Н., Горюнов Е. А. Отчет об археологических исследованиях в Новгород-Северском и Сосницком р-нах Черниговской обл. в 1969 г. — Арх. ЛОИА, к. п. 1618.

57. Киреевка, уроч. Маслов, Черниговская обл., р. Убедь (приток р. Десны) — селище и могильник III—IV вв. Селище расположено на краю пойменного правого берега. В обрыве берега культурный слой тянется на протяжении не менее 80—90 м. Его толщина около 0.2 м. Селище исследовалось в 1969 и 1970 гг. П. Н. Третьяковым. Обнаружены хозяйственные ямы и полуземляночное жилище 4X3.9 м, с центральным столбом. Среди найденных вещей — железная посоховидная булавка и обломок провололочной подвязной фибулы. Могильник находится на дюне, западнее селища. От негр сохранилось пять грунтовых погребений с сожжениями.

Третьяков П. Н. Древности. . . , с. 113—116.

58. Долинское, Черниговская обл., р. Убедь — многослойное поселение. В нем прослеживаются отложения бронзового и раннего железного века, а также середины I тыс. н. э.

Мельниковська О. М. Могильник канівської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині. — Археологія, Київ, 1977, т. 24, с. 60—67.

59. **Максаки**, Черниговская обл., р. Десна — многослойное поселение. В обрыве берега реки культурный слой прослеживается на протяжении 250 м. Его толщина 0.6 м. Отложения относятся к эпохам неолита и бронзы, а также к послезарубинецкой поре.

Нейрина В. И. Работы Деснинского отряда. — АО 1970 г., М., 1971, с. 235.

60. **Ровчак**, Черниговская обл., р. Снов (приток р. Десны) — селище V—VII вв. Находится на склоне левого коренного берега ручья Ровчак, в 1.2 км к западу от с. Макишин. Нарушено дорожной выемкой, а также двумя молодыми оврагами. Культурный слой сохранился в узкой полосе на границе с поймой. В местах обнажений его толщина 0.2—0.3 м. На размытом краю ближнего от села оврага открыто жилище с центральным столбом и очажной ямой.

Горюнов Е. А. Древности I тыс. н. э. нижнего течения р. Снова. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 68—72.

61. 62. **Макишин**, Черниговская обл., р. Снов — два селища. Находятся на расстоянии 300—350 м друг от друга, между пос. Седневым и с. Макишин. Ближнее к последнему селище занимает обрывистый мыс, образованный долиной реки и двумя впадающими в нее оврагами. Высота мыса 10—12 м, ширина около 50 м. При обследовании в 1970 г. обнаружен ряд хозяйственных ям. Толщина культурного слоя около 0.2 м. Наиболее вероятная дата селища, судя по найденной керамике, — VII—VIII вв. Второе селище расположено на длинном, полого снижающемся к руслу Снова мысу коренного берега, вблизи старицы. Высота мыса у его основания 6—8 м, вблизи реки 2.5—3 м. При разведочных работах в 1970 г. найдена разнородная керамика: лепная позднего бронзового века, второй четверти или середины I тыс. и гончарная, относящаяся в основном к позднему средневековью.

Горюнов Е. А. Древности I тыс. . . , с. 68—72.

63. **Седнев**, Черниговская обл., р. Снов — селище середины I тыс. (?). Расположено в 0.2 км к юго-востоку от поселка, на высоком мысу правого коренного берега, образованного долиной реки и впадающим в нее оврагом.

Горюнов Е. А. Отчет об археологическом обследовании поречья Снова в 1970 г. — Арх ЛОИА, к. п. 1660.

64. **Клочков**, Черниговская обл., р. Снов — селище III—V вв. Находится на восточной окраине села, на обрывистом краю надпойменной террасы правого берега реки, возвышается над поймой на 5—6 м. В 1970 г. при шурфовке селища открыт ряд хозяйственных ям.

Горюнов Е. А. Древности I тыс. . . , с. 68—72.

65. **Ульяновка**, Черниговская обл., р. Десна — селище IV—V вв. Расположено в 9 км к северо-востоку от г. Чернигова, на краю надпойменной террасы. Исследовалось Е. В. Максимовым и Р. В. Терпиловским. Были обнаружены полуземляночные жилища, несколько хозяйственных ям. Кроме лепной керамики найдены отдельные обломки гончарной посуды Черняховского типа. Среди вещей — пряжки, трехслойный наборный гребень, браслет с утолщенными концами, фрагмент зеркала с центральной петлей, орудия из кости (проколки, иглы, ложила).

Терпиловский Р. В. Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье. — В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 123—141.

66. **Шестовица**, уроч. Коровель, Черниговская обл., р. Десна — многослойное городище. Находится в 1 км к юго-западу от села; на мысу коренного правого берега. Размеры 150x80—100 м. Культурный слой толщиной до 1—1.2 м. По данным обследований 1946 и 1948 гг., городище содержит отложения первой и второй половины I—начала II тыс. Из уроч.

Коровель происходят два массивных бронзовых браслета с утолщёнными концами, покрытыми нарезным геометрическим узором, III—V вв.

Попко О. О. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни — В кн.: Середні віки на Україні. Київ, 1971, с. 134.

67. Слабино, уроч. Декановщина, Черниговская обл., р. Слабинь (приток р. Десны) — многослойное городище. Находится в юго-восточной части села, на высоком мысу правого коренного берега реки. Длина городища 210 м, ширина от 30 до 90 м. Культурные отложения относятся к первой половине I тыс. н. э. и IX—XIII вв.

Попко О. О. Слов'янські археологічні пам'ятки. ..., с. 135.

68. Моровск, Черниговская обл., р. Десна — многослойное городище. Расположено в черте села, на высоком мысу коренной террасы реки. Размеры 225x190 м. Толщина культурного слоя 1—1.25 м. Ранние отложения относятся к первой половине I тыс.; поздние — к IX—XIII вв.

Попко О. О. Слов'янські археологічні пам'ятки. ..., с. 137.

КАТАЛОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ
(киевская, колочинская и пеньковская культуры)¹

1. Воробьевка 2, Курская обл., при слиянии рек Снова и Моркости (притоки р. Тускари) — многослойное селище. Открыто Ю. А. Липкиным в 1970 г. Исследовалось Э. А. Сымоновичем. Размеры 150x50—60 м. Толщина культурного слоя 0.6—0.8 м. Обнаружены две землянки, 38 ям, несколько глиняных очагов. К раннему комплексу принадлежат четыре ямы и один очаг, под которого устроен на вымостке из керамики. Сымонович относит этот комплекс к черняховской культуре. Однако такая атрибуция вызывает сомнения, поскольку во всех пластах культурного слоя преобладает лепная посуда, типологически близкая известной в памятниках киевского типа (III—V вв.). В последних встречаются и глиняные очаги, сооруженные на вымостке из керамики. К этому кругу памятников, видимо, и должен быть причислен ранний комплекс селища. Второй комплекс, датируемый Сымоновичем VI—VII вв., включает землянку 3.8x3.4 м, с центральным столбом и очажной ямой, отдельные хозяйственные ямы и глиняный очаг *Б*. Еще одна обнаруженная на селище землянка, имевшая печь-каменку, относится к роменской культуре. На селище есть и культурные отложения X—XI вв.

Сымонович Э. А. 1) Поселение Воробьевка 2 в Курской области. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 76—83; 2) Новые открытия в селищах Авдееве и Воробьевка 2 возле г. Курска. — РВД, 1974, с. 153—158.

2. Газово, Курская обл., р. Тускарь (приток р. Сейма) — селище III—V вв. Находится на песчаном останце надпойменной террасы. Разведки Э. А. Сымоновича, 1970 г.

Сымонович Э. А. Новые открытия. . . , с. 158.

3. Курск, р. Тускарь — многослойное поселение. Находится в черте города, возле Кировского моста, на дюне. Содержит культурные наслоения эпохи неолита, V—VII вв. (колочинская культура) и великокняжеской поры. С поселения происходит обломок бронзовой пальчатой фибулы.

Липкин Ю. А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. — РВД, 1974, с. 173.

4.5. Лебяжье, Курская обл., р. Сейм — селище (IV) и бескурганый могильник с сожжениями (I). Находятся в 1 км друг от друга, на дюнной гряде правого пойменного берега, против села. На селище обнаружены жилище и яма-погреб. Жилище — полуземлянка с глиняной печью. В ее заполнении и в развале печи найдена керамика двух видов: лепная, обычная для колочинских древностей, и гончарная черняховская. На могильнике вскрыто 110 безурновых, урновых и смешанных погребений. Первые численно преобладают. В них — пережженные кости, перемешанные с золой и углем или же очищенные, такие как в большинстве погребений с урнами. Вещи встречены только в безурновых погребениях. Это различные бронзовые украшения, бусы, пряжки, аппликации поясного набора и пр. По ним устанавливается дата погребений—VI—VII вв.

Липкин Ю. А. Могильники. . . , с. 141—151.

¹ Порядковые номера памятников соответствует обозначениям на рис. 15.

6. Колосовка, Курская обл., р. Рогозна (приток р. Сейма) — селище III—V вв. Находится на пологом склоне левого берега реки, возле северной окраины деревни. Вдоль берега селище тянется примерно на 150 м. Толщина его культурного слоя до 0.5 м. При раскопках в 1971 г. вскрыты три постройки: наземная с глиняным очагом и две полуземляночные без печи или очага, одна из которых имеет (?) центральный столб. Кроме того, обнаружены хозяйственные ямы и отдельные очаги. Керамика делится на грубую лепную и гончарную. Преобладает первая. Гончарная керамика принадлежит к черняховской и древнерусской культурам. Ранний слой селища, видимо, относится к киевской или раннекологичинской, а не черняховской культуре, как полагает Э. А. Сымонович, или он неоднороден.

Сымонович Э. А. Отчет о работах в Курской области в 1971 г. — Арх. ИА АН СССР, р-1, №4478.

7. Авдеево, Курская обл., р. Сейм — многослойное селище и два могильника. Селище находится на надпойменной и коренной террасах правого берега реки. Вытянуто в длину примерно на 750 м, ширина до 100 м. Культурный слой плохо сохранился. Его толщина 0.3—0.4 м. Раскопки производились А. Е. Алиховой, позднее — Э. А. Сымоновичем. Были обнаружены развалы обожженной глины и очагов, только и сохранившиеся от жилищ. Кроме того, вскрыт ряд ям различной формы. Жилища, ямы, как и найденная керамика, относятся в основном к трем культурам: черняховской, роменской и древнерусской X—XI вв. Характер раннего слоя, однако, нуждается в уточнении. Черняховская атрибуция определена Алиховой главным образом по керамике, частью гончарной черняховской, частью же лепной, типичной для северного круга древностей середины I тыс. Но в каком соотношении выступают на селище разные типы посуды, является ли лепная керамика, причисляемая Алиховой к Черняховскому слою, действительно однородной — все это далеко не ясно из имеющихся публикаций и архивной документации. В том, что ранний слой селища нельзя считать чисто Черняховским, убеждает характер погребений, обнаруженных Алиховой и Сымоновичем в окрестности Авдеева. Алиховой они раскопаны в 1 км к югу от селища, на дюне, вытянутой вдоль поймы Сейма. Это пять погребений, причем безурновых. Еще четыре погребения, также давших только сожжения, вскрыты Сымоновичем в непосредственной близости от селища, на коренном берегу Сейма. Среди них — три ямных и одно урновое, в котором оказалась бронзовая овальная пряжка V—VII вв.

Алихова А. Е. Авдеевское селище и могильник. — МИА, 1963, № 108, с. 68—84; *Сымонович Э. А.* Новые открытия. . ., с. 153, 154.

8. Казачья Локня, уроч. Замошанское Поле, Курская обл., р. Суджа (приток р. Псла) — селище VI—VII вв. (?). В 2 км к югу от села, на дюне левого пойменного берега реки, встречается керамика разного времени: эпохи бронзы, черняховская и типа найденной в Лебяжьем I. Отсюда происходит бронзовая пальчатая фибула. На этой же дюне в 1963 г. Ю. А. Липкингом обнаружено несколько погребений с сожжениями, относящихся, по его мнению, к черняховской культуре.

Липкин Ю. А. Могильники. . ., с. 173.

9. Княжий, Курская обл., р. Суджа — могильник третьей четверти I тыс. Находится на выступе надпойменной террасы левого берега реки, напротив хут. Княжьего. В 1964 и 1965 гг. Ю. А. Липкингом обнаружены 22 погребения с сожжениями. Погребения в большинстве урновые. Из вещей найдены овальная пряжка, два втульчатых наконечника копий или дротиков, височное кольцо и пр.

Липкин Ю. А. Могильники. . ., с. 137—141.

10. Суджа, Курская обл., р. Суджа — селище VI—VII вв. В черте города, на дюне, с которой происходит известный Суджанский клад VII в.,

обнаружен плохо сохранившийся культурный слой. Он включает отложения разного времени. Из сборов происходит керамика, обычная для черняховской культуры и типа найденной в Лебяжьем I. При обследовании выявлена землянка с глиняной печью.

Липкин Ю. А. Могильники. . . , с. 137.

11. Комаровка, Курская обл., р. Снагость (приток р. Сейма) — многослойное поселение. Занимает дюну, имеет в длину около 100 м. Толщина культурного слоя 0.7—0.8 м. В 1972 г. при раскопках О. Н. Мельниковской и Э. А. Симоновичем обнаружено 65 ям, в плане округлых и овальных, разного размера. Они связываются с юхновской культурой, зарубинецкой (?) и колочинской V—VII вв. К последней принадлежит также полуземляночное жилище, нарушенное песчаным карьером. Найдена керамика разного времени, в том числе гончарная черняховская. Из вещей встречены прорезная фигурная пластинка из кости, обломок бронзового браслета с утолщенными концами и др.

Мельниковська О. П., Симонович Е. О. Розкопки в с. Комарівці на Посеймї — Археологія, Київ, 1975, т. 15, с. 75—87.

12. Волынцево, уроч. Стан, Сумская обл., р. Сейм — многослойное поселение. Находится в 2.5 км к востоку от села, на мысу правого берега реки. Раскопки его произведены Д. Т. Березовцом. Основной слой — VIII—IX вв. Кроме того, имеются отложения скифского времени, III—V вв. (?) и древнерусской поры.

Березовец Д. Т. Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево Путивльского района Сумской области. — Арх. ИА АН УССР, 1968/10, № 866.

13. Чаплище, Сумская обл., р. Сейм — селище V—VII вв. На правом берегу реки, в 250 м от северо-восточного края села, В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным в 1966 г. открыто селище с характерной для V—VII вв. лепной керамикой. Последняя находит соответствия в колочинских древностях.

Ильинская В. А. Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 58—60.

14. Волокитино, Сумская обл., р. Клевень (приток р. Сейма) — группа курганов VI—VII вв. (?). На коренной террасе левого берега реки, против с. Ротовка, в уроч. «Старый кирпичный завод», Д. Я. Самоквасовым раскопано восемь курганных насыпей, содержащих урны.

Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1977, с. 69-70.

15—17. Большие Будки, Сумская обл., р. Терн (приток р. Сулы) — городище и два селища. Городище обследовалось В. А. Ильинской. Расположено на второй надпойменной террасе правого берега реки, в уроч. Губское. Найдена лепная керамика скифского времени и V—VII вв. (?). Последняя представлена обломками реберчатых и выпуклобоких горшков, а также мисок. Из вала происходит бронзовый браслет с утолщенными концами. Селища обнаружены в 1972 г. Днепровским левобережным отрядом ЛОИА. Одно находится на изгибе первой надпойменной террасы левого берега реки, слева от дороги, идущей из с. Большие Будки в с. Ольшаны, на юго-восточной окраине села. Тянется оно по краю террасы на 0.5—0.6 км. Найденная при обследовании керамика делится на лепную грубую, с шамотом в тесте, без орнамента и гончарную Черняховского типа. Другое селище открыто у северо-западной окраины села, на левом берегу. Занимает низкий, едва приметный выступ первой надпойменной террасы и прилегающую к нему узкую полосу пойменного берега, поросшего кое-где кустарником. В шурфе (4x2 м) обнаружена землянка, больше чем наполовину разрушенная обрывом берега. Сохранились лишь угол жилища и части образующих его стен. К углу с наружной стороны примыкает небольшая, овальная в плане яма-погреб (1.2x0.85 м) глубиной от уровня материка¹

0.45 м. В заполнении жилища и культурном слое толщиной около 0.4 м, залегавшем над ним, встречены обломки грубой лепной посуды с примесью шамота в тесте, неорнаментированной. Она относится к середине или третьей четверти I тыс. На поселении попадает и иная по характеру лепная керамика, тонкостенная, с примесью песка в тесте, датирующаяся бронзовым веком.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 60, 61; *Горюнов Е. А.* Отчет о работе Днепровского левого бережного отряда в 1972 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, к. п. 1785 (далее — Отчет за 1972 г.).

18, 19. Томашевка, Сумская обл., р. Крапивная (бассейн р. Сулы) — два (?) селища III—V вв. На краю низкой надпойменной террасы, в 300 м выше моста, на пашне, встречается керамика двух типов: лепная, близкая к киевской, и гончарная черняховская. Полоса пашни, с которой связываются находки, имеет в длину около 60 м, в ширину 30—40 м. Такой же характер у керамики, найденной на левом берегу, в 0.2 км ниже этого места, на мысу высотой 2.5—3 м над поймой. Река делает здесь петлю и вплотную подходит к террасе.

Горюнов Е. А. Отчет за 1972 г.

20. Беседовка, уроч. Белопольское, Сумская обл., р. Бишкинь (приток р. Сулы) — селище III—V вв. Занимает край низкой террасы левого берега реки. Вдоль берега тянется примерно на 200 м. При раскопках Е. В. Махно обнаружены четыре наземных (?) жилища с углубленным полом. Одно из них, лучше сохранившееся, имеет центральный столб. Стены плетневые, обмазанные глиной. Жилища, как и основная масса найденной керамики, связываются с ранним слоем селища. Сюда относятся также отдельные обломки гончарной посуды, характерной для Черняховских древностей и целая амфора конца II—первой половины III в. Второй слой представлен керамикой волынцевского типа.

Махно С. В. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н. е. в верхній течії Сули; — АП, 1955, т. 5, с. 77 сл.

21. Раковая Сечь, Сумская обл., р. Бишкинь — селище V—VII вв. Находится в 0.3—0.4 км к юго-востоку от села, на краю надпойменной террасы левого берега реки, между небольшой балкой, впадающей в долину реки, и изгибом террасы. Вдоль берега селище вытянуто не менее чем на 80 м.

Горюнов Е. А. Отчет за 1972 г.

22. Правдюки, Сумская обл., р. Сула — селище середины I тыс. (?). Расположено вблизи северо-западной окраины села, слева от шоссе Киев—Сумы, на правом берегу небольшого ручья. На пашне, в полосе 80—100 X X20—40 м, встречаются обломки грубой керамики, сделанной от руки, с шамотом в тесте, неорнаментированной. К югу от этого места находится черняховское селище.

Горюнов Е. А. Отчет за 1972 г.

23. Артюховка, Сумская обл., бассейн р. Сулы — погребение середины I тыс. По сведениям, собранным Н. Е. Макаренко, возле с. Артюховка, у дороги на с. Локня, в 1909 г. при пахоте обнаружен большой лепной сосуд, наполненный пережженными костями и золой.

Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, 1907, вып. 22, с. 50—54.

24. Артюховка—Лесковщина, уроч. Долгий Яр, Сумская обл., бассейн р. Сулы — двухслойное (?) селище. Находится близ дороги из с. Артюховка в с. Локня, в 3 км к северо-западу от первого и в 1.5 км к северо-востоку от с. Лесковщина, на пологом мысу правого берега небольшого ручья. При раскопках, произведенных в 1974 г. Г. А. Усовой, были обнаружены остатки большого наземного жилища с развалами глиняной обмазки стен и двумя глиняными очагами, под которых укрепляла вымостка

из битых гончарных сосудов. В жилище и культурном слое над ним ветречены обломки столовой и кухонной посуды Черняховского типа, светлоглиняных амфор III—IV вв., обломок бронзовой воинской фибулы конца III—IV в., втульчатый наконечник стрелы и пр. Среди керамики селища имеются и обломки лепных горшков, сковородок, которые, возможно, относятся более позднему слою селища — тому, с которым связываются две хозяйственные ямы, прорезавшие черняховское жилище.

Горюнов Е. А., Пескова А. А., Усова Г. А. Работы Днепровского левобережного отряда. — АО 1974 г., М., 1975, с. 270.

25. Шмырево, Курская обл., р. Псёл — могильник III—V вв. В 1909 г. на дюне правого берега реки, возле села, Д. Я. Самоквасовым обнаружены погребения с сожжениями, которые принято относить к черняховской культуре. Однако топография и характер погребений делают более вероятной их связь с культурой киевского или близкого к ней типа. Для последней характерна и подвеска — лунница с эмалью, найденная при раскопках.

Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях г. Гочева, Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915, с. 3—5.

26. Груновка, уроч. Пастовина, Сумская обл., р. Псёл — селище V—VII вв. Находится в 1 км к западу от села, на распаханной песчаной гряде.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 58.

27. Низы, Сумская обл., р. Псёл — селище V—VII вв. Открыто в 1966 г. вблизи села, у края бортовой террасы левого берега реки.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 58.

28. Писковка, Сумская обл., р. Псёл — селище V—VII вв. Обнаружено в 1966 г. на надпойменной террасе правого берега реки, к северу от с. Малая Ворожба, у южной окраины хут. Писковка.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 58.

29. Курган-Азак, уроч. Вишневое, р. Псёл — селище IV—V вв. Открыто в 1966 г. В 1968 г. раскапывалось О. В. Сухобоковым. Занимает низкий выступ в основании правого коренного берега реки. Размеры 200—230х125—140 м. Толщина культурного слоя от 0.6 до 0.8—0.9 м. При обследовании обнаружены развалы глиняных очагов. Селище принято относить к V—VII вв. Однако найденная керамика по характеру больше соответствует IV—V вв. Среди последней — гончарная черняховская, обломки светлоглиняных амфор.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 58; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975, с. 23—41.

30. Плешивец, Сумская обл., р. Псёл — селище V—VII вв. Находится на выступе правого коренного берега реки, напротив села. Дата селища устанавливается по керамике из сборов.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 57.

31. Рашево, уроч. Хендры, Сумская обл., р. Псёл — селище V—VIII вв. Расположено в 0.5 км к северу от села, на узкой надпойменной террасе правого берега реки. Длина селища до 100 м, ширина около 70 м. Культурный слой нарушен распашкой. Его толщина 0.35 м.

Ильинская В. А. Новые данные. . . , с. 57.

32. Вовки, Полтавская обл., р. Грунь (приток р. Псла) — многослойное селище. Открыто в 1972 г. на правом берегу реки, напротив хут. Вовки и с. Проценки, в 2 км выше с. Пилипенки. Занимает широкий мыс сниженного коренного берега и край небольшой террасы, поднимающейся над поймой на 2.5—5.5 м. Высота мыса у его основания 6—7 м. Селище

вытянуто вдоль берега примерно на 300 м. Толщина культурного слоя от 0.2 до 0.7—0.8 м. В первой половине XIX в. на юго-восточном склоне мыса располагалось кладбище. Позднее здесь стоял небольшой хутор. При раскопках обнаружены полуземляночные жилища и хозяйственные ямы VIII—IX вв. Хуже выражены отложения II—III вв. Они прослежены на раскопе, заложенном несколько выше мыса по течению реки, на самом краю террасы. Открыты остатки жилища с глиняным полом, сооруженным на вымостке из керамики. Пол прорезан ямами VIII—IX вв. и квадратным в плане погребом, относящимся к упомянутому хутору. Из вымостки происходят корчаги, покрытые расчесами (рис. 10; 31, 2). К раннему слою селища принадлежит и обломок бронзовой двучленной фибулы с гребнем

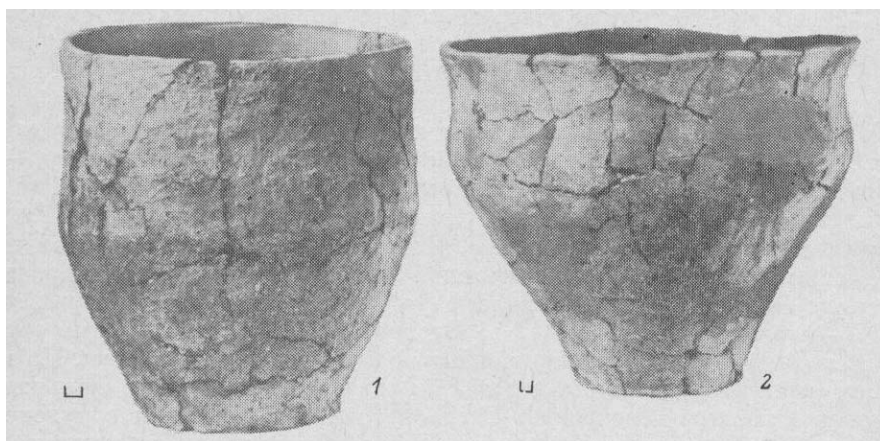

Рис. 31. Лепные сосуды.
1 — Сенча (IV—V вв.); 2 — Вовки (II—III вв.).

на дужке и высоким приемником (группа 10, подгруппа 2,11—начало III в. — по А. К. Амброзу).

Горюнов Е. Д., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г. А. Исследования на Полтавщине. — АО 1975 г., М., 1976, с. 318, 319.

33, 34. Лютенские Будища, Полтавская обл., бассейн р. Псла — два селища V—VII вв. (?). Одно расположено на пологом склоне правого берега безымянного ручья, в 0.5 км к западу от села. Высота берега от 1.5 до 2.5 м. Поселение разрушено при сооружении дорожной насыпи в полосе около 50x30 м. При обследовании найдена керамика разного времени: эпохи бронзы и близкая к происходящей с селищ середины I тыс. Второе поселение находится в устье мокрой балки, впадающей слева в долину ручья, примерно в 0.8 км к северу от с. Лютенские Будища. С ним связывается грубая неорнаментированная керамика, сделанная от руки, которая может быть датирована серединой I тыс.

Горюнов Е. А. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда в 1971 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, к. п. 1746 (далее — Отчет за 1971 г.).

35. **Топлинка**, Белгородская обл., бассейн р. Северского Донца — селище. Обнаружено И. И. Ляпушкиным в 3948 г. на левом берегу р. Топлинки, у балки Соломенки. Среди керамики из сборов Ляпушкина, хранящейся в Гос. Эрмитаже, имеются обломки толстостенных реберчатых горшков, сделанных от руки, которые могут быть отнесены к середине или третьей четверти I тыс.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 173.

36. **Дмитровское**, Белгородская обл., р. Короча (бассейн р. Северского Донца) — группа погребений VII—начала VIII в. Открыта С. А. Плет-

невой при исследовании катакомбного могильника салтовской культуры. Погребения урновые.

Плетнева. С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского : пограничья. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 108—118.

37. Задонецкое, Харьковская обл., р. Северский Донец — селище VI—VII вв. Обследовалось Б. А. Шрамко. Обнаружены развал глиняной печи и хозяйственные ямы. Керамика представлена формами, обычными для пеньковской культуры.

Шрамко В. А. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АИУ 1969 г., Київ, 1972, с. 125, 126.

38. Сенча, Полтавская обл., р. Сула — многослойное поселение. В 1.5—2 км к юго-востоку от села, на острове, образованном руслом и старицей р. Сулы, находится древнерусское поселение, известное еще с конца XIX в. Состоит из городища с кольцевым валом и селища. В 1972 г. при обследовании Днепровским левобережным отрядом установлено наличие отложений IV—V вв. Были заложены шесть шурфов — два на городище (один 2x2 м, другой 4x2 м), остальные (2x2 м) к северу от него — и раскоп площадью 52 м². Всего раскопом и шурфами вскрыто 112 м². К позднему горизонту принадлежит обнаруженное на раскопе жилище 3x2.8 м, с округлой в плане глиняной печью. Всего при раскопках было найдено около 400 обломков лепной и гончарной посуды, составивших три разновременные группы: бронзового века; IV—V вв.; древнерусской поры, точнее, XI—первой половины XIII в. Вторая группа состоит главным образом из лепных горшков с широкой верхней частью и узким дном. По характеру перегиба тулова они делятся на два основных вида: тюльпановидные и цилиндрико-конические. Сюда же относятся горшки с туловом, близким к баночному и биконическому. Тесто керамики грубое, с примесью шамота; поверхность — шероховатая и бугристая. Орнамент встречен лишь на одном из горшков (рис. 16, 1—9, 11, 14—16; 31, 1). В этой группе имеются также сковородки с низким бортиком, диаметром до 22—24 см. Со второй группой хронологически связываются отдельные обломки гончарных сосудов тех форм, которые типичны для черняховских древностей (рис. 16, 10, 12, 13).

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 340; *Горюнов Е. А.* Отчет за 1972 г.

39. Вороньки, уроч. Вильне, Полтавская обл., р. Многа (приток р. Удая) — селище середины I тыс. (?). Обнаружено Днепровским левобережным отрядом ЛОИА в 1973 г. в 0,5 км к западу и юго-западу от села, на широком мысу в излучине реки.

Горюнов Е. А. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда в 1973 г. — Арх. ЛОИА, ф. 35, к. п. 1863 (далее — Отчет за 1973 г.).

40. Вороньки—Поздняки, Полтавская обл., р. Многа — многослойное поселение. Находится на широком мысу первой надпойменной террасы левого берега реки, между селами Воронькй и Поздняки, в 0.4 км от первого, слева от дороги Лубны—Чернухи. Селище отделено от поймы сравнительно крутым задернованным склоном высотой до 3 м. Культурный слой распаивается. Вдоль берега селище вытянуто примерно на 150 м. Из сборов на пашне происходит лепная керамика разного времени, а также гончарная черняховская. К середине I тыс. или несколько более раннему времени могут быть отнесены обломки грубых лепных сосудов с бугристой, плохо сглаженной поверхностью. Найдены обломки глиняных сковородок с низким бортиком.

Горюнов Е. А. Отчет за 1973 г.

41. Городище, Полтавская обл., р. Многа — селище третьей четверти I тыс. Расположено на пологом склоне первой террасы левого берега реки, в 2 км к востоку от с. Городища. Размеры около 250x60 м. Куль-

турный слой нарушен пахотой. Его толщина 0.3—0.5 м. Судя по характеру керамики, селище принадлежит к пеньковской культуре.
Горюнов Е. А. Отчет за 1973 г.

42. Хитцы, уроч. Шимберово, Полтавская обл., р. Удай (приток р. Сулы) — поселение V—первой половины VIII в. Находится в 0.6—

Рис. 32. Поселение у с. Хитцы. Схематический план.

1 — старица; 2 — пашня; 3 — курганы древнерусской поры; 4 — раскопки 1973 г.; 5 — 1974 г.; 6 — 1975 г.; 7 — 1976 г.

0.7 км к югу и юго-западу от села, на узкой и низкой террасе в основании правого коренного берега р. Удай. Поселение не имеет укреплений. На западе оно ограничено небольшим пологим уступом коренного берега, на востоке — долиной реки, с южной и северной сторон лишено естественной границы. Терраса возвышается над поймой до 2.5 м. По направлению к пойме она постепенно понижается на 1—1.5 м. Общая площадь поселения не превышает 0.4 га (рис. 32). Основной раскоп (I) заложен в 1973 г. в южной части, уроч. Шимберово, на месте разведочной траншеи. В последующие годы (1974—1976) он был расширен во всех направлениях, но больше

к югу. Площадь его после четырех полевых сезонов — 1642 м² (рис. 18). В 1974 г. к западу и северо-западу от основного раскопа, на расстоянии 47 м от него, был заложен раскоп II (20x6 м).

На раскопе I вскрыт гумусный слой, подвергающийся распашке: в верхней части он однородный, темно-серого цвета; начиная с глубины 0.25—0.35 м, до которой доходит пахота, более светлый, местами пестрый из-за частых вкраплений желтого и коричневого суглинка. Четкого пере-

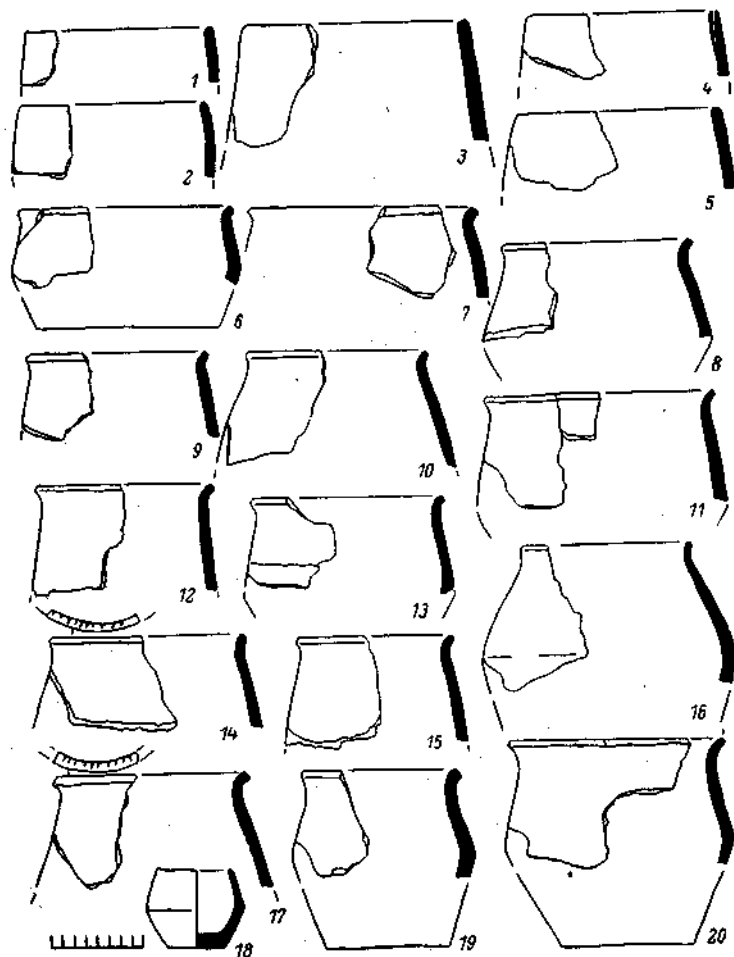

Рис. 33. Хитцы. Лепная керамика (1—20).

хода от гумусного слоя к матерiku не наблюдалось. Материк — желтый и коричневый суглинок. Деление гумусного (культурного) слоя на две части условно. Верхние его пласты распаиваются; глубиной распашки и определяется толщина этой части слоя — 0.25—0.35 м, одинаковая на всей площади раскопа. Ниже идут пласты, почти или совсем не потревоженные. Наибольшая толщина нераспаханного слоя 1—1.2 м; она прослежена в юго-западном углу раскопа. Вдоль восточной и северной границ раскопа культурный слой оказался распаиванным на всю толщину, не превышавшую 0.2—0.3 м. В культурном слое, не затронутом распашкой, выявлены места концентрации лепной керамики, увязывающиеся о определенными жилищами. Встречены различные орудия труда: железные ножи, шилья, костяные проколки и др., а также поделки из бронзы: граненый стержень со следамиковки, несколько пластин-заготовок, обломок круглопроволоч-

ного браслета с зооморфными концами. В культурном слое найдены также кости животных, железные шлаки, различные по форме точильные камни. Подавляющую массу вещевого материала составила лепная керамика пеньковского типа (рис. 33—36; 52, 1—3, 5, 7; 53, 1—4, 6, 7, 9—15; 54, 1—11, 14—16, 18—22).

На уровне материка отчетливо выступили гумусированные пятна 12 полуземляночных жилищ и многочисленных хозяйственных ям-погребов. Не были четко прослежены границы лишь двух жилищ (VIII и XIV), открытых в юго-западной части раскопа, где гумусный слой имел макси-

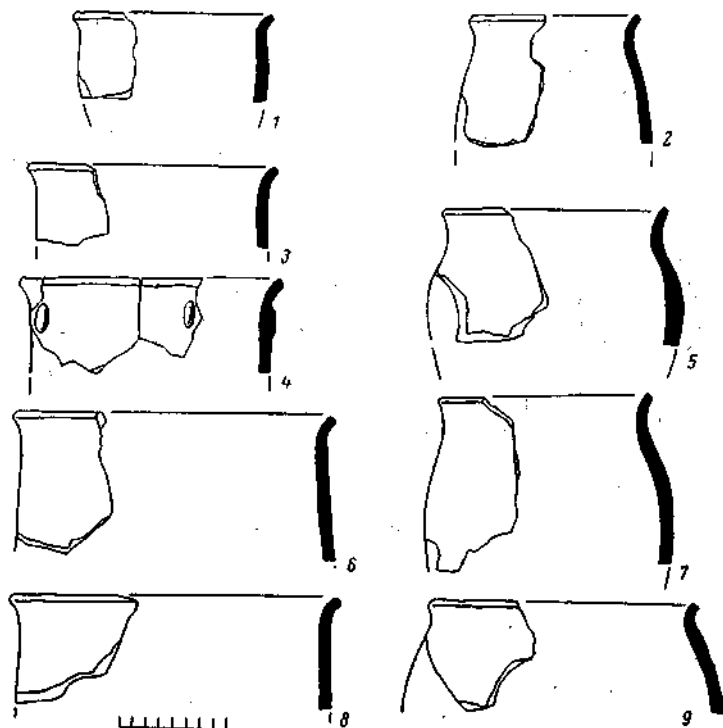

Рис. 34. Хитцы. Лепная керамика (1—9).

мальную толщину. Их пол залегал выше уровня материка на 0.1—0.15 м (рис. 18, 19 см. вкл., с. 64).

На раскопе II прослежена в целом такая же стратиграфия. Здесь находки были немногочисленными. Кроме нескольких десятков обломков лепной посуды найдены два железных ножа. На уровне материка выступили пятна хозяйственных ям. Общее число открытых на этом раскопе ям — 20. Они во всем подобны исследованным на основном раскопе.

Жил. I (раскоп I) — в плане почти квадратное (5.6x5.4 м), ориентировано углами по странам света, углублено в материк на 0.1—0.15 м. Пол ровный, без следов обмазки глиной. Западная и восточная границы не прослежены. Северный угол жилища занимал развал глиняной печи, прямоугольный в плане, 0.9x0.6—0.7 м. Основание печи вырезано в материковой глине. Ширина устья 0.4 м. Толщина стенок, сохранившихся на высоту до 0.1 м, 0.16—0.18 м. Под, подмазанный глиной, находился на уровне пола. Он был забит обломками глиняных вальков, крошкой от разрушенного свода и стенок печи. Вальки слегка уплощены, длиной до 13—15 см, толщиной 6—7 см. В развале печи найдены обломки округлобокого лепного горшка. Заполнение жилища состояло из гумусного слоя с включениями материкового суглинка. Вдоль восточной Стены и в центральной

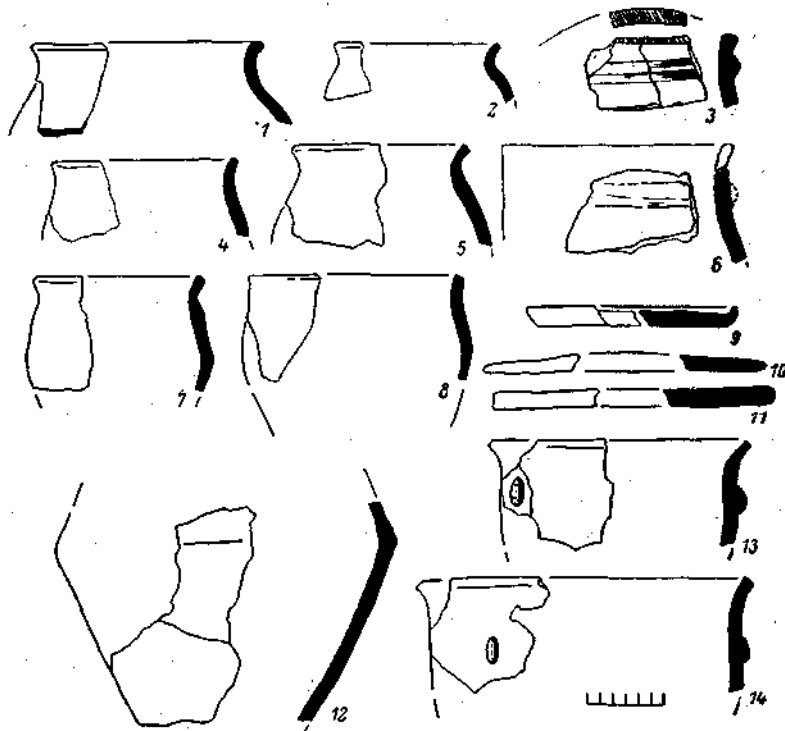

Рис. 35. Хитцы. Лепная керамика (1—14).

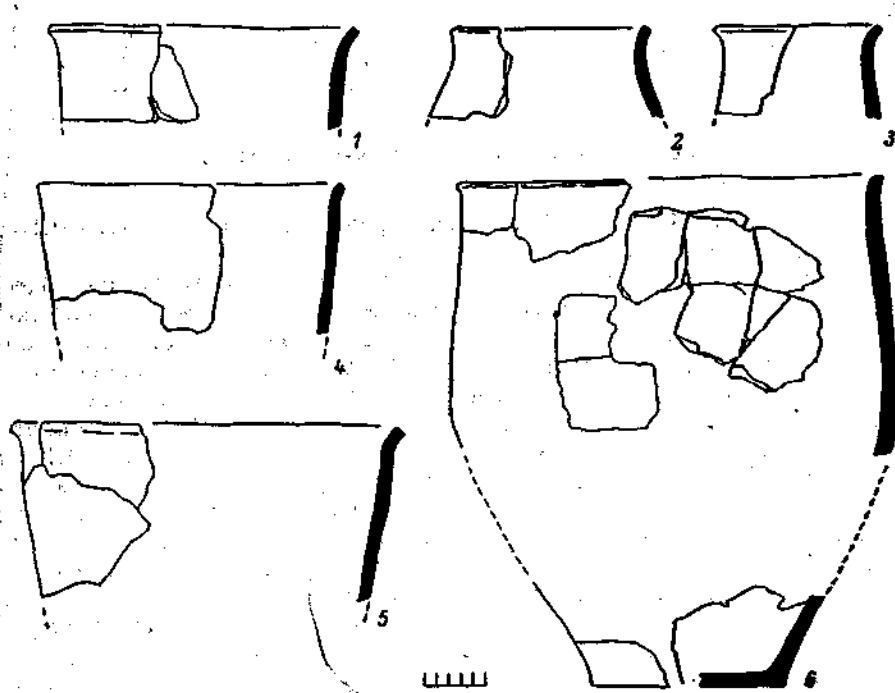

Рис. 36. Хитцы. Лепная керамика (1—6).

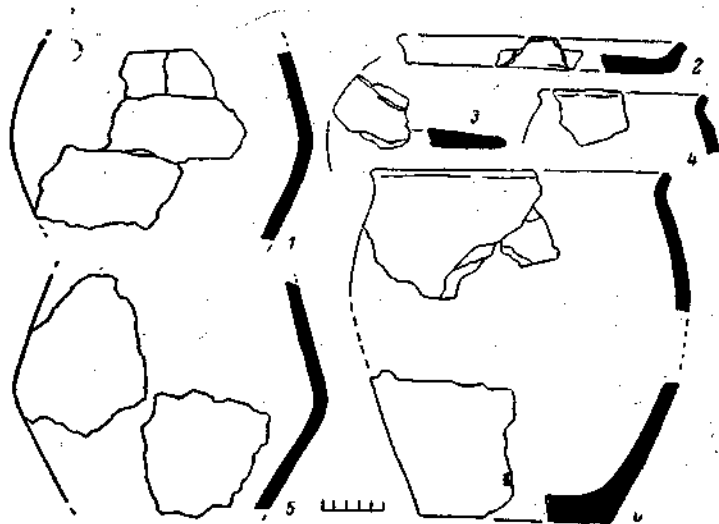

Рис. 37. Хитцы. Керамика жил. I (2—4, 6) и IV (1, 5).

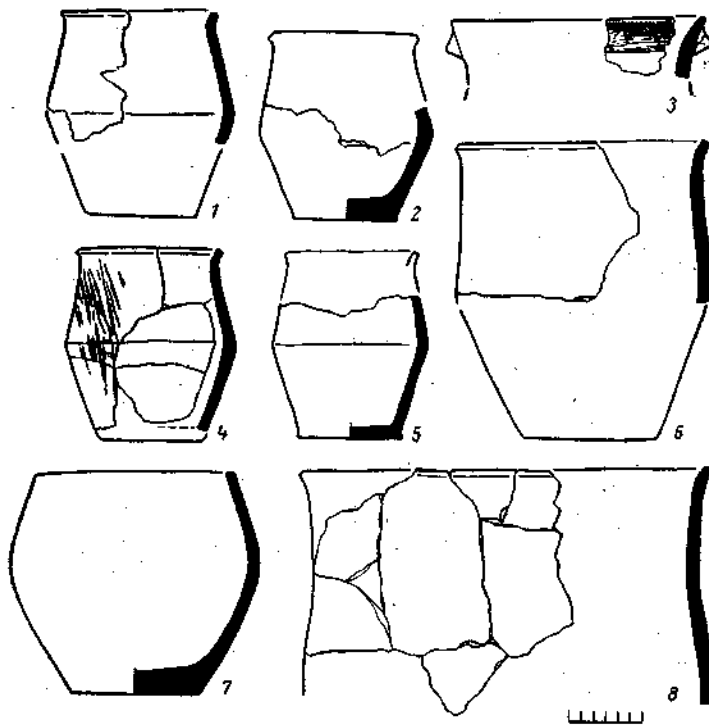

Рис. 38. Хитцы. Керамика жил. II (1—8).

части жилища встречены куски горелого дерева; в заполнении и на полу — около 20 обломков лепной посуды (рис. 37, 2—4, 6).

Жил. II — ориентировано углами по странам света с небольшим отклонением. Размеры 4.8—5 м. Пол залегал на глубине 0.2 м. В полу прослежены нижние части четырех хозяйственных ям (№ 22—24, 26), не имеющих прямого отношения к жилищу. В центре пола находится яма от опорного столба, поддерживавшего кровлю. Юго-восточная стена нару-

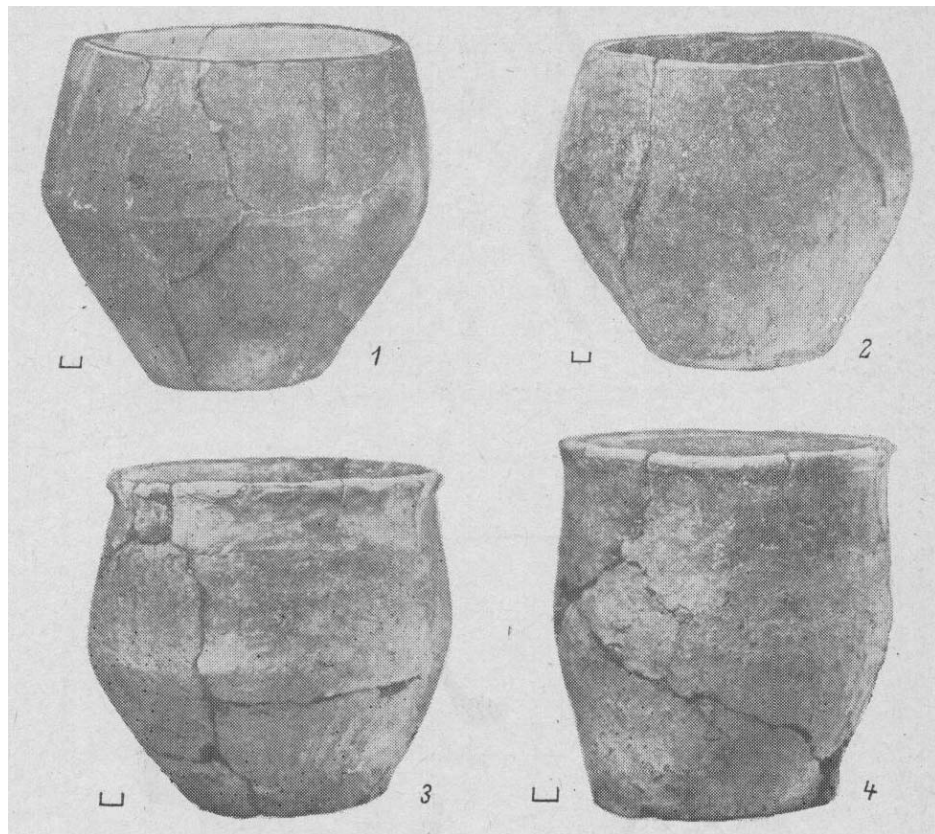

Рис. 39. Хитцы. Лепные сосуды.

1 — жил. XIV; 2 — жил. II; 3, 4 — жил. VII.

шена постр. III. Заполнение жилища гумусное, рыхлое, серого цвета, возле стен с включениями светлого суглинка. Вблизи центрального столба встречены куски глиняной обмазки. Из жилища происходит около 20 обломков лепных горшков, в том числе дающих полные профили (рис. 38; 39, 2). Найдены также глиняное пряслице и костяной кочедык (?) с обломанным острием (рис. 21, 2).

Жил. III — в плане почти квадратное (4.6x4.2 м), углублено в материк на 0.17—0.2 м, ориентировано по странам света. В полу прослеживаются контуры трех ям-погребов (№ 16, 17, 26), перекрытых жилищем и сохранившихся лишь в самом основании. Ямы занимают юго-восточный, северо-восточный и северо-западный углы. Еще одна такая яма (№ 15) обнаружена на середине восточной стены. Заполнение жилища состояло из рыхлого гумусного слоя, в западной части серого, в восточной — слегка углистого, интенсивного черного цвета. С жилищем, видимо, связан небольшой развал слабо обожженной глины, открытой в кв. Б-10 на глубине 0.5 м. В заполнении и на полу найдено около 60 обломков лепной посуды и сковородок. Три горшка из этого жилища имеют полные профили (рис. 40;

41, 1, 2). Из верхней части заполнения происходит обломок бронзового браслета с расплюснутыми концами (рис. 29, 2).

Жил. IV — в плане квадратное (длина стен около 4 м), ориентировано по странам света с небольшим отклонением. Пол залегал на 0.1–0.2 м ниже уровня материка. Очаг не сохранился. Юго-западный угол жилища и его южная стена почти на всю длину нарушены тремя округлыми ямами-погребками (№47, 48, 51), смыкающимися одна с другой. Заполнение жилища состояло из гумусированного серого слоя с отдельными включениями

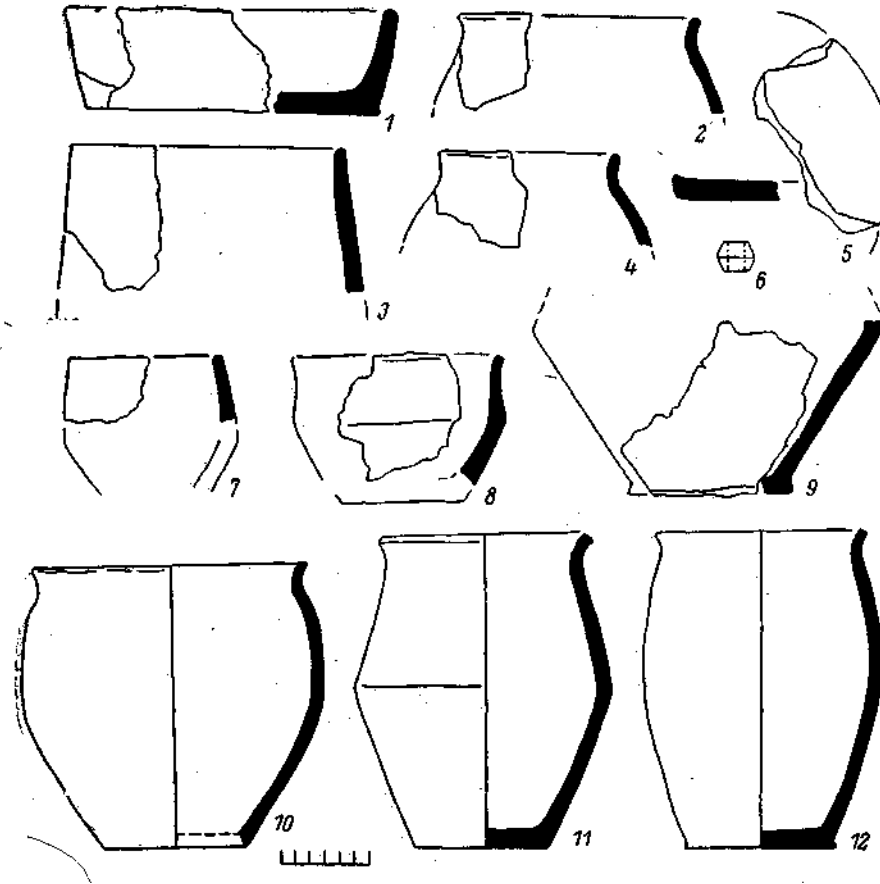

Рис. 40. Хитцы. Керамика жил. III (1–12).

желтоватого суглинка. В ней найдены обломки лепных горшков, в том числе реберчатых (рис. 37, 1, 5), сковородок и, кроме того, единичные кости животных.

Жил. V — в плане подчетыреугольное (длина стен 4.2 и 4.5 м). Пол опущен в материк на глубину от 0.05 до 0.16–0.18 м. Восточная граница не прослежена. Западный угол занимала хозяйственная яма (№ 56). Очаг не сохранился. Заполнение жилища гумусное, местами углистое, с частыми желтоватыми вкраплениями возле стен. С ним связывались обломки лепной посуды (рис. 42), отдельные куски обожженной глиняной обмазки или печины. Найдены также пряслице и нож (рис. 20, 11). При расчистке пятна жилища встречены глубокая реберчатая миска с отпечатками зерен проса на днище (рис. 43, 2, 3) и биконический горшок (рис. 42, 11).

Жил. VI — полуземляночное (5x4 м), с центральным столбом, ориентировано углами по странам света. Пол залегал на глубине 0.3–0.5 м от уровня материка. Место входа определяется по небольшому выступу

в восточном углу. Очаг не сохранился. Заполнение жилища гумусное, в верхней части темно-серого цвета, в нижней — более светлое, с включениями желтого суглинка. В нем найдено около 50 обломков лепных сосудов, сковородок, «дисков» (рис. 44). Один из венчиков принадлежал гончарному сосуду Черняховского типа. Кроме керамики встречены два ложила из

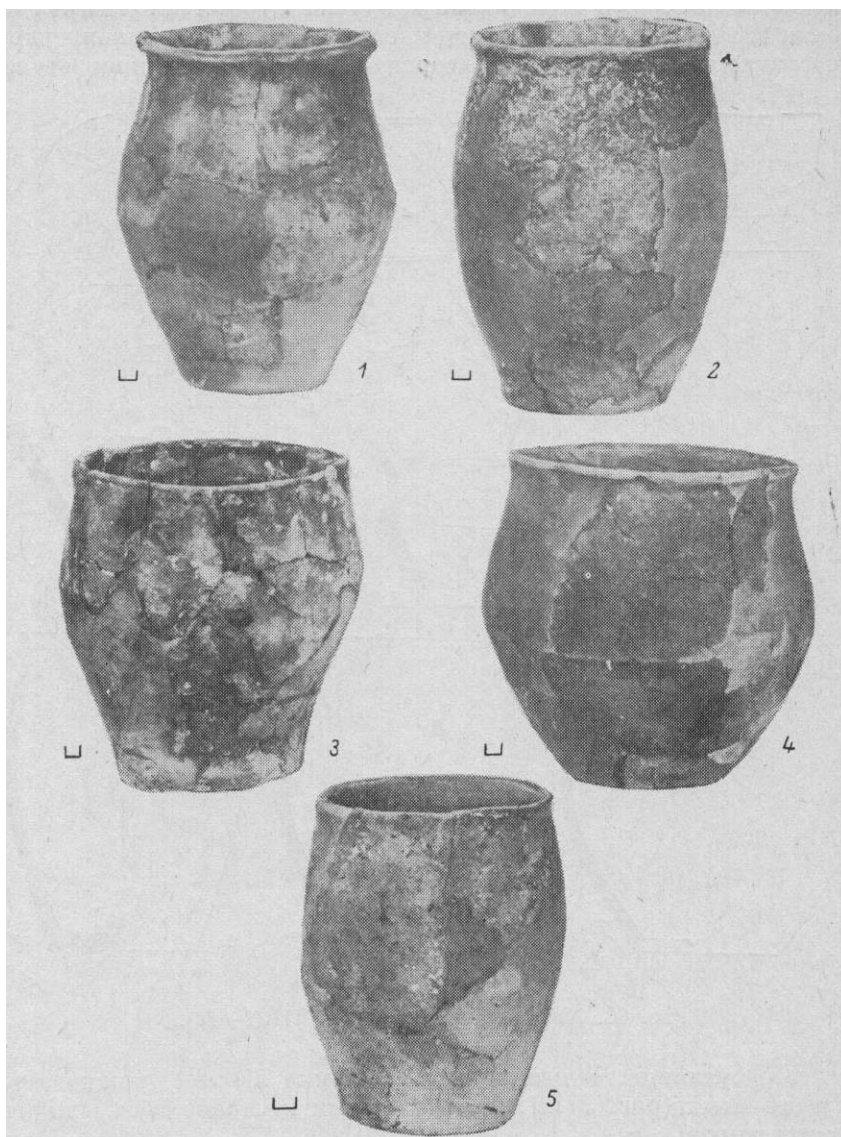

Рис. 41. Хитцы. Лепные сосуды.
1, 2 — жил. III; 3—5 — жил. VII.

ребер крупных животных, роговая накладка сложного лука, рог оленя со следами обработки (рис. 21, 7, 9), железный нож (рис. 20, 5), два точильных бруска.

Жил. VII — в плане квадратное (длина стен 4.5 м), углублено на 0.25—0.3 м, ориентировано углами по странам света. В центре пола — яма от столба. В восточном углу прослежен небольшой выступ, в котором можно видеть место входа. В западном и северном углах обнаружены нижние контуры двух хозяйственных ям (№ 71, 72), перекрытых жилищем. За-

полнение последнего серое, рыхлое, с включениями угля и желтого суглинка. В нем найдено около 150 обломков лепной посуды. Некоторые горшки из жилища имеют полные профили (рис. 45). Среди других находок — кости животных, куски глиняной обмазки. В этом жилище встречено 12 Глиняных пряслиц.

Жил. VIII — открыто в юго-западном углу раскопа, где толщина культурного слоя достигала 1.5 м. На фоне этого слоя контуры основания жилища четко не прослеживались. На глубине 1.4 м встречен глиняный

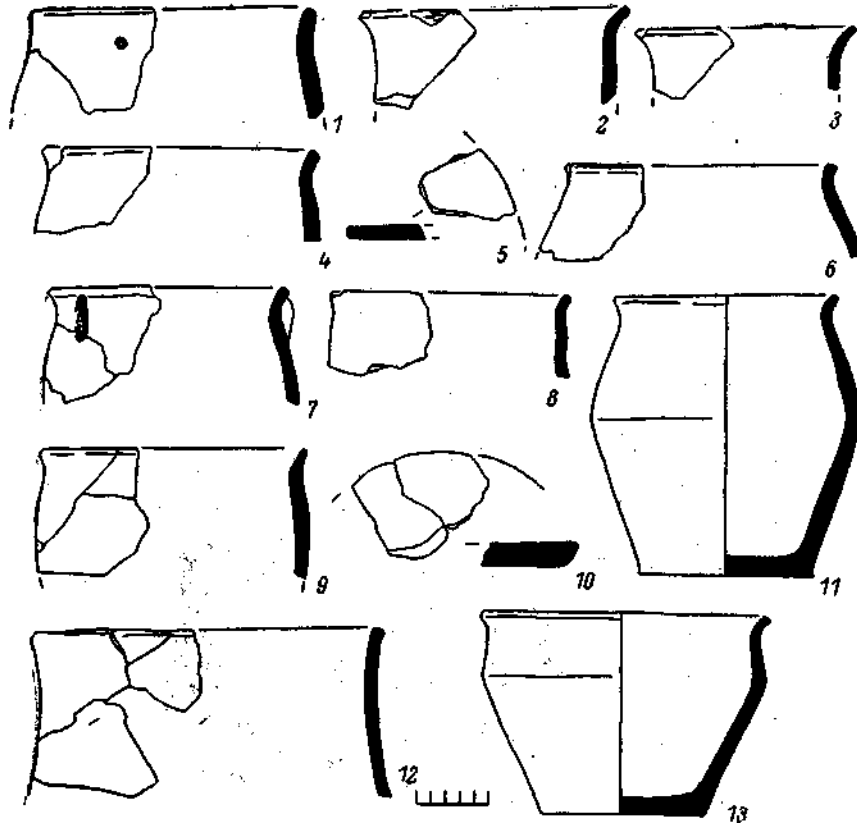

Рис. 42. Хитцы. Керамика жил. V (1—13).

рчаг, сооруженный на подсыпке из коричневой глины. Его внешние размеры 0.85 X 0.7 м, высота 0.1—0.2 м. Под очага округлой формы, диаметром 0.5 м, толщиной 2—3 см. Гумусный слой возле очага содержал угли. В 0.35 м к юго-западу от очага обнаружено скопление лепной керамики. Последнее находилось на одном уровне с основанием очага и занимало пространство 0.7 X 0.4 м. Здесь же оказалось глиняное пряслище. Керамика жилища имеет пеньковские черты (рис. 46).

Жил. IX — в плане почти квадратное (5.4x5.3 м), полуземляночное, углублено в материк на 0.3—0.35 м, с центральным столбом, ориентировано углами по странам света. Северо-западная стена прорезана хозяйственной ямой (№ 82). На середине этой же стены выявлена столбовая яма диаметром 0.25 м. Пол материковый, ровный. На полу вдоль стен открыты развалы глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Заполнение жилища было насыщено обожженной глиняной крошкой. Под юго-западной стеной на полу лежала горелая плаха длиной около 0.5 м. Еще одна плаха обнаружена в 1 м от северо-восточной стены. Из заполнения происходит около 40 обломков лепных горшков, сковородок, «ди-

сков». Здесь же найдены обломки гончарной черняховской посуды (рис. 47). Кроме посуды встречены три глиняных пряслица (рис. 22, 4, 5, 16), костяные лошила, «мотыжка» с просверленной втулкой, вкладыш трехчастного наборного гребня (рис. 21, 7, 8).

Жил. X — в плане прямоугольное (длина стен 4.75 и 5.25 м), ориентировано по странам света, углублено в материк на 0.25 м. Пол материковый, ровный, без следов подмазки глиной. В полу прослежены нижние части округлых в плане ям-погребов, перекрытых жилищем (№99—101, 105,

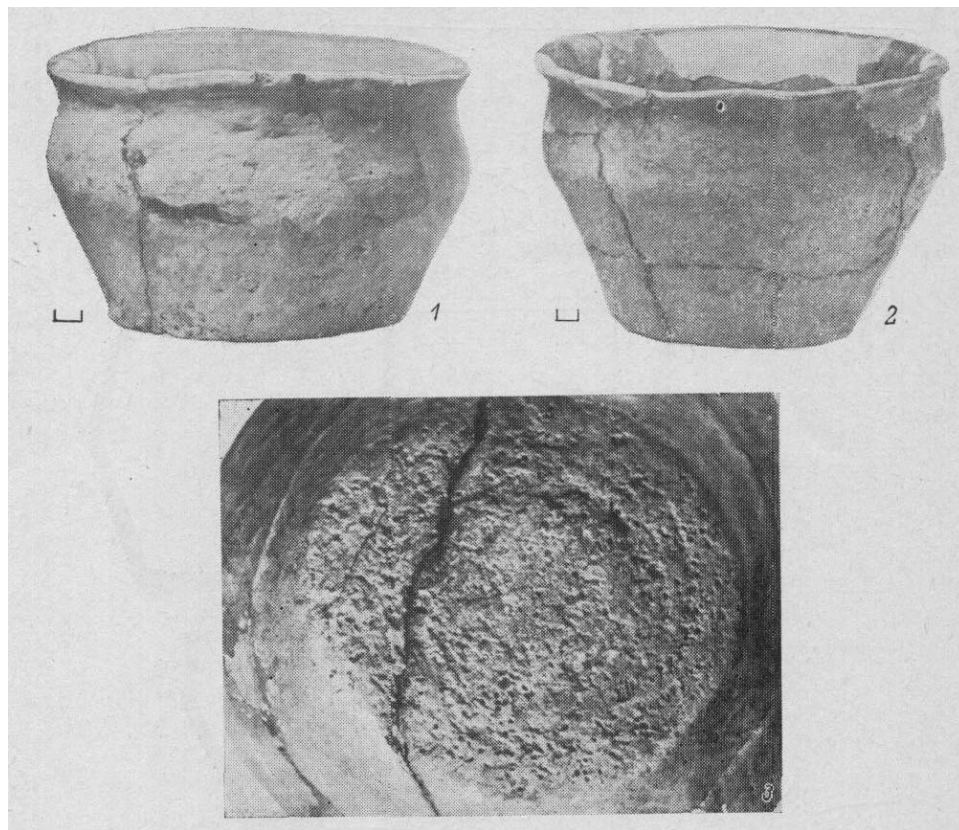

Рис. 43. Хитцы. Лепные сосуды.

1 — жил. VIII; 2 — жил. V; 3 — то же (днище с отпечатками зерен проса).

108). Юго-восточный угол занимает печь, сооруженная в материковом останце. Внешние размеры печи 1.2x1.2 м. Высота сохранившейся части 0.25 м. Свод разрушен. Топка в плане овальная, длиной 0.9 м, шириной 0.4 м; стенки ее подмазаны глиной. Под, устроенный на уровне пола, состоит из двух слоев обожженной глины, толщиной 2.5—3 см каждый. В топке обнаружены зола, угли, а также глиняные вальки и «хлебцы», входившие в конструкцию свода. Диаметр «хлебцев» 7—12 см, толщина 2—3 см. Вальки имеют форму, близкую к цилиндрической; некоторые слегка утолщены на одном из концов. Их длина 12—10 см, толщина 5—8 см. Из ям, обнаруженных в полу, к жилищу, по-видимому, относится лишь одна, которая находится в западной его половине. Ее диаметр 0.5 м, глубина 0.2 м. Заполнение ямы углистое. В пределах жилища разобран гумусный серый слой, возле печи более темный, с включениями обожженной глиняной крошки, углей. В заполнении и на полу жилища найдены примерно 30 обломков лепных сосудов, несколько обломков глиняных сковородок (рис. 48), кости животных. Кроме того, из жилища происходят небольшое

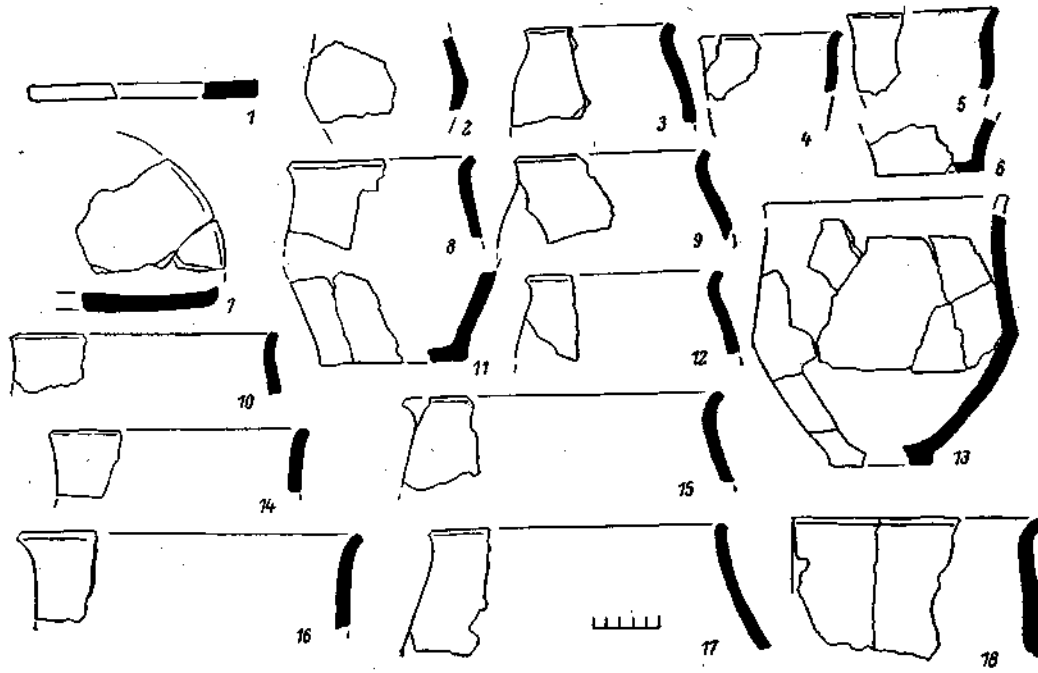

Рис. 44. Хитцы. Керамика жил. VI (1—18).

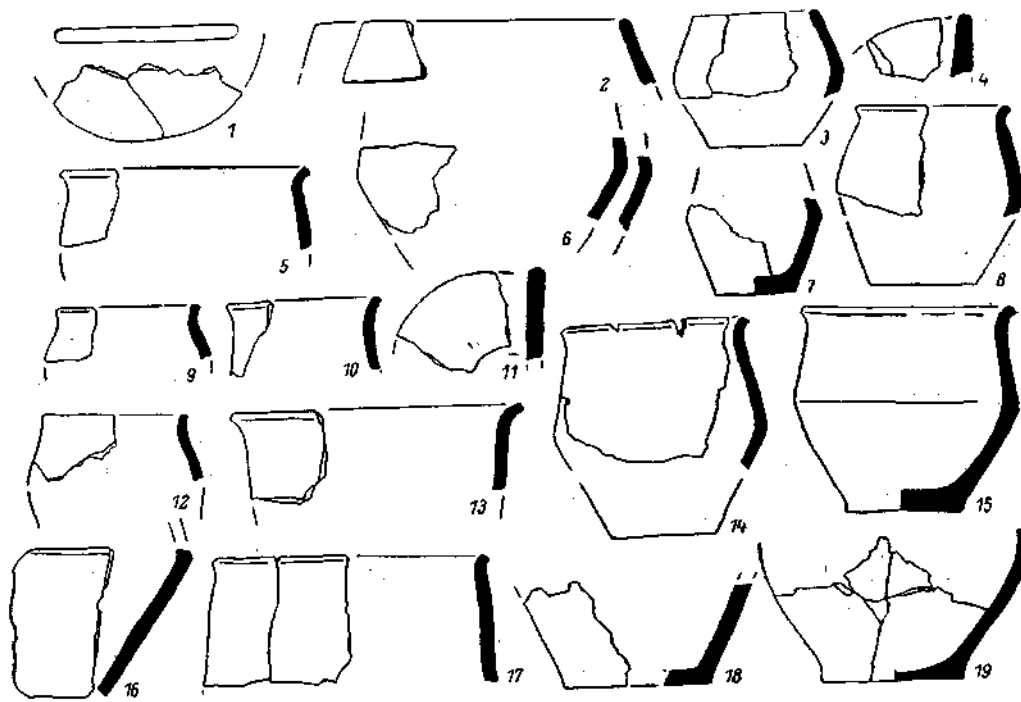

Рис. 45. Хитцы. Керамика жил. VII (1—19).

железное кольцо, поврежденное коррозией, костяное лоцило, точильный камень (рис. 23, 8).

Жил. XI — полу земляночное, квадратное (длина стен 4.5 м), ориентировано по странам света. Пол залегал на глубине 0.2—0.3 м. Юго-восточный угол нарушен округлой ямой-погребом (№ 114). В полу выявлены основания еще четырех подобных ям (№ 115, 154—156). Пол ровный, материковый, без следов подмазки глиной. В центре его обнаружена яма от столба, поддерживавшего кровлю. Она смыкается с ямой-погре-

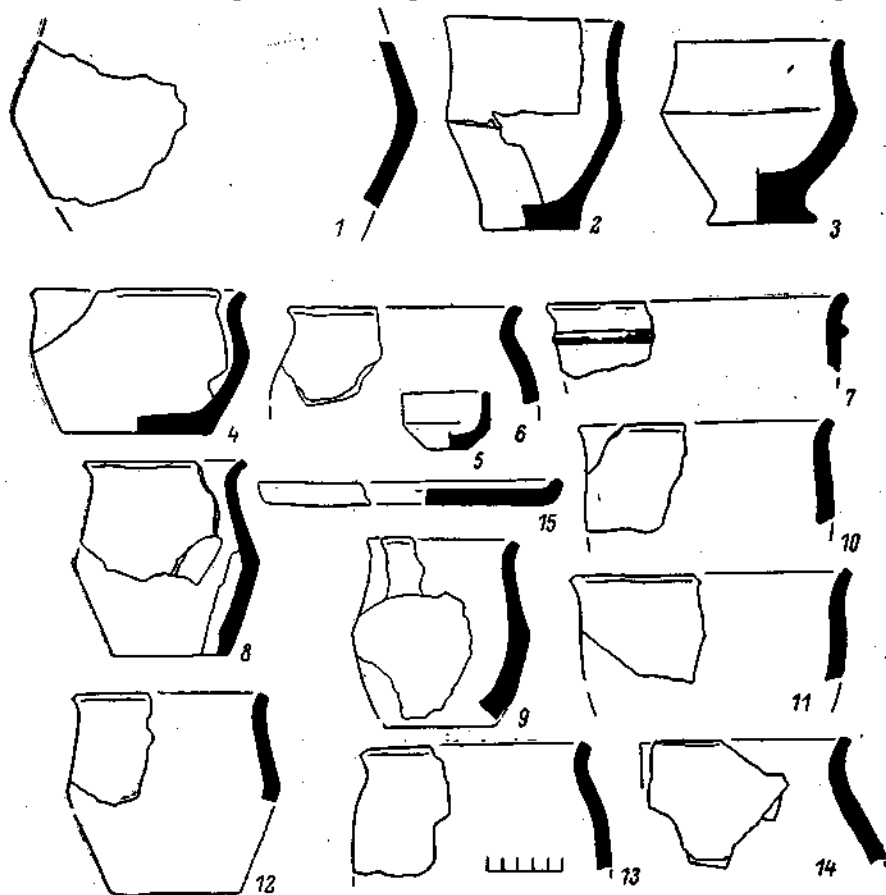

Рис. 46. Хитцы. Керамика жил. VIII (1—14).

бом (№ 156). Ее диаметр 0.25 м, глубина 0.2 м. Очаг не сохранился. Заполнение жилища гумусное, рыхлое, серого цвета, у стен несколько более светлое, с включениями материкового суглинка. В жилище — на полу и в заполнении — найдены обломки грубой лепной посуды (около 50), кости животных, кусок железного шлака, точильный камень. Керамика жилища грубая, с примесью шамота в тесте, со следами небрежного сглаживания на наружной поверхности. Она состоит из обломков биконических и округлобоких горшков, характерных для пеньковской культуры. Кроме того, имеются обломки сковородок с низким бортиком, а также маленькая миска с полным профилем (рис. 49).

Жил. XII — полуземляночное, в плане прямоугольное (5.5x4.5 м), ориентировано углами по странам света. В северо-восточной части перекрывает жил. XIII. Углублено в материк на 0.4--0.5 м. Пол ровный, материковый. В восточном углу располагается печь, сооруженная в материковом останце. Внешние ее размеры 1.1x 1.4 м, высота сохранившейся части 0.5 м. Толщина боковых стенок 0.2—0.25 м. Топка в плане

близка к прямоугольной, длиной 0.9 м, шириной 0.45 м, устьем обращена на юго-запад. Стенки и под топку обмазаны глиной. Частично сохранилась кладка свода из крупных обломков каменного жернова (рис. 9, 2). Жилищем перекрыты три ямы-погребца (№ 132, 134, 135). Заполнение жилища гумусное, рыхлое, темно-серого цвета, местами углистое. В процессе его разборки на полу вдоль северо-восточной и юго-западной стен попадались куски горелого дерева. Пол был покрыт углистыми пятнами, линзами, а также вкраплениями обожженной глиняной крошки. Южный угол зани-

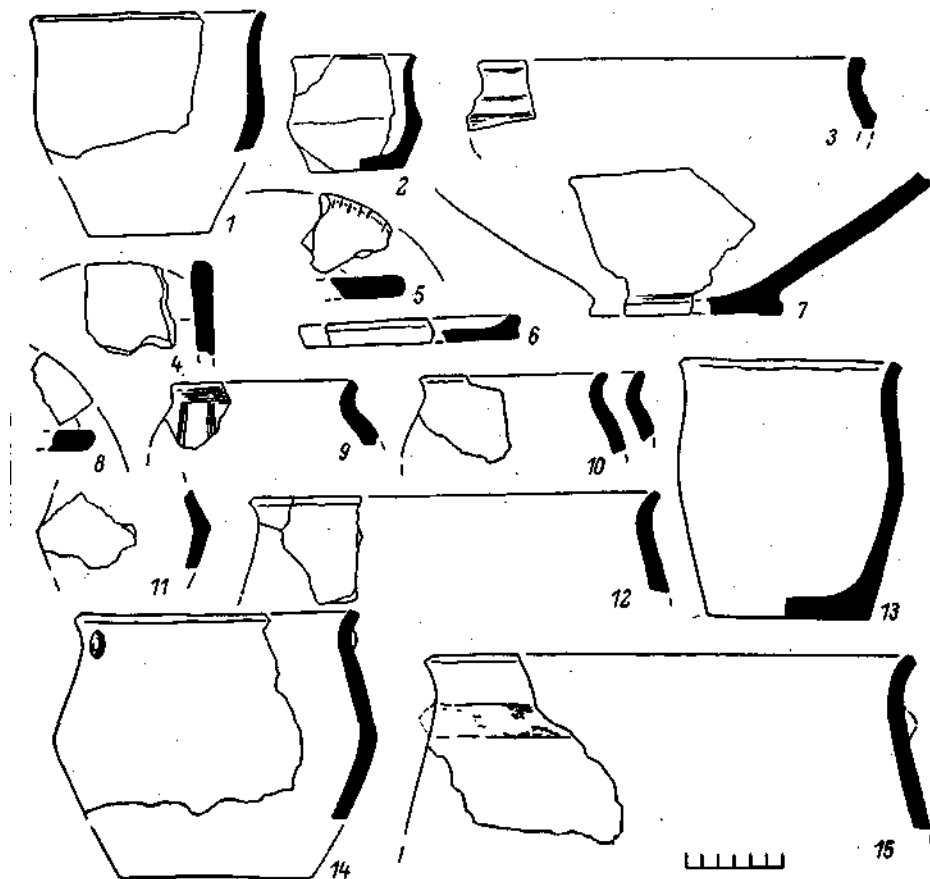

Рис. 47. Хитцы. Керамика жил. IX.

1, 2, 4—6, 8—15 — лепная; 3, 7 — гончарная черняховского типа.

мала тонкая углистая прослойка. Здесь же встречено небольшое скопление глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Керамика из печи и заполнения (около 100 обломков) лепная, с примесью шамота в тесте. Она характеризуется теми же признаками, что и посуда из жил. X (рис. 50). Из жилища происходят три глиняных пряслица: два обычной биконической формы, третье плоское, сделанное из стенки гончарного сосуда с лощеным узором (рис. 22, 13). В развале печи найдены точильный камень, железная пластинка.

Жил. XIII — полу земляночное, ориентировано так же, как жил. XII, которым оно нарушено. Длина стен 5.25 и 5.5 м. Пол ровный, залегает на одном уровне с полом жил. XII. В полу прослежены нижние части ям-погребов (№ 135—137), не принадлежащих ко времени жилища. С последним связываются лишь две ямы: округлая диаметром 0.3 м, глубиной 0.2 м — у северной стены; столбовая — в северном углу. Заполнение

жилища гумусное, рыхлое, серого и темно-серого цветов, возле стен с включениями материкового суглинка. В нем найдена исключительно лепная керамика (около 60 обломков), которая относится к пеньковской культуре (рис. 51). Кроме посуды обнаружены глиняное биконическое пряслице (рис. 22, 3) и два костяных лоцила.

Жил. XIV — пятно этого жилища, не имевшее четких границ, выступило при разборке третьего пласта культурного слоя на глубине 0.7—0.75 м. Скорее всего жил. XIV не отличалось от большинства других ни

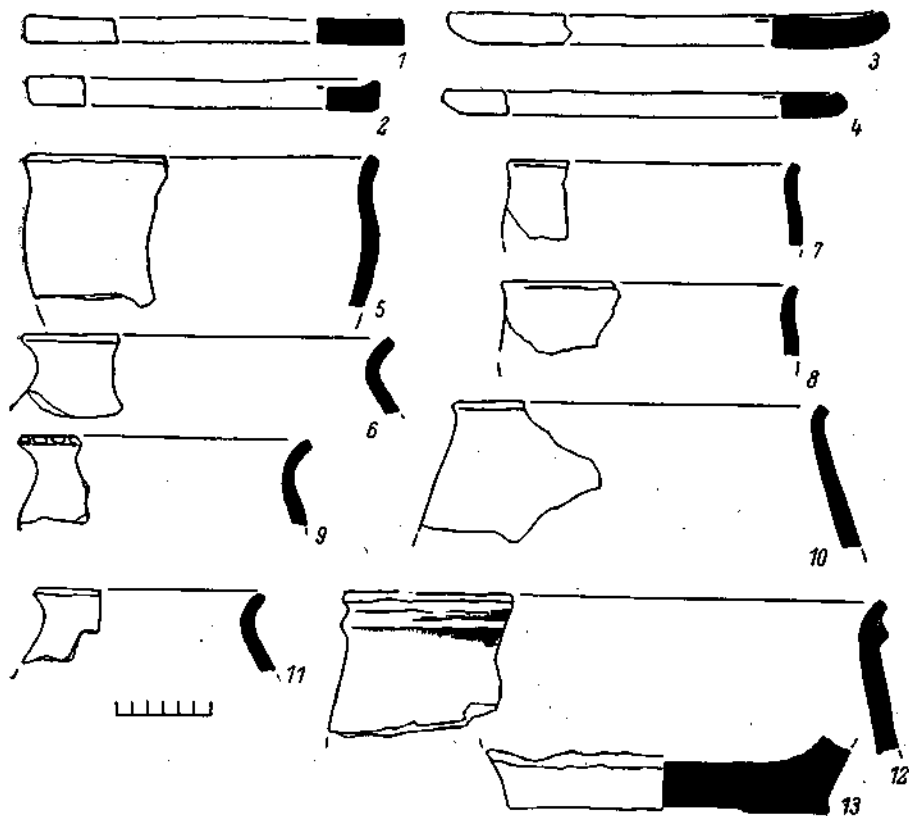

Рис. 48. Хитцы. Керамика жил. X (1—13).

формой, ни размерами. С ним связываются отдельные сосуды с полным профилем (рис. 39, 1; 52, 4, 6; 53, 5—8; 54, 12, 13, 17).

В пределах раскопов I и II обнаружено 177 хозяйственных ям-погребов, принадлежащих к разным временным горизонтам поселения. Преобладают округлые и овальные в плане ямы с почти отвесными стенками, ровным горизонтальным дном. Диаметр округлых ям от 0.6 до 1.6 м, овальные имеют размеры от 0.8x1.2 до 1.8x2.4 м. Глубина ям колеблется в пределах от 0.25 до 0.8 м. Лишь два хозяйственных сооружения отличаются по форме (№ 18 и 124). Они подчетырехугольные, углублены всего на 0.15—0.2 м. По периметру их обнаружены развалы обожженной глины с отпечатками недлинных плах и жердей. В большинстве ям-погребов найдены только единичные кости животных, мелкие обломки лепной керамики, не дающие представления о формах (№ 1, 3—6, 8—13, 16—19, 21-32, 34, 37, 40-43, 45, 46, 49, 51-54, 56, 58-65, 68-72, 76, 80-83, 85, 86, 88-90, 92, 94-96, 99, 101—108, 110-115, 119, 126, 129, 132-137, 139—157 — раскоп I; № 1—3, 5—12, 14, 18—20 — раскоп II). Лишь некоторые ямы содержали выразительную керамику (рис. 55; 56; 57, 1, 2, 4).

Поселение у с. Хитцы существовало длительное время, что видно уже из условий расположения жилищ и ям-погребов (рис. 18). Одни жилища (II, XI) перекрыты другими (III, XII) и являются более ранними по сравнению не только с ними, но и с округлыми ямами-погребками, нижние части которых прослежены в их полу. Ямы-погребки обнаружены и в остальных жилищах, причем в большинстве случаев они не имеют к ним отношения. Ямы-погребки образуют на селище несколько компактных групп. Одни из

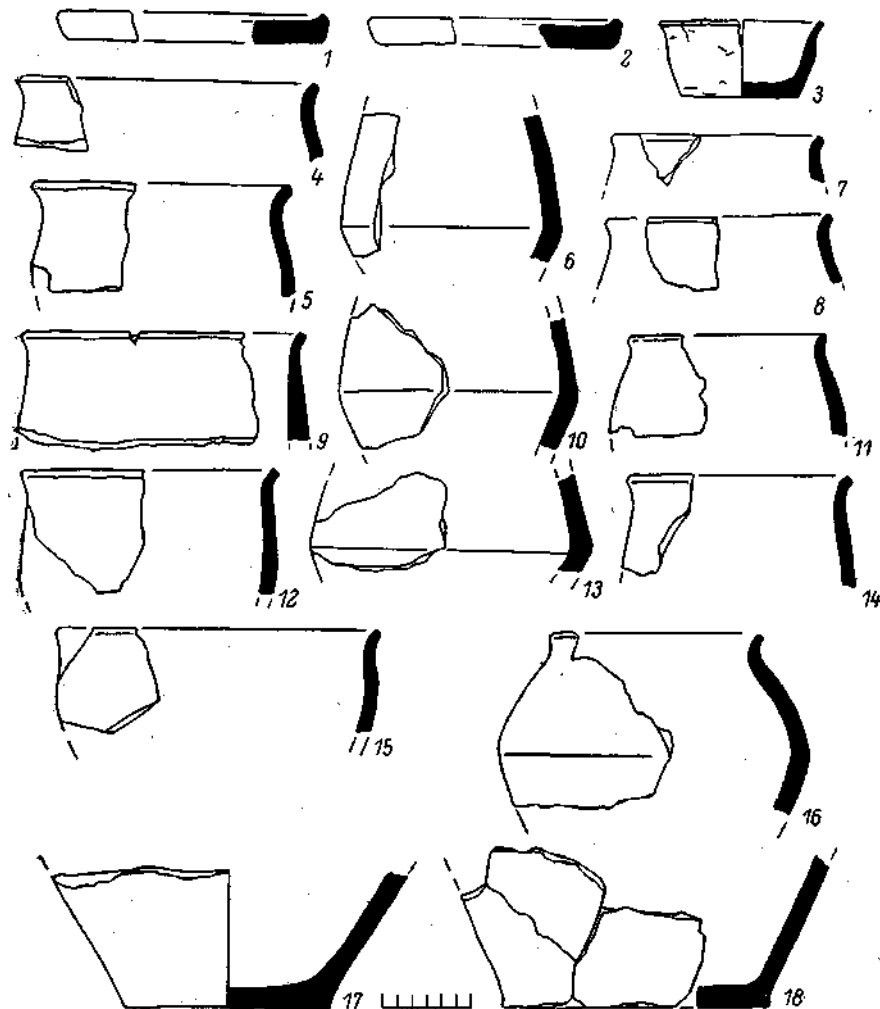

Рис. 49. Хитцы. Керамика жил. XI (1—18).

ям-погребов перекрывают другие или прорезают жилища. Такое расположение жилищ и хозяйственных ям объясняется долговременным характером поселения.

14 жилищ на основе стратиграфических наблюдений и анализа керамики могут быть разбиты на три временных комплекса, имеющих как отличия, так и хорошо выраженные общие черты: первый — жил. II, V, VI, VIII, IX, XIV; второй — жил. III, IV, VII, XI, XIII; третий — жил. I, X, XII. Что касается ям-погребов, то отсутствие в большинстве из них выразительной керамики, достоверно увязывающейся с ними, не позволяет произвести хронологическое членение.

Деление культурного слоя селища, связь жилищ с определенным горизонтом устанавливаются прежде всего на основе сравнительного анализа

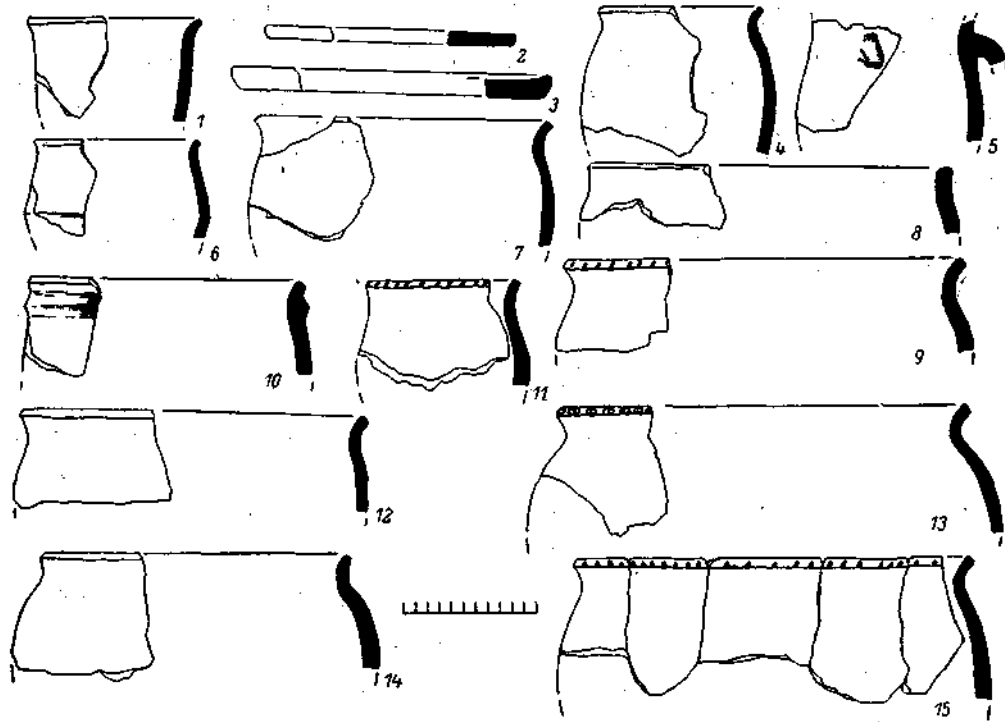

Рис. 50. Хитцы. Керамика жил. XII (1—15).

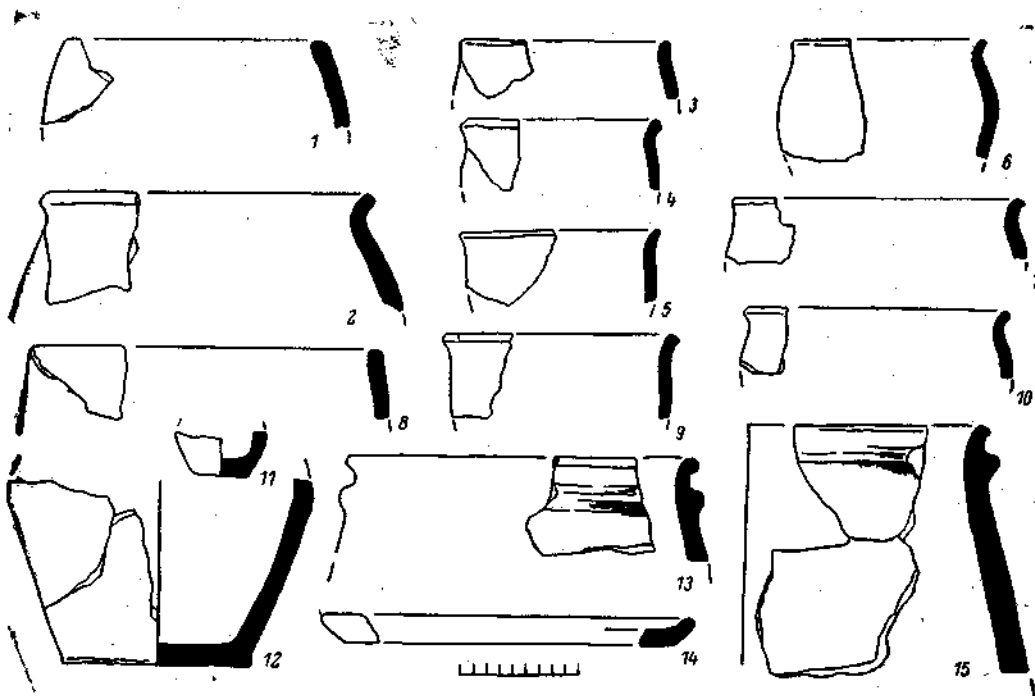

Рис. 51. Хитцы. Керамика жил. XIII (1—15).

керамики. В отношении двух первых горизонтов типология керамики подчас служит единственной опорой при разграничении в целом близких друг другу жилищ. Первый горизонт соответствует начальной стадии пеньковской культуры, до этого известной по единичным памятникам Правобережья (Большая Андрусовка, Голики и др.). Своеобразие его, ощутимое как в жилищах, так и в керамике, во многом определяется сочетанием

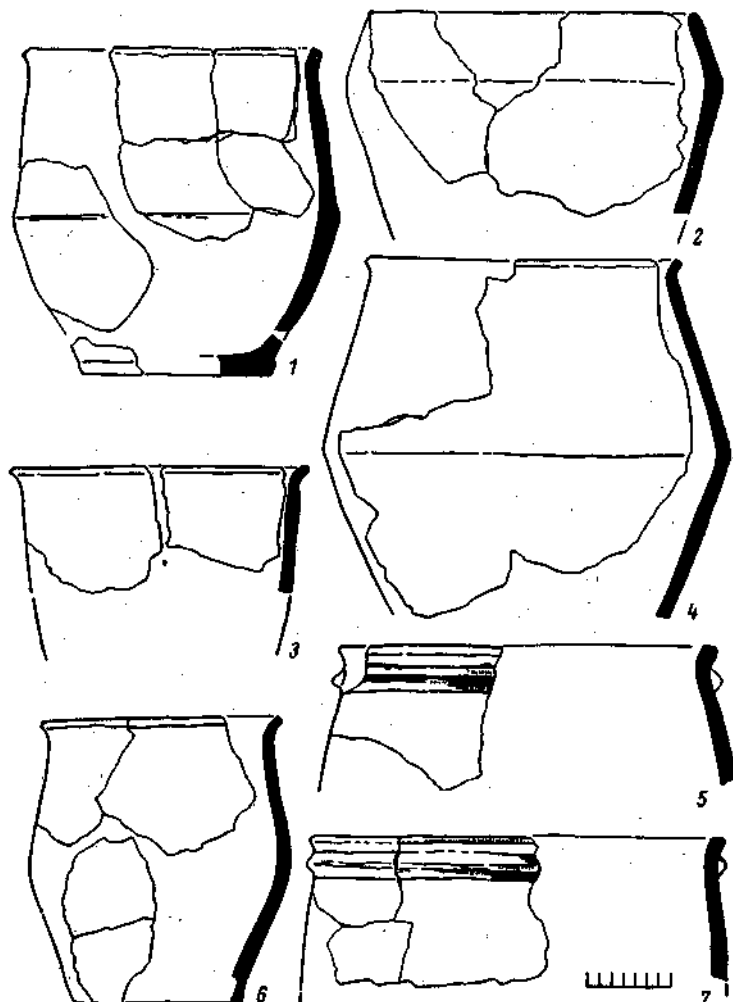

Рис. 52. Хитцы. Лепная керамика.
1—3, 5, 7 — культурный слой; 4, 6 — жил. XIV.

элементов, свойственных культуре киевского типа, и чисто пеньковских, что делает вероятным участие первых в сложении пеньковской культуры. Первый горизонт может быть датирован в пределах V—первой половины VI в. Второй горизонт представляет дальнейшее развитие первого и является типичным для пеньковской культуры второй половины VI—VII в. Третий горизонт сближается с кругом памятников волынцевского типа (VIII—IX вв.).

4-3, 44. Малый Вязивок, Полтавская обл., р. Слипорида (приток р. Сулы) — два селища третьей четверти I тыс. Одно находится между двумя притоками р. Слипорида, в его устье, в 3 км к югу от села, слева от дороги Лубны—Мацковка. Расположено на узком, вытянутом по направ-

лению к Суле островке, на высоте около 1 м над уровнем реки. Из сборов происходят обломки лепной пеньковской посуды с примесью шамота в тесте, а также гладкостенных амфор. Аналогичная керамика найдена и на другом селище, открытом в 0.7 км к юго-западу от первого, ближе к с. Мацковка. Оно занимает край первой надпойменной террасы р. Слипорида по обе стороны от дороги Лубны—Мацковка. Высота террасы над поймой

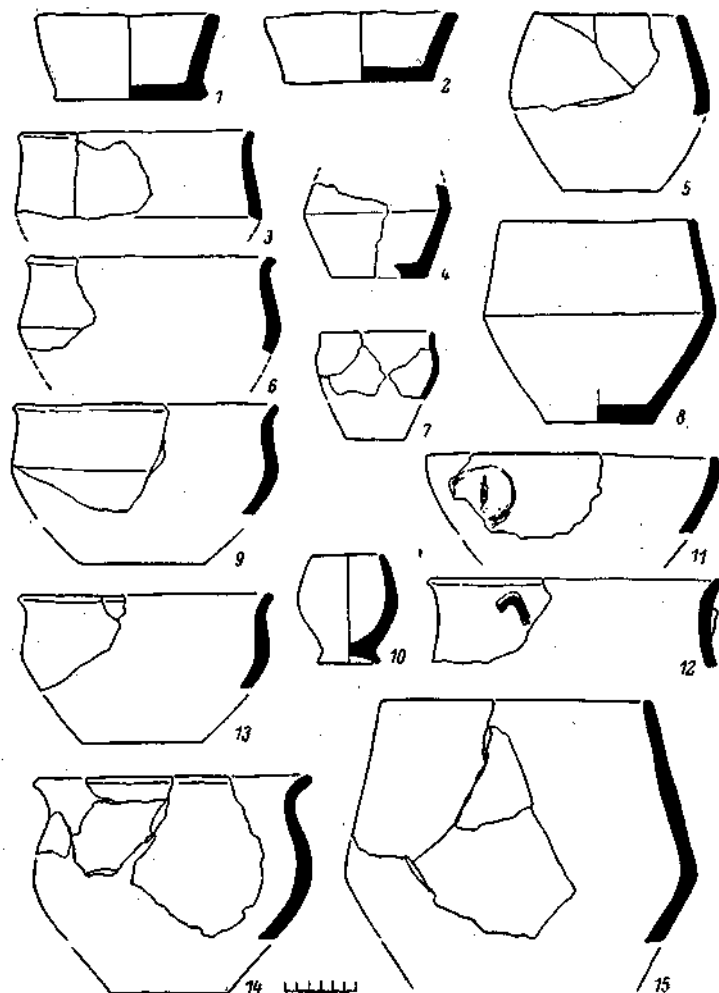

Рис. 53. Хитцы. Лепная керамика.
1—4, 6, 7, 9—15 — культурный слой; 5, 8 — жил. XIV.

около 3.5—4 м. Культурный слой распахивается. Керамика встречается», на пашне в полосе длиной не менее 300 м, шириной 40—60 м.

Горюнов Е. А. Отчет за 1973 г.

45. Макаренков, Полтавская обл., р. Вопнярка (приток р. Псла) — селище середины I тыс. (?). Расположено на мысу правого берега реки, у западной окраины хут. Макаренкова. Толщина пахотного чернозема на мысу достигает 0.9—1.1 м. При сборах на пашне обнаружены обломки грубой лепной посуды с шамотом в тесте. Они невыразительны и не поддаются точному определению.

Горюнов Е. А. Отчет за 1971 г.

46. Писаревщина, Полтавская обл., бассейн р. Псла — селище пеньковской культуры V—VII вв. Находится в устье мокрой балки, впадающей слева в долину небольшого ручья, на правом ее берегу, напротив села. Берега балки в самом ее низовье пологие, высотой до 2 м; выше дороги они постепенно становятся круче, поднимаясь на 6—8 м. Селище вытянуто вдоль берега балки на 300—350 м.

Горюнов Е. А. Отчет за 1971 г.

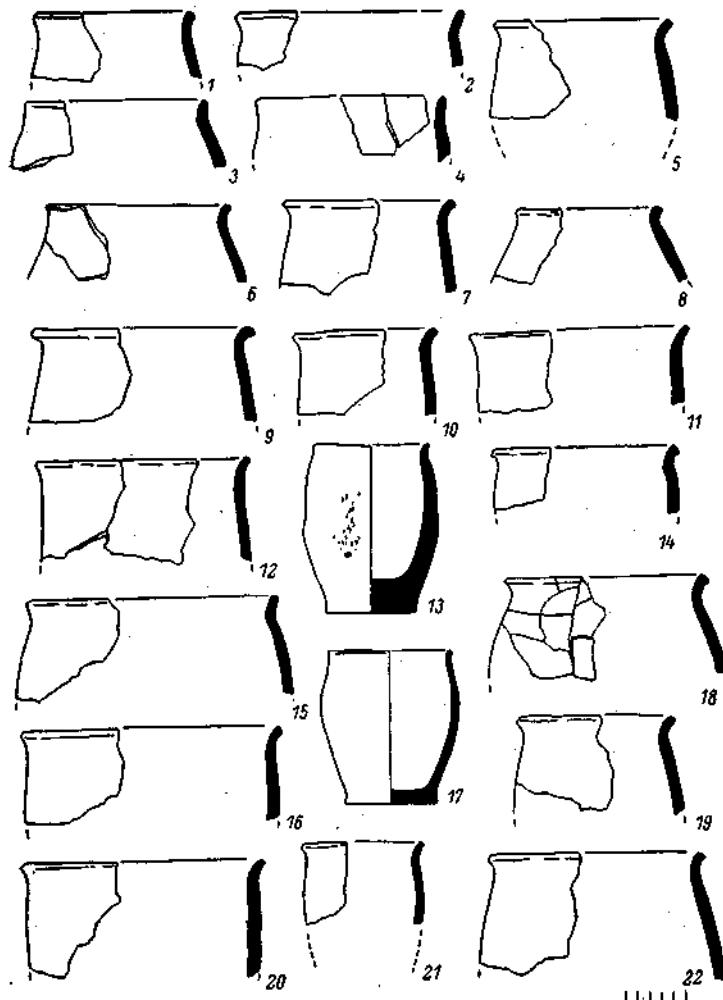

Рис. 54. Хитцы. Лепная керамика.

1—11, 14—16, 18—22 — культурный слой; 12, 13, 17 — жил. XIV.

47. Прокоповка, Полтавская обл., р. Гузская Голтва — селище¹, IV—V вв. (?). Обнаружено в 0,5 км северо-восточнее хут. Прокоповка, на пологом склоне левого берега реки, имеющем высоту 4—5 м. Толщина пахотного чернозема близ кромки берега 0,5 м. На пашне встречается гончарная и грубая лепная керамика. Первая связывается с черняховской культурой. Лепная керамика не отличается от известной по пеньковским древностям. *Горюнов Е. А. Отчет за 1971 г.*

48. Демидовка, Полтавская обл., р. Ольховая Голтва — селище VI—VII вв. Расположено на слабо выраженной первой террасе и склоне правого коренного берега реки, между руслом, делающим здесь петлю, и шоссе Киев—Полтава, слева от него, в 2 км выше с. Демидовка. При сборах встре-

чена керамика двух типов: гончарная черняховская и лепная пеньковская. Последняя связывается главным образом с пологим склоном сниженного коренного берега, состоит из обломков биконических горшков, сковородок, «зерновиков» с налепным валиком под венчиком.

Горюнов Е. А. Отчет за 1971 г.

49. Полтавцы, Полтавская обл., р. Полуозерье (приток р. Ворсклы)— селище V в. (?). Занимает широкий пологий мыс правого коренного берега высотой 4—5 м. В шурфе выявлена хозяйственная яма колоколовидной формы. В ней встречены кости животных, обломки грубой лепной кера-

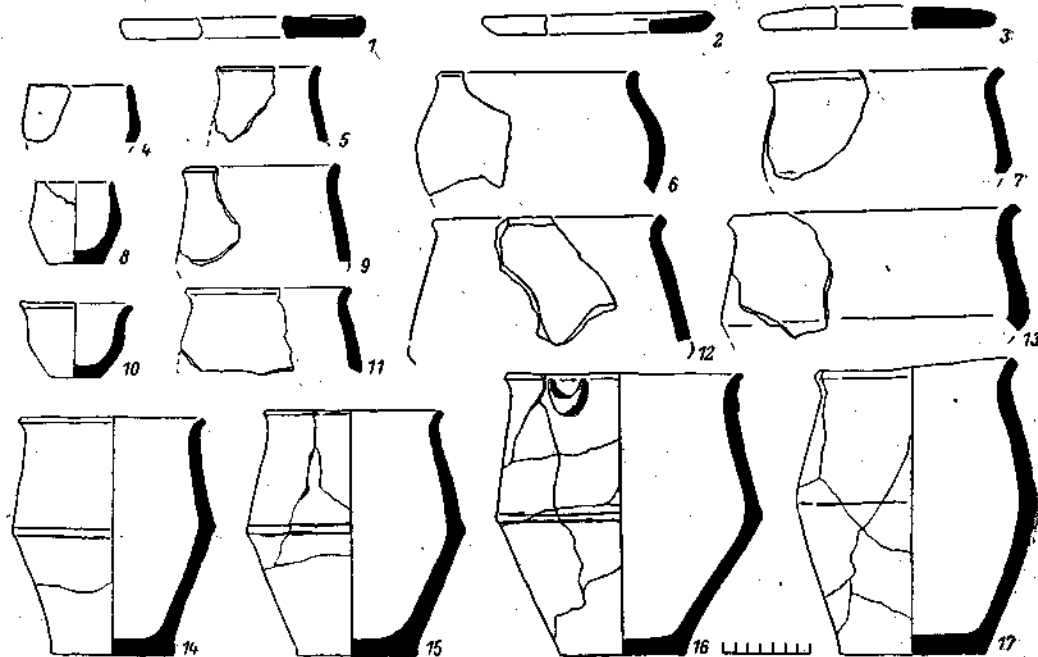

Рис. 55. Хитцы. Лепная керамика из хозяйственных ям раскопа I.

1, 11, 13 — яма 122; 2, 9 — яма 118; 3 — яма 138; 4, 8 — яма 109; 5 — яма 93; 6 — яма 117; 7 — яма 121; 10 — яма 131; 12 — яма 124, 14—16 — яма 91; 17 — яма 116.

мики, в том числе реберчатой, с примесью шамота в тесте. Здесь же оказался венчик-«воротник» гончарной миски Черняховского типа.

Горюнов Е. А. Отчет за 1971 г.

50. Чернечина, Днепропетровская обл., р. Орель (приток р. Днепра)— многослойное селище. Открыто в 3 км к востоку от села, в пойме реки. Обследовалось С. П. Юренко и О. В. Сухобоковым в 1974 г. Обнаружены! полуземляночные жилища с центральным столбом и открытым очагом, ямы-погребя, датируемые по керамике зарубинецким временем. Отдельные жилища принадлежат к пеньковской культуре.

Юренко С. П., Сухобоков О. В. Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской области. — АО 1974 г., М., 1975, с. 376, 377.

51. Миклашевский, Полтавская обл., бассейн р. Сулы — селище VI—VII вв. Находится в 1.5 км восточнее хут. Миклашевского, на берегу оз. Быстрик, в устье р. Сулы. Обнаружено в 1959 г. М. П. Кучерой. При зачистке культурного слоя в местах его обнажения встречены обломки лепной керамики пеньковской культуры, кости животных. С селища происходят два серебряных браслета, аналогичных известным в лесостепных кладах VII в.

Кучера М. П. Отчет о раскопках на древнерусском городище у хут. Миклашевского, Еремеевского сельсовета Градишского р-на Полтавской обл. в 1958, 1959 гг. — Арх. ИА АН УССР, 1959/1, № 3331.

52. Жовнин, уроч, Василенки, р. Сула — селище V в. Занимает мыс сниженного коренного берега реки. При обследовании Л. М. Рутковской здесь обнаружены остатки двух наземных (?) жилищ, представленные развалами глиняной обмазки стел, печины. Среди керамики преобладают горшки бикопической формы. Из вещей найдены костяная туалетная ложечка, обломок браслета с утолщенными концами.

Рутковская Л. М. Дослідження поблизу г. Жовнин Черкаської області. — АИУ 1969 г., Київ, 1972, с. 224—229.

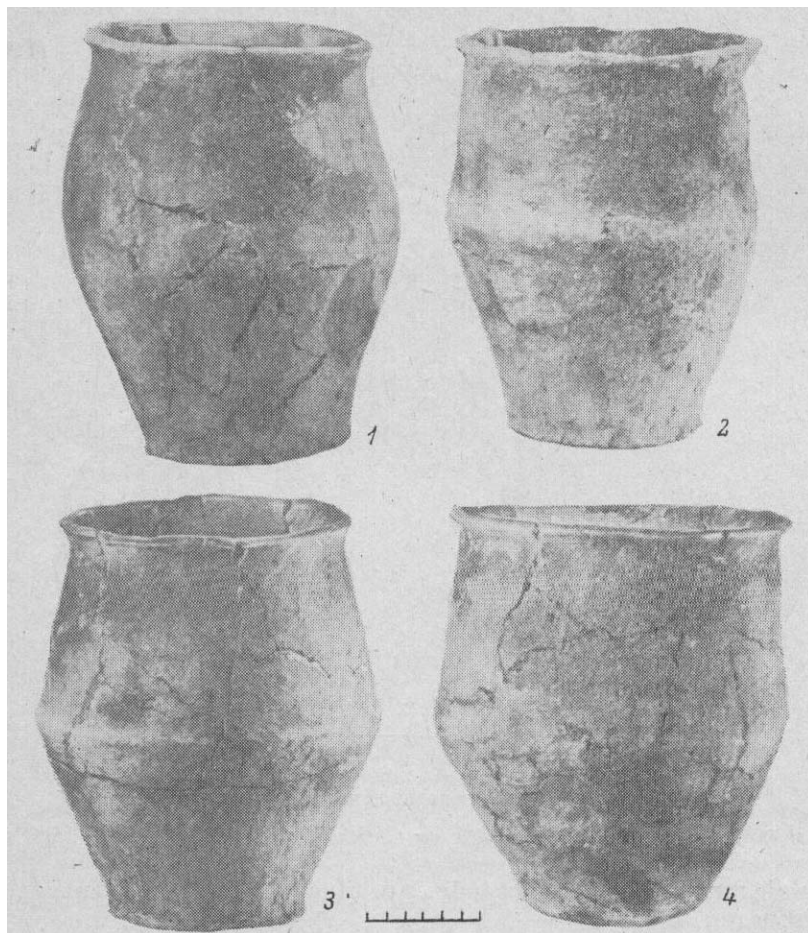

Рис. 56. Хптцы. Лепные сосуды.

1 — яма 116; 2 -4 — яма 91.

53. Домантово, Черкасская обл., р. Днепр — селище VI—VII вв. Обследовалось С. С. Березанской в 1958 г. Обнаружена землянка с печью-каменкой (?). Размеры ее 5.3x4.8 м, углублена на 0.7 м. Селище относится к пеньковской культуре.

Березанская С. С. Отчет о работе в окрестностях с. Домантово Золотоношского р-на Черкасской обл. в 1958 году. — Арх. ИА АН УССР, 1958/Ид, № 3257.

54. Коробовка, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1950 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, 1963, № 108, с. 200.

55, 56. Крутьки, Черкасская обл., р. Днепр — два селища пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

57. **Васютинцы**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

58. **Мельники**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

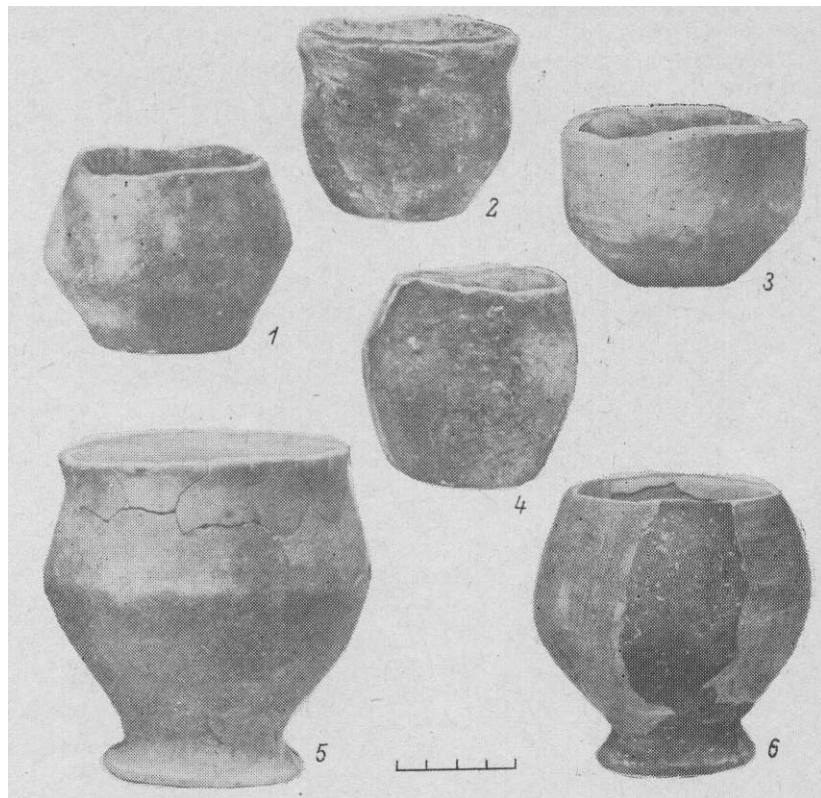

Рис. 57. Хитцы. Миниатюрные лепные сосуды и кубки.

1 — яма 109; 2 — яма 131; 3, 5 — жил. VIII; 4 — яма 98; 6 — культурный слой.

59. **Мойсинцы**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

60. **Ирклиев**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

61. **Котлов**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1958 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

62. **Самовица**, Черкасская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1956 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

63. **Радуцковка**, Полтавская обл., р. Днепр — селище пеньковского типа. Разведки 1958 г.

Березовец Д. Т. Поселения уличей. . . , с. 200.

64. Занки, Харьковская обл., бассейн р. Северского Донца — селище третьей четверти I тыс.

Радацкая В. Е. Исследование памятников в бассейне Северского Донца — АО 1972 г., М., 1973, с. 327.

65. 66. Осиповка, Днепропетровская обл., р. Орель — два поселения. Исследованы экспедицией Днепр—Донбасс в 1970—1972 гг. Одно находится в 1.5 км к юго-западу от села, в уроч. Пляж. На вскрытой площади (240 м²) обнаружены полуземляночное жилище (4.6x2.2 м) и шесть хозяйственных ям. Судя по характеру встреченной керамики, селище имеет два слоя: первый — I—III вв., второй — третьей четверти I тыс., а не один III—V вв., как полагают Д. Я. Телегин и С. А. Беляева — авторы публикации. К позднему слою, видимо, принадлежит основная масса грубой лепной керамики, дающая характерное для пеньковских комплексов сочетание биконических и округлобоких горшков. Второе селище находится в уроч. Лиман. Дата его — II—III вв., что устанавливается по находкам аморфной керамики.

Телегин Д. Я., Беляева С. О. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі. — Археологія, Київ, 1975, т. 18, с. 96—101, рис. 1—3.

67. Лисковка, уроч. Парасчина Гребля, Днепропетровская обл., р. Орель — селище середины I тыс. Находится на склоне левого берега реки, под усадьбами села. Разведки экспедиции Днепр—Донбасс. Из сборов происходит грубая лепная керамика, по мнению Д. Я. Телегина и С. А. Беляевой, близкая к известной среди пеньковских древностей Потясминья.

Телегин Д. Я., Беляева С. О. Пам'ятки. . . , с. 104, 105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АИУ — Археологические исследования на Украине.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АС — Археологический съезд.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ЗРАО — Записки Российского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Известия Археологической комиссии. М.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
Л.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии. М., Л.
РВД — Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М., Л.
СРС — Слов'яно-руські старожитності. Київ.
СЭ — Советская этнография. М.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
АР — Archeologia Polona. Warszawa.
AR — Archeologicke Rozhledy. Praha.
РА — Památky Archeologicke. Praha.
SA — Slovenská Archeologia. Bratislava.
SMYA — Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. В ПОДЕСЕНЬЕ	5
История исследований	5
Топография, характер поселений	11
Керамика, хронология	15
Жилища, хозяйственные сооружения	23
Могильники	29
Хозяйство и общественные отношения	34
Место деснинских памятников III—VIII вв. в «культурной стра- тиграфии» Верхнего и Среднего Поднепровья	35
Глава II. ПАМЯТНИКИ СЕРЕДИНЫ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕ- РЕЖЬЕ	48
История исследований	48
Новые данные о памятниках III—V вв.	54
Поселения и могильники третьей четверти I тыс. н. э.	60
Керамика, хронология, южные элементы пеньковской культуры	71
Глава III. ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕ- ВОБОЕРЕЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э.	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
Каталог археологических памятников бассейна р. Десны (вторая и третья чет- верть I тыс. н. э.)	95
Каталог археологических памятников Днепроовского лесостепного Левобережья (киевская, колочинская и пеньковская культуры)	104
Список сокращений	134

На обложке — браслеты с поселений Воробьевка 2 и Большие Будки, пальчатая фибула с Харьковщины (случайная находка 1970-х гг.) и фибула из могильника колочинской культуры у с. Картамышева Курской области (раскопки автора 1979—1980 гг.).

Евгений Алексеевич Г о р ю н о в
РАННИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН
ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Бахтина Е.Ю., Гинзбург А. А.*

ИБ М 20121

Сдано в набор 11.02.81. Подписано к печати 03.08.81.
М-18960. Формат 70X108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л.
8¹/₂+1 вкл. (¹/₄ печ. л.) = 12.25 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 12.49. Тираж 2000. Изд. № 7731. Тип. зак. 130.
Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12